

АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН

«ГИБЕЛЬ ЗАПАДА»
И ДРУГИЕ МЕМЫ

ИЗ ИСТОРИИ РАСХОЖИХ ИДЕЙ
И СЛОВЕСНЫХ ФОРМУЛ

МОСКВА, 2020

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Д64

Издатель Андрей Курилкин

Дизайн Дарья Яржамбек, Юрий Остроменцкий

Редактор Андрей Курилкин

В оформлении обложки использован рисунок из нотного издания:
When the Titanic went down / Words by Kittie D.G. Rogers,
music by M.C. Hanford. Washington, D.C., 1912.

Долинин А.А.

Д64 «Гибель Запада» и другие мемы:

Из истории расхожих идей и словесных формул.

М.: Новое издательство, 2020. — 158 с. — (Новые материалы
и исследования по истории русской культуры).

ISBN 978-5-98379-247-8

Кому гадит англичанка, давно ли начал загнивать Запад и кто сказал, что все мы вышли из гоголевской «Шинели»? Увлекательная история этих и многих других расхожих идей и словесных формул, которые веками живут в русской культуре, в книге Александра Долинина превращается в глубокое исследование устройства культурной памяти и сложной механики культурных изменений.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-247-8

© Новое издательство, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
«Гибель Запада»: к истории одного стойкого верования	11
«Англичанка гадит»	65
«Поскребите русского и найдете татарина»	72
«Тоска по чужбине»	82
«Северная Семирамида»	86
Мемы Пушкина	97
1. «Иных уж нет, а те далече...»	97
2. «Праздник жизни»	102
3. «Зависть — сестра соревнования»	111
4. «Азиатская роскошь»	116
Кто сказал «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя»?	124
Пропущенные звенья в истории формулы	
«Серебряный век»: 1946–1952	135
Указатель имен	150

В эту книгу вошли статьи и заметки об истории крылатых слов, поговорок, расхожих цитат и других речевых и мыслительных клише, которые последнее время называют мемами. Некоторые из этих работ — как, например, о происхождении апокрифической фразы «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя» или термина «Серебряный век» — носят историко-литературный характер, в других рассматриваются общеизвестные словесные формулы, появившиеся еще в XIX веке, но использующиеся и по сей день в различных контекстах, в том числе в современном политическом дискурсе, не исключая и пропаганду.

«Каждая культура, — писал Ю. М. Лотман, — определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и „как бы перестает существовать“. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения»¹. Может показаться, что мемы, о которых идет речь в книге, благополучно переживают любую смену парадигм и принадлежат к классу «невычеркиваемых» культурных единиц. В некоторых случаях это действительно так. Вот уже два века русский комплекс неполноценности пытаются лечить псевдонаучными пророчествами неминуемой и очень скорой гибели Запада, которая всякий раз откладывается на потом. С другой стороны, среди мыслящих людей в России неизменной остается «тоска по чужбине», обнаруженная Ключевским еще в культуре XVII века. Чаше, однако, со сменой кодов и контекстов значение мемов изменяется, и они приобретают новые смыслы и функции. Так, формула «северная Семирамида» (о Екатерине II) теряет первоначальную острую двусмысленность и превращается в заурядный панегирический титул, когда забывается ее связь с сюжетом трагедии Вольтера «Семирамида». Восходящий к «Ревизору» мем «англичанка гадит», который когда-то считался образцом шовинистической глупости, ныне лживыми пропагандистами выдается за многовековую народную мудрость. В поговорке «Поскребите русского и найдете татарина» теперь видят намек на этническую нечистоту русской

---

¹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 201.

нации, тогда как в XIX веке всем было понятно, что татарин здесь означает дикаря, нецивилизованного азиата в противопоставлении цивилизованному европейцу.

К изучению возникновения, трансляции и переосмысления мемов я старался подходить как к частному случаю исследования механизмов культурной памяти, которая, подобно памяти индивидуальной, работает не только в режиме «хранения» или «забвения», но знает множество промежуточных состояний и должна изучаться в динамике. Более всего меня интересовали две стороны проблемы: происхождение мема и причины его выживания в разных контекстах. Свою задачу я видел в том, чтобы выявить источники расхожих формул и проследить их дальнейшую судьбу вплоть до сегодняшнего дня.

В настоящее время изыскания подобного рода все больше и больше опираются на электронный поиск необходимых источников. Многие мои находки тоже были сделаны при помощи Google Books Advanced Search и ряда других поисковых систем, хотя в общем и целом я предпочитаю дедовские способы. Очевидные негативные стороны работы с поисковиками и электронными базами часто отпугивают от них историков литературы старшего поколения (о коих не сужу, затем, что к ним принадлежу). Поисковики несовершенны (и становятся все менее пригодными для научных разысканий), плохо распознают старую орфографию, выдают огромное количество мусора, создают крайне опасную иллюзию полноты и отсылают к первым попавшимся изданиям; электронные базы, даже самые лучшие, полны лакун и ошибок, допущенных при сканировании текстов. Тем не менее, при соблюдении определенных правил отсеивания лишнего и верификации нужного, сейчас можно за несколько минут получить сведения, которые раньше добывались месяцами и годами. Приведу один занятный пример.

У Льва Лосева есть эссе «*De la symétrie triste*» о том, как в доинтернетную эпоху он и его друг Джеймс Райс искали источник пушкинского словосочетания «печальная симметрия» из «Пиковой дамы» («Полинялые штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотой, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями»²). Введенные в заблуждение каким-то американским студентом Райса, сообщившим, что он видел похожую фразу в книге Вашингтона Ирвинга, они предприняли многолетние

---

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1948. Т. VIII. Кн. I. С. 239.

поиски, которые не дали результата³. Если бы у Лосева и Райса была возможность воспользоваться интернетом, они за несколько минут выяснили бы, что никакой «печальной симметрии» у Ирвинга нет, но что она в форме «*la triste symétrie*» (именно с таким порядком слов) встречается по крайней мере в двух французских поэтических текстах, написанных до «Пиковой дамы», и в авторском примечании к третьему. Из них наиболее вероятным источником Пушкина можно считать первую песнь поэмы «Театральная декламация» («*La declamation théâtrale*», 1760) поэта и драматурга Клода-Жозефа Дора (Claude-Joseph Dorat, 1734–1780), которого Пушкин, безусловно, читал в Лицее, хотя впоследствии отнес к числу «бездарных писак, грибов выросших у корн<я> дубов»⁴. В ней поэт наставляет актрис:

*Loin du jeu théâtral la triste symétrie,
Et le compas glacé de la géométrie*

[Театральной игре чужда печальная симметрия / И холодный циркуль геометрии]⁵.

Конечно, доступ к интернету лишил бы Лосева и Райса удовольствия от чтения Ирвинга, но зато сэкономил бы им много времени и, главное, быстро принес бы искомый результат. Поскольку в моей практике подобные истории случались неоднократно, я думаю все-таки, что работа с поисковиками имеет больше плюсов, чем минусов.

Для настоящей книги я написал четыре новые заметки («Поскребите русского и найдете татарина», «Праздник жизни», «Зависть — сестра соревнования», «Азиатская роскошь») и полностью переработал «Северную Семирамиду», ранее доступную только в интернете, подправив и слегка дополнив все остальное⁶.

³ Лосев Л. *De la symétrie triste* // Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи. СПб., 2010. С. 14–23. См. также в воспоминаниях Райса: Райс Дж. Л. Леша в Скиннервилле: *Le ventre de Péterbourg et la tristesse symétrique* // Лифшиц/Лосев/Loseff. Сборник памяти Льва Владимировича Лосева / Составители М. Гронас, Б. Шерр. М., 2017. С. 109–122.

⁴ Пушкин А. С. Указ. соч. [М.; Л.,] 1949. Т. XI. С. 496.

⁵ Dorat C.-J. *Poesies*. Genève, 1777. Т. I. P. 7.

⁶ Первые публикации см.: 1) «Гибель Запада»: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 26–76; 2) «Англичанка гадит» // *Intermezzo festozo*: Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. Тарту, 2019. С. 112–120; 3) «Тоска по чужбине» // *From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon* / Ed. by L. Fleishman et al. Frankfurt am Main, 2012. P. 59–64; 4) «Иных уж нет, а те далече...» [Заметки

В работе с французскими источниками и переводами мне много раз помогала В. А. Мильчина, которой я безмерно благодарен за консультации. Если какие-то опечатки и неточности остались неисправленными, то вся вина за это лежит на мне. Кроме того, я хочу сердечно поблагодарить Б. А. Каца, Г. А. Левинтона, А. Л. Осповата, К. А. Осповата, Н. Г. Охотина, Р. Д. Тименчика, А. М. Хазанова, чьими знаниями и советами я неоднократно пользовался, Андрея Курилкина, позвавшего меня в замечательное «Новое издательство», и Софью Боленко, составившую именной указатель книги. Без моего первого и главного читателя, Галины Лапиной, книга не была бы написана. Галя, спасибо за все!

для Веры: комментарии к двум стихам из «Евгения Онегина»] // Русско-французский разговорник, или/ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной / Ред. Е. Лямина, О. Лекманов. М., 2015. С. 102–115; 5) Кто сказал «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя?» // Русская литература. 2018. № 3. С. 163–170; 6) Пропущенные звенья в истории термина «Серебряный век»: 1946–1952 // Acta Slavica Estonica. Vol. X. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Т. XVI: Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX — начала XX в. К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц. Тарту, 2019. С. 13–27.

«ГИБЕЛЬ ЗАПАДА»:
К ИСТОРИИ ОДНОГО СТОЙКОГО ВЕРОВАНИЯ

Россия по своему положению, географич<ескому>, политич<ескому> etc., есть судилище, приказ Европы. — Nous sommes les grands juges. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны...

— А.С. Пушкин

Как всем известно, русская культура изобилует всевозможными эсхатологическими пророчествами и предсказаниями, апокалиптическими проекциями, плачами о гибели мира или Земли Русской и т.п. В этом непрерывно пополняемом эсхатологическом дискурсе выделяется немалая группа текстов, которые — вопреки основному апокалиптическому канону — возвещают скорый, неминуемый конец не всемирной истории и не своему народу или государству, а чужой культуре — возвещают гибель Запада. Вот уже на протяжении почти двух веков многие русские интеллигенты, которым, говоря словами обращенной к ним инвективы Валерия Брюсова (1919), всегда «были любы трагизм и гибель / Иль ужас нового потопа», гадают, «в огне ль, на дыбе ль / Погибнет старая Европа»¹. Кто только не пророчил европейскому миру неминуемую, скорую, страшную гибель? Назову лишь самые громкие имена XIX — начала XX века: Иван Киреевский, Хомяков, Лермонтов, Шевырев, Тютчев, Одоевский, Достоевский, Данилевский, Герцен, Леонтьев, Розанов, Мережковский, Брюсов, Андрей Белый, Блок. Понятно, что все эти поэтические прорицания, публицистические иеремиады и псевдонаучные прогнозы были производными от исходного противопоставления России Западу как враждебных друг другу историко-культурных «организмов» — от пресуппозиции, где «своему» приписывались положительные, а «чужому» отрицательные признаки. Дряхлый, больной, гнивающий, материалистический, безбожный, буржуазно-индивидуалистический Запад должен погибнуть, чтобы освободить место для России — моло-

---

¹ Брюсов В. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. Д.Е. Максимова. Л., 1961. С. 433.

дого, здорового, расцветающего, одухотворенного и сплоченного глубокой христианской верой народа, которому суждено великое историческое будущее.

Впервые мысль о том, что историческая судьба Западной Европы близка к завершению, была высказана молодым Иваном Киреевским в «Обзрении русской словесности 1829 года».

Англия и Германия, — писал он, — находятся теперь на вершине европейского просвещения; но влияние их не может быть живительное, ибо их внутренняя жизнь уже окончила свое развитие, состарелась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним прилично. Вот отчего Европа представляет теперь вид какого-то оцепенения; политическое и нравственное усовершения равно остановились в ней; запоздалые мнения, обветшалые формы, как запруженная река, плодоносную страну превратили в болота, где цветут одни незабудки да изредка блестит холодный, блуждающий огонек².

Историко-культурная концепция Киреевского, как показал Александр Койре, основывалась на убеждении, что Европа достигла совершенства, и это совершенство

есть завершение. <...> Затем может последовать только стагнация, предшествующая упадку и неизбежному загниванию, — эти явления присущи всему живому. Чтобы продвинуться далее, нужны новые силы, требуется молодой организм. Но во всем мире лишь Россия способна нести знамя цивилизации, выпадающее из ослабевших рук западных народов; сюда сместится центр, живое сердце, которое даст ей новую кровь и вдохнет новую жизнь. По отношению к Западу Россия является наследницей, на которой сходятся все надежды семейства. Она получит все богатства, накопленные веками труда, весь опыт своих предков³.

Вслед за Киреевским, в 1833–1835 годах похожую концепцию разрабатывает В.Ф. Одоевский в очерке, который впоследствии составит эпилог «Русских ночей». На «старом Западе», констатирует он, вырождаются наука, искусство и религиозное чувство, что свидетельствует о неминуемом конце европейской цивилизации:

---

² Киреевский И.В. Эстетика, философия, критика. М., 1983. С. 78.

³ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 221–222.

Погибают три главные деятели общественной жизни! Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени — слишком простым: Запад гибнет!

Так! он гибнет! Пока он собирает свои мелочные сокровища, пока предается своему отчаянию — время бежит, а у времени есть собственная жизнь, отличная от жизни народов; оно бежит, скоро обгонит старую, одряхлевшую Европу — и, может быть, покроет ее теми же слоями недвижимого пепла, которыми покрыты огромные здания народов древней Америки — народов без имени⁴.

Как и Киреевский, Одоевский убежден, что сама высокая степень развития техники, промышленности, образования, политических институтов на современном Западе уже является «признаком падения, гибели», ибо «высшее развитие сил какого бы то ни было организма есть начало его конца»⁵. Спасти (излечить) одряхлевший Запад, по его мысли, может только вливание свежей, молодой крови, которую способен предоставить единственный донор — Россия:

Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой загадка, может быть, таится в глубине русского духа; мы — только свидетели; мы равнодушны, ибо уже привыкли к этому странному зрелищу; мы беспристрастны, ибо часто можем предугадать развязку, ибо часто узнаем пародию вместе с трагедией... Нет, недаром провидение водит нас на эти сатурналии, как некогда спартанцы водили своих юношей смотреть на опьянелых варваров!⁶

В статье С.П. Шевырева «Словесность и торговля», открывавшей первый же номер «Московского наблюдателя», говорилось, что «старость Европы» сделалась «пословицею всего образованного мира» и что современный европейский роман есть «выразитель эпохи престарелой» и потому имеет «лицо неприятное, эти неизбежные морщины и желтый цвет старости, лицо или запечатленное холодным отчаянием и безверием, или обезображенное судорогами испорченных нервов»⁷.

---

⁴ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 147.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Шевырев С. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Кн. 1. Март. Ч. I. С. 14, 15.

В 1836 году В.П. Титов, побывав за границей, обращается к Одоевскому с большим письмом, где сравнивает Германию со стариком, который «ходит с костылем <...> и сам чувствует свою дряхлость». После знакомства с Западом он, по его словам, «стал гораздо более *Турком* и *Азиатцем* нежели был когда-нибудь» и пришел к мысли, что России пора отказаться от подражания Западу и вернуться к «самим себе и к Востоку»⁸.

Примерно в то же время противопоставление смертельно больной Европы здоровой, полной сил, молодой России начинает появляться и в официальной, «уваровской» пропаганде. Сам С.С. Уваров в письме Николаю I (1832), где была впервые сформулирована знаменитая триада «православие — самодержавие — народность», вскользь заметил, что современная западная цивилизация содержит в себе «зародыш собственного уничтожения» (*le germe de sa destruction*) и находится в упадке (*dégradation*)⁹. Развивая мысли Уварова, профессор философии Петербургского университета А.А. Фишер в программной речи «О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия» призывал поставить заслон лжеобразованию, «которое, подобно нравственной язве, заражает и повреждает более и более общественное тело дряхлеющей Европы»¹⁰.

Из публицистики идея гибели Запада быстро перетекает в поэзию, где обретает символическую образность. Сначала А.С. Хомяков публикует в «Московском наблюдателе» знаменитую «Мечту» (1835) — своего рода некролог европейской культуры:

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
 На дальнем Западе, стране святых чудес:
 Светила прежние бледнеют, догорая,
 И звезды лучшие срываются с небес.
 А как прекрасен был тот Запад величавый!
 Как долго целый мир, колена преклонив

⁸ Титов В.П. Письмо В.Ф. Одоевскому / Публ. и примеч. В.И. Сахарова, А.В. Коренькова // Контекст 1994–1995: Литературно-теоретические исследования. М., 1996. С. 124–126. Об этом письме см. также: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. М., 1913. Кн. 1. Ч. 1. С. 336–337.

⁹ Цит. по: Зорин А. Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 92, 93.

¹⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. С. 31. Подробнее об этой речи см.: Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 273–280.

И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
Там солнце мудрости встречали наши очи,
Кометы бурных сеч бродили в высоте,
И тихо, как луна, царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
И веры огонь живой потоки света лил!..
О! никогда земля от первых дней творенья
Не зрела над собой столь пламенных светил!
Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток!¹¹

Хомяков, кажется, первым соединил пророчество (или, точнее, мечту) о гибели европейской цивилизации и расцвете «Востока» с астрономической и световой символикой, обыграв географическую локализацию двух противостоящих друг другу культур — восточной и западной, новой и старой — по странам света, где соответственно восходит и заходит солнце, и создав образ «заката Европы», который потом станет общеупотребительным топосом (напомним, что само слово «закат» означает и заход солнца, и запад). Подобно Киреевскому и Одоевскому, он противопоставляет блистательное прошлое западной науки, искусства и религиозного чувства современному и будущему их состоянию, которое осмыслиется как угасание, умирание, наступление мрака. На смену «европейской ночи» должен прийти новый день — «свет с Востока», то есть из России, которой, по Хомякову, Провидение предназначило стать центром новой, высшей культуры:

И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес¹².

---

¹¹ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л., 1969. С. 103.

¹² Там же. С. 107. Именно с Хомякова начинается история приспособления к России (и, шире, ко всему славянскому миру) латинского изречения «Ex Oriente lux», которое традиционно относили к восточной мудрости, к Палестине как родине Христа и христианства, к Древней Греции и т.п. Ср. аналогичную формулу в хомяковском

В 1836 году смерть Западу предрек и юный Лермонтов во второй (долгое время остававшейся ненапечатанной) части «Умиряющего гладиатора», где конец европейской культуры, пораженной «язвой просвещения» и потерявшей веру, уподобляется не закату солнца, а гибели бойца на арене:

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралоще детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещения,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны¹³.

Эта вариация на тему «гибели Запада», которая явно переключалась с «реакционными» идеями Одоевского или Хомякова, противоречила принятой в СССР концепции Лермонтова как «революционного романтика», что заставило советских комментаторов

стихотворении «Еще о нем»: «...не утро ль с Востока встает?» (Там же. С. 120) и в «Возврате» К.С. Аксакова: «Смотрите — мрак уж робко убегает, / На Западе земли лишь он растет; / Восток горит, день не далек, светает, / И скоро солнце красное взойдет» (Аксаков К.С. Сочинения / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Пг., 1915. С. 53). Сходную солярную символику нередко использовал Достоевский в своей публицистике. Ср., например: «...на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. <...> Солнце показалось на Востоке, и для человечества с Востока начинается новый день. Когда просияет солнце совсем, тогда и поймут, что такое настоящие „интересы цивилизации“» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 9, 51). Если для Достоевского, как и для Хомякова и Аксакова, восходящее солнце России есть солнце «Христовой правды», то в знаменитом стихотворении Вл. Соловьева «Ex Oriente lux» вопрос о том, каким Востоком хочет стать Россия — «Востоком Ксеркса или Христа?», — оставлен открытым (Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л., 1974. С. 81).

¹³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 2014. Т. I: Стихотворения / Отв. ред. Н.Г. Охотин. С. 270.

и исследователей стихотворения изворачиваться в поисках других, «прогрессивных» параллелей к концовке «Умиряющего гладиатора». Поскольку его первая часть представляет собой переложение двух строф четвертой песни «Паломничества Чайльд Гарольда», Б.М. Эйхенбаум попробовал связать с поэмой Байрона и лермонтовскую эсхатологическую картину умирающего на арене истории «европейского мира». «Вся IV песнь „Чайльд-Гарольда“ написана на тему непрочности культуры и построена на контрастах величия и разрушения, — комментировал он. — Стихи Лермонтова звучат как резюме Байроновских размышлений, но с важными и характерными дополнениями и деталями»¹⁴. М.Л. Нольман в статье «Лермонтов и Байрон» принял эту точку зрения, указав, что в 94-й строфе 4-й песни «Чайльд Гарольда», где речь идет о ходе мировой истории, есть сравнение человечества с гладиаторами¹⁵:

And thus they plod in sluggish misery,
 Rotting from sire to son, and age to age,
 Proud of their trampled nature, and so die,
 Bequeathing their hereditary rage
 To the new race of inborn slaves, who wage
 War for their chains, and rather than be free,
 Bleed gladiator-like, and still engage
 Within the same Arena where they see
 Their fellows fall before, like leaves of the same tree

[И вот так они бредут в вялой тоске, / И гниют от отца к сыну, от века к веку, / Гордые своей растоптанной природой, и так умирают, / Оставляя свой гнев в наследство / Новой расе врожденных рабов, которые воюют / За свои оковы и вместо того, чтобы добыть свободу, / Проливают кровь, как гладиаторы, и продолжают биться / На той же Арене, где перед ними / Раньше падали их собратья, подобно листьям / с одного и того же дерева]¹⁶.

Разумеется, уподобление мировой истории боям гладиаторов могло подсказать Лермонтову общий план развернутого сравнения,

¹⁴ См. комментарии Б.М. Эйхенбаума к «Умиряющему гладиатору» в изд.: *Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений*: В 5 т. М.; Л., 1936. Т. II. С. 164.

¹⁵ *Нольман М. Лермонтов и Байрон // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова*. М., 1941. С. 502–503.

¹⁶ *The Works of Lord Byron / Complete in One Volume. With Notes by Thomas Moore*, a.o. London, 1837. P. 52.

но «Умиравший гладиатор» отнюдь не резюмирует пессимистические размышления Байрона о неизменной порочности человеческой природы и отсутствии прогресса в нравственной сфере, а предлагает чуждую Байрону органицистскую концепцию стадийного развития «европейского мира», который, пережив «юность светлую, исполненную сил», пошел по ложному пути, предался «язве просвещения и гордой роскоши», потерял веру в «борьбе сомнений и страстей», состарился, обессилел и потому обречен на скорую гибель. Понимая, видимо, что эта историческая модель совсем не похожа на метаисторическую мизантропию Байрона, Эйхенбаум в примечаниях к стихотворению в собрании сочинений 1936 года добавил, что, кроме «Чайльд Гарольда», на Лермонтова повлияли и «некоторые славянофилы», чьи суждения о разложении «европейского мира» он повторил.

Даже осторожное сближение Лермонтова со славянофильскими воззрениями вызвало возражения у Л.Я. Гинзбург. Она признала, что заключительная часть «Умиравшего гладиатора» несколько напоминает «Мечту» Хомякова, которая, по ее предположению, могла послужить толчком для Лермонтова¹⁷. Однако, по Гинзбург, внешнее тематическое сходство лишь подчеркивает принципиальные различия, так как основная мысль Лермонтова здесь противоположна мысли Хомякова. Если Хомяков, пишет она, «готов преклониться перед Западом как источником христианской культуры», то

Лермонтов видит на Западе источник освободительных идей, рожденных Французской революцией; ибо иначе невозможно истолковать строки

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир...

---

¹⁷ Косвенные доказательства в пользу этого предположения представил впоследствии В.Э. Вацуро, показавший, что стих «И молит жалости напрасно мутный взор» в первой части «Умиравшего гладиатора» восходит не к Байрону, а к русскому переводу главы из романа Э. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи», напечатанному в 1835 году в журнале «Московский наблюдатель»: «Побежденный гладиатор медленно провел по всему амфитеатру мутные, исполненные тоски и отчаяния глаза. Увы... ни в одном из взоров, на него устремленных, не видал он и следов жалости и милосердия» (Московский наблюдатель. 1835. Кн. 2. Июнь. С. 582). Из этого следует, что Лермонтов в 1835–1836 годах читал «Московский наблюдатель», в первом номере которого была опубликована «Мечта» Хомякова, и, как осторожно пишет Вацуро, именно это чтение могло поддерживать у него идею старения европейского мира. См.: Вацуро В.Э., Мотовилов Н.Н. «Умиравший гладиатор» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 590.

Для Хомякова «мрак», окутывающий современный Запад, — это мрак безверия, скептицизма надвигающегося «промышленного века», словом, «мрак» капиталистической эры. Для Лермонтова, как и для Байрона, это мрак мировой реакции, толкающей романтизм к мистике и средневековью <...> а это мысль *прямо антиславянофильская*.

Что же касается мотива «язвы просвещения», то, согласно Гинзбург, для своего обоснования он «вовсе не нуждается в идеях славянофилов и может быть целиком выведен из того оппозиционного, прошедшего через байронизм, руссоизма, который давно уже бытовал в русской литературе»¹⁸.

Стремясь записать Лермонтова в «революционные романтики» и противопоставить его Хомякову, Гинзбург явно передернула карты. Думаю, она прекрасно понимала, что в словах Лермонтова о том, что «европейский мир» в прошлом был кумиром «пламенных мечтателей», нет никакого намека на французских революционеров, которые отнюдь не поклонялись старой европейской цивилизации, а, наоборот, стремились ее разрушить. По сути дела, Лермонтов конспективно передает здесь мысль Хомякова о былом величии Запада, озарявшем остальной мир своими «пламенными светилами» (ср. «пламенные мечтатели») и бывшем для других народов, из него исключенных (прежде всего для России), предметом поклонения, то есть кумиром (ср. у Хомякова: «...как долго целый мир, колена преклонив / <...> / пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив»). Под «пламенными мечтателями», поклонявшимися ценностям европейской цивилизации, можно подразумевать кого угодно — как самих культурных героев «европейского мира», его создававших, прославлявших и воспевавших, — святых, мыслителей, религиозных и политических деятелей, художников, поэтов, так и его страстных поклонников, находящихся за его пределами, — скажем, русских «западников» от Петра I до Радищева или декабристов. Как и Хомяков, Лермонтов относит истинное величие Запада к его далекому прошлому, к «светлой юности», то есть к Средним векам и Возрождению; сам эпитет «светлая» явно перекликается со световыми метафорами «Мечты». Тогда «язва просвещения» и «гордая роскошь», которые поражают «европейский мир», — это не изначальные пороки западной цивилизации, как у Руссо, а признаки исторической эпохи, наступившей после «светлой юности»,

---

¹⁸ Гинзбург Л.Я. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940. С. 201; курсив автора.

связанные с потерей веры и «борьбой сомнений и страстей», то есть скорее с веком разума и с той же Французской революцией, нежели с «мраком мировой реакции»¹⁹.

Совпадение представлений о судьбе Запада у столь разных современников — у молодого «европейца» Киреевского, еще столь далекого от славянофильства, и у его оппонента Хомякова, славянофильскую доктрину разрабатывающего, у философствующего Одоевского и у чуждого всякому отвлеченному философствованию Лермонтова, у лоялистов из уваровской партии и у их оппозиционно настроенных противников — свидетельствует о том, что в 1830-е годы в России складывается мифопорождающее историсофское верование в скорый и неминуемый конец «европейского мира»²⁰. Оно основывается на уподоблении развития историко-культурных формаций, условно определяемых как Запад и Восток, природным явлениям (запруженная река у Киреевского, восход и заход солнца у Хомякова) и/или росту и умиранию живых организмов и тел (оппозиция «старый, дряхлый Запад» и «юный славянский Восток» с его «свежими могучими соками» у Одоевского; «европейский мир» как умирающий гладиатор у Лермонтова). Из базового органицистского уподобления, характерного для романтического мышления как такового, выводятся и все сопутствующие метафоры мифа: Запад описывается как больной, зараженный, гниющий, бесплодный, обескровленный, агонизирующий или уже мертвый организм, а славянский Восток, наоборот, как организм молодой, еще неразвитый и только приближающийся к зрелости. России при этом отводится роль зрителя чужих страданий, наблюдающего с безопасной дистанции за агони-

¹⁹ Несмотря на очевидную слабость аргументации Гинзбург, Эйхенбаум фактически признал ее правоту. В работе «Лирика Лермонтова» (1940) он писал, что в «Умирающем гладиаторе» «имеется явный намек на революцию 1789 г.: слова „Когда-то пламенных мечтателей кумир“ надо понимать как воспоминание о Франции тех лет». Сходство выраженной в стихотворении идеи «гибели Европы» с тезисами славянофильской теории он теперь называет только внешним, объясняя отрицательное отношение Лермонтова к современному Западу наступившей после революции 1830 года реакцией: «...за этими мыслями скрываются <...> выраженные в юношеской политической лирике и в поэмах тенденции, в центре которых — призыв к героическим делам» (Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961. С. 324). Более глубокий и тонкий анализ исторических взглядов Лермонтова в связи с «Умирающим гладиатором» см. в современных работах: Лотман Ю.М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 609; Немзер А.С. Об «антиисторизме» Лермонтова // «Цепь непрерывного предания...»: Сборник памяти А.Г. Тартаковского. М., 2004. С. 259–261.

²⁰ Ср. замечание Ю.З. Янковского о том, что мысль о «гниющем Западе» и «прорывающемся Востоке» предшествует формированию цельной системы славянофильских воззрений (Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М., 1981. С. 106–107).

ями, «сатурналиями» или гладиаторскими боями на арене истории и ждущего своего часа, чтобы выйти триумфатором (или, в другом варианте, спасителем-врачом) на эту арену. «Русские выходят последние на сцену Европы, чтобы все закончить», — формулировал эту идею Шевырев в 1830 году в дневнике²¹.

Показательно, что возникновение этого верования не было обусловлено какими-то катаклизмами или очевидными кризисными явлениями на Западе. Как говорит Виктор, оппонент резонера в «Русских ночах», «...Запад погибает? Что за вздор! Напротив, когда, в какую эпоху он был так богат силами и средствами жизни, как в нынешнюю? Все в нем движется: железные дороги пересекают его из края в край; промышленность дошла до чудесного; война сделалась невозможностию; личная безопасность ограждена; школы размножаются; тюрьмы смягчаются; науки идут исполинскими шагами»²². Виктор готов признать, что «настоящее состояние западной промышленности представляет много странного и печального», но не соглашается с мыслью, что негативные явления, характерные для развитых европейских стран, суть симптомы смертельного недуга. Примерно так же возражал Одоевскому Белинский после выхода «Русских ночей».

Неужели согласиться с Фаустом, что Европа того и гляди прикажет долго жить, а мы, славяне, напечем блинов на весь мир, да и давай поминки творить по покойнице? — спрашивал он. — <...> Нельзя так легко делать заключения о таких тяжелых вещах, какова смерть — не только народов (морить народов нам уж нипочем), но целой и притом лучшей, образованнейшей части света. Европа больна, — это правда, но не бойтесь, чтоб она умерла: ее болезнь от избытка здоровья, от избытка жизненных сил; это болезнь временная, это кризис внутренний, подземной борьбы старого с новым; это — усилие отрешиться от общественных оснований средних веков и заменить их основаниями, на разуме и натуре человека основанными. <...> Мы предвидим наше великое будущее; но хотим непременно иметь его на счет смерти Европы: какой поистине *братский* взгляд на вещи! <...> Неужели для счастья одного брата непременно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христианская мысль!..²³

²¹ Цит. по: Мазур Н.Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цепь непрерывного предания...» Сборник памяти А.Г. Тартаковского. М., 2004. С. 229, примеч. 20.

²² Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 149–150.

²³ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 120.

В контексте конца 1820-х — начала 1830-х годов мысль о гибели Запада выглядела тем более странной, что все основные историко-философские доктрины Западной Европы как раз были преисполнены тогда оптимизма по поводу ее настоящего и будущего. Так, Франсуа Гизо в курсе лекций «История цивилизации в Европе» постулировал, что европейская цивилизация еще очень и очень молода, непрерывно прогрессирует и что путь, который ей еще предстоит пройти, неизмеримо длиннее того, который она проделала²⁴. Явно противоречила идея скорого конца европейской цивилизации и исторической концепции Гегеля. Даже такие католические критики новых демократических порядков и религиозного индифферентизма, как Балланш во Франции или Фридрих Шлегель в Германии, в это время предсказывают грядущее социальное и духовное обновление, начало, по «Философии истории» Шлегеля (1828), «эпохи Света»²⁵. Поэтому может показаться, что мы имеем дело с чисто русской мыслительной конструкцией, с национальной «мечтой самолюбия», как полагал Белинский. Однако в данном случае не грех прислушаться к Н.Г. Чернышевскому, который писал в «Очерках гоголевского периода»: «Откуда же взялась у нас <...> мысль или, лучше сказать, не мысль, а *мелодраматическая фраза* о том, что Запад дряхлый старец, который извлек из жизни уже все, что мог извлечь, который истощился жизнью, и т.д.? Да все из разных западных же пустыньких или тупоуменьких книжонок и статей <...>»²⁶. Как кажется, Чернышевский в данном случае был прав, и истоки идеи следует искать в некоторых маргинальных ветвях немецкого и французского романтизма конца XVIII — первой трети XIX века.

Прежде всего, следует обратить внимание на немецкую традицию, восходящую к смутным пророчествам Гердера в «Дневнике моего путешествия в 1769 году» о возникновении в будущем «новой Греции» на северо-западе континента, откуда «дух распространится по всей ныне погруженной в сон Европе и заставит ее служить тому же духовному началу»²⁷. В России хорошо знали и идеи Ф. Шлегеля, в частности его представления о народе как «собирающей

²⁴ Guizot F. Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution Française. Paris, 1828. P. 30.

²⁵ См. об этом: Swart K.W. The Sense of Decadence in Nineteenth-century France. The Hague, 1964. P. 60, 74; Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961. S. 145.

²⁶ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 83.

²⁷ Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 325–326. Подробнее о взглядах Гердера на будущее славянских народов см.: Groh D. Op. cit. S. 65–80; Malia M. Russia

личности», едином организме, высшей стадией развития которого является теократическая империя, — представления, повлиявшие на националистическую концепцию С.С. Уварова²⁸. При этом Шлегель не верил, что Запад в состоянии осуществить подобный идеал. Так, в программной статье «Путешествие во Францию», напечатанной в журнале *Еигора* (1803), который, вероятно, послужил Киреевскому моделью для его «Европейца», он высказал мысль о завершенности западной цивилизации. Характер Европы, писал он, «полностью выявился и завершился, и именно это и составляет сущность нашей эпохи. Отсюда полная неспособность к религии, если мне позволено употребить это слово, абсолютное отмирание высших органов. Глубже человек не может пасть, это невозможно. <...> сам человек почти стал машиной»²⁹. Согласно Шлегелю, в будущем Запад ждет неизбежное загнивание: «Род людей в Европе не будет изменяться к лучшему, но <...> будет все более и более ухудшаться в силу внутренней испорченности и, наконец, и внешне погрузится в состояние немощи и нищеты, которое не может преобразиться, в котором он, возможно, будет пребывать затем века, и лишь внешнее воздействие сможет извлечь его оттуда»³⁰. Это новое возрождение, считал он, может прийти только с Востока, из Азии, где сохраняется неиссякаемый источник религиозного энтузиазма, или, по его метафоре, «световой пламень» («die Lichtglut»).

Впоследствии, когда в Германии начали усиливаться эсхатологические настроения³¹, Шлегель несколько модифицировал свою позицию, признав, что гибель Европы (а с нею и всего мира) возможна, но отнюдь не обязательна. В его статьях 1820 года, напечатанных в венском журнале *Concordia*, речь идет о «старческом упадке» лишь романских народов, которым противопоставляются более молодые германцы и славяне. Наиболее вероятным сценарием будущего ему представляются «славянские ожидания» («slavischen Erwartungen»), то есть выход на авансцену истории славянских народов, которые займут ведущие позиции в культуре и политике Европы и, благодаря своей религиозности, спасут ее от кризиса³².

---

under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass.; London, 2000. P. 130–131.

²⁸ См. об этом: *Зорин А.Л.* Идеология «православия — самодержавия — народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 105–128.

²⁹ *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 2. С. 16–17.

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ См. об этом: *Schenk H.G.* The Mind of the European Romantics: An Essay in Cultural History. London, 1966. P. 32.

³² См. об этом: *Groh D.* Op. cit. S. 144.

Как представляется, именно от этих пророчеств Шлегеля и от его идеи «славянских ожиданий» ведут свое происхождение органицистские концепции раннего Киреевского, Одоевского и «Мечта» Хомякова с ее световой символикой.

Для Лермонтова же (у которого идея омоложения западной цивилизации с помощью русской крови отсутствует) более актуальной была эсхатологическая риторика ряда французских писателей-романтиков, которые с конца 1820-х годов ведут полемику с взглядами Гизо и его школы, описывая историю «европейского мира» не как линейный, непрерывный прогресс, а как квазиорганический цикл, подходящий к завершению. В одном из главных манифестов французского романтизма — предисловии к драме «Кромвель» (1827) — Виктор Гюго писал, что цивилизация растет и развивается подобно отдельному человеку: когда-то она была ребенком, потом зрелым мужем, а сейчас мы наблюдаем ее импозантную старость³³. При публикации предисловия Гюго исключил из него большой фрагмент, где он развил эту аналогию; два года спустя он напечатал его в *Revue de Paris*. В этом фрагменте он говорит, что европейская цивилизация — третья великая цивилизация на Земле — приближается к своему завершению. «Наша постройка очень стара. Она распадается на отдельные части. Рим больше не является ее центром. Каждый народ тянет в свою сторону. Больше нет единства, ни религиозного, ни политического. Мнение заменило веру»³⁴. По Гюго, пришло время для переноса цивилизации в другое место: подобно тому как африканская цивилизация сменила азиатскую, а европейская — африканскую, четвертая великая цивилизация должна возникнуть в Северной Америке, где, как он пишет, уже созданы условия для полной реализации принципа свободы.

Если перспектива создания новой цивилизации казалась Гюго заманчивой, то консерватору Шатобриану она внушала только страх и отвращение. В 1817 году посетивший его американский историк Джордж Тикнор записал следующий его монолог:

Я не верю в европейское общество. <...> Через пятьдесят лет в Европе не останется ни одного *законного* монарха; от России я не жду ничего, кроме военного деспотизма; а через сто лет, подумайте, *сто!*.. будущее покрыто тучами, слишком темными для человеческого зрения; хочется сказать, слишком темными и непроницаемыми для пророчества. Вот

³³ *Œuvres de Victor Hugo. Bruxelles, 1837. T. II. P. 8.*

³⁴ *Hugo V. Fragment // Revue de Paris. 1829. T. III. P. 208.*

в чем ужас нашего положения: *возможно*, мы присутствуем не только при гибели Европы, но и гибели всего мира³⁵.

В России должны были обратить внимание на очерк Шатобриана «Будущее мира», напечатанный в качестве приложения к статье Сен-Бева о нем в *Revue des deux mondes* и впоследствии положенный в основу заключительной, 44-й книги «Замогильных записок» (датируемой 25 сентября 1841 года)³⁶. В этом очерке он предвещал, что в результате наступления демократии в Европе и Америке возникнет новый тип общества, похожий по устройству на пчелиный улей, где «погибнут воображение, поэзия, искусства; отдельный человек будет лишь рабочей пчелой, колесиком в машине, атомом в организованной материи. <...> через свободу мы придем к тому же социальному окостенению, к какому Китай пришел через рабство». Однако для Шатобриана, как и для Гюго, все грядущие перемены вызваны старостью европейского мира, который «умирает естественной смертью». «Современное общество, — пишет он, — складывалось на протяжении десяти веков: сейчас оно разлагается (*se décompose*). Поколения Средних веков были полны сил, потому что это было время подъема. Мы же, мы слабы, потому что наше время — это время упадка. Этот угасающий мир не обретет силу, пока он не дойдет до последней степени болезни...»³⁷

Сходные идеи с невероятной настойчивостью высказывал на страницах французской печати известный критик и переводчик, блестящий знаток английской и немецкой литератур Филарет Шаль, которого, как кажется, читали в России³⁸. Едва ли не в каждую свою

³⁵ *Life, Letters, and Journals of George Ticknor* / 8th ed. Boston, 1877. Vol. I. P. 140. Любопытно, что в беседе с Тикнором Шатобриан также заметил, что хотел бы посетить Россию, дабы «лучше оценить ту державу, от которой исходит угроза мирового господства».

³⁶ *Chateaubriand F.-R. de. Avenir du monde, fragment politique // Revue des deux mondes. Troisième série. 1834. Т. II. P. 232–238.*

³⁷ *Ibid.* P. 237. Ср. в «Замогильных записках»: «Мы, самое зрелое и передовое государство, обнаруживаем признаки упадка. Как смертельно больной человек озабочен тем, что ждет его в могиле, так вымирающий народ беспокоится о своей грядущей судьбе. <...> Старый порядок в Европе близок к смерти <...> современная разложившаяся цивилизация гибнет по своей вине; жидкость, содержавшаяся в сосуде, не излилась в другую чашу, ибо самый этот сосуд разбился. <...> Что касается старой Европы, то жизнь ее кончена. Больше ли надежд у молодой Европы? Современный мир, лишившийся власти, данной от Бога, похоже, находится меж двух невозможностей: невозможностью прошлого и невозможностью будущего» (*Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки* / Пер. О. Гринберг, В. Мильчиной. М., 1995. С. 582–583, 586).

³⁸ См., например, письмо Чаадаева к А.И. Тургеневу от 1 мая 1835 года: «Доставьте мне удовольствие: соберите кой-какие сведения о некоем Филарете Шаль, превосходные статьи которого попадают мне в *Revue de Paris*» (*Чаадаев П.Я. Сочинения* / Сост., подгот. текста, примеч. В.Ю. Проскуриной. М., 1989. С. 374).

статью или рецензию, независимо от того, какова была их основная тема, он вставлял пассажи о распаде современного общества, которое он сравнивал с умирающим, а иногда и мертвым телом, и называл сенильным старцем, впавшим в детство. Например, в рецензии на книгу «О просвещении матерей семейства» он восклицал:

Посмотрите вокруг себя, развеите туман политических клевет и обвинений, разорвите завесу лжи, и вы увидите болезнь в современном обществе. И какую странную болезнь. Это сильнейшая моральная боль, скрытая в развитом физическом теле, язва под золотым покровом. Никогда прежде мы не видели больше благотворительности, больше промышленности, больше просвещения. И никогда прежде мы не видели больше болезненных мыслей, злобных или горьких чувств, больше сожалений и растоптанных надежд. Благосостояние народа растет, кричат нам экономисты, промышленность развивается; физические силы природы используются с замечательной легкостью. <...> Наука, власть, просвещение, искусства объединяют усилия, чтобы улучшить жизнь. Везде разлит великолепный и яркий свет. Да, но почему же наши мучения все усиливаются! И мы страдаем, и мы плачем, и мы проклинаяем! Нам говорят: больше нет войн, и повсюду воцарился мир. Мы проливаем мало крови, но много слез. Душа народов, охваченная ненавистью, завистью, гневом, наполненная тайными обидами и сгущенной горечью, страдает и истекает кровью. <...> Наше общество пожирает тяжелая, неизлечимая болезнь. <...> Низвергнув с трона бедную человеческую душу, заставив ее сомневаться в самой себе, изгнав любовь и веру, превратив все в скелет и окаменелость, восславив страсти и желания тела, уничтожив веру как моральную основу <...> не иссушили ли вы главный источник счастья? Подумайте!..³⁹

Современному разлагающемуся обществу, страдающему от «неизлечимой и глубокой болезни» («un mal incurable, une profonde maladie»)⁴⁰, Шаль противопоставляет Средневековье — благородную, светлую «эпоху, исполненную величия и силы, отнюдь не только физической», когда человека «еще не пожрали и не поглотили индустриализм и материализм, превратившие его в машину, труд — в накопление капитала, а мысль — в цифру, которую надлежит

---

³⁹ Csl. [Chasles Ph.] De l'éducation des mères de famille, ou, la Civilisation du genre humain par les femmes; par M. Aimé-Martin... (Second article) // Journal des débats. 1834. 27 août.

⁴⁰ Ibid.

занести в графу расходов или доходов». «Наша цивилизация, преисполненная гордыни, — говорит он, — забыла великие достижения Средневековья, которым мы обязаны всем»⁴¹.

Прочитав в своих мемуарах те места из статей 1830-х годов, в которых он сравнивал состояние современного общества с «трупом, разлагающимся в могиле» («du cadavre s'éparpillent dans le tombeau») и предвещал гибель «старому миру», Шаль жалуется, что в 1830-е годы его пророчества и диагнозы не слушали — или даже потешались над ними⁴². В России же Шаля и его немногочисленных единомышленников услышали и отнеслись к ним более чем серьезно. Вероятно, именно цветистые, насыщенные риторическими фигурами высказывания о гибели западной культуры Гюго, Шатобриана, Шаля и некоторых других авторов и послужили Лермонтову, наряду с «Мечтой» Хомякова, источником для второй части «Умиряющего гладиатора». Во всяком случае, все антропоморфные образы и метафоры, с помощью которых он изображает и оценивает прошлое и настоящее «европейского мира», — исполненная сил юность, впоследствии забытая; язва просвещения и гордая роскошь; борьба сомнений и страстей; мучения, утрата веры и надежд, последние страдания; бесславная голова, склоняющаяся к могиле, — имеют, как видно из приведенных выше примеров, прямые параллели у тех французских романтиков, которые — с тех или иных позиций — отвергли оптимистическую доктрину исторического прогресса и предрекли западной цивилизации скорую и бесславную кончину.

О том, что вторая часть «Умиряющего гладиатора» была написана Лермонтовым под влиянием современной французской публицистики, свидетельствует концовка стихотворения, где речь идет об увлечении западного общества «песнями старины» и «волшебными преданьями» рыцарских времен — иными словами, той ветвью современной романтической литературы, которая обращается к древности и Средневековью, с одной стороны, как к предмету изображения (скажем, романы Вальтера Скотта или «Собор Парижской Богоматери» Гюго), а с другой, как к прецеденту и модели для новых поэтических и прозаических жанров (скажем, для жанра баллады или для фантазий и сказок в духе Гофмана). По мысли Лермонтова, литература такого рода есть порождение дряхлого и больного общества; она являет собой

⁴¹ Cs. [*Chasles Ph.*] C'est de Jehanne (Dieu aide au saint royaume de France!) Paris, Guyot <...> (Deuxième article) // *Journal des débats*. 1834. 22 septembre.

⁴² *Chasles Ph. Memoires*. Paris, 1876. T. I. P. 373-374, 377.

нечто вроде наркотика, которым его потчуют «насмешливые льстецы», погружая в сладкий, но несбыточный сон, чтобы «заглушить последние страдания» умирающего. Этот ход мысли прямо восходит к еще одному манифесту французского романтизма — к знаменитой статье Шарля Нодье «О фантастическом в литературе» («Du Fantastique en littérature», 1830). В ней он говорит о том, что возрождение традиций Средневековья в современной литературе, ее уход в волшебный мир воображения непосредственно связаны с приближающимся концом западной цивилизации. «Постоянно увеличивающиеся беды современного общества возвестили о его гибели приговоренному к казни поколению с такой ясностью, с какой не прозвучала бы даже труба Ангела Апокалипсиса», — писал Нодье. Все гении современной литературы — Байрон, Шатобриан, Виктор Гюго, Ламартин — «услышали предупреждение музы гибнущего общества и повиновались ее повелениям, как непререкаемому голосу умирающего, которого ждет уже отверстая могила». Особо Нодье выделяет немецких романтиков, чьи блистательные фантазии, по его слову, «возрождают для старческих часов нашего упадка (*pour les vieux jours de notre décrépitude*) свежие и сияющие вымыслы нашего детства. На уставшую от предсмертной агонии душу смятенных народов, которые борются с неизбежным концом, чтение этих писателей действует как светлый сон, исполненный пленительных грез, убаюкивающий и приносящий облегчение»⁴³. Очевидно, что в концовке «Умирающего гладиатора» Лермонтов точно — вплоть до явных мотивных переключек (ср.: *светлая юность*/«сияющие вымыслы нашего детства», «светлый сон»; *заглушить последние страдания*/«предсмертная агония, приносящая облегчение»; *пред кончиною*/«борются с неизбежным концом», «голос умирающего, которого ждет отверстая могила»; *несбыточные сны*/«сон, исполненный пленительных грез») — повторяет рассуждение Нодье о «наркотической» функции романтической литературы в гибнущем обществе, дополняя его лишь напоминанием об амбивалентной, окрашенной иронией позиции романтических писателей по отношению к «европейскому миру» (*насмешливые льстецы*).

О том, что русская идея гибели Запада имела преимущественно западные корни, уже писал П.Б. Струве в специальной работе, посвященной программной статье С.П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы», опубликованной в первом

⁴³ Œuvres de Charles Nodier: Romans, Contes et Nouvelles. Genève, 1972. Vol. 5. P. 105–107.

номере «Москвитянина» (1841)⁴⁴. Он обратил внимание на то, что говоря об упадке искусств, литературы, философии и нравов в Италии, Англии, Франции и Германии, Шевырев цитирует большой пассаж из недавней статьи уже знакомого нам Филарета Шалья, где тот в очередной раз предрекал летаргический сон или духовную смерть «европейскому миру» и предсказывал великое будущее «двум молодым актерам», жаждущим выйти на сцену, — Америке и России:

Нечего отчаиваться за человечество и за его будущее, если бы и пришлось нам, народам Запада, уснуть, — уснуть сном племен ветхих, погруженных в летаргию бдения, в смерть живую, в деятельность безлюдную, в изобилие недоносков, чем так долго страдала издыхавшая Византия. Я боюсь, чтобы мы не дожили до того же. На литературу находит бред горячки. Человек материальный, рабочий телу, каменщик, инженер, архитектор, химик, могут отрицать мое мнение; но доказательства очевидны. Откройте хоть 12 000 новых кислот; направьте аэростаты машиной электрической; изобретите средство убить 60 000 человек в одну секунду: несмотря на все это, нравственный мир Европы будет все-таки тем, что он уже есть: умирающим, если не совсем мертвым. С высоты своей уединенной обсерватории, летая по темным пространствам и туманным волнам будущего и прошедшего, философ, обязанный ударять в часы современной Истории и доносить о переменах, совершающихся в жизни народов, — все принужден повторять свой зловеший крик: *Европа умирает!*⁴⁵

Струве полагал, что перед нами «замечательное место, которое должно быть признано ближайшим и непосредственным *внушением*, вдохновившим в лице Шевырева „славянофильскую“ мысль на формулировку идей, воспринятую противниками славянофилов и всем потомством, как теория „гниения Запада“»⁴⁶.

С этим суждением никак нельзя согласиться, потому что и Шаль лишь повторяет здесь общие места своей и родственной ему французской публицистики⁴⁷, и Шевырев не формулирует новую идею,

⁴⁴ См.: *Струве П.Б.* С.П. Шевырев и западные внушения и источники афоризма о «гнилом» или «гниющем» Западе: Изыскания, сопоставления и материалы // Записки русского научного института. Белград, 1941. № 16–17. С. 201–252.

⁴⁵ *Шевырев С.* Взгляд русского на современное образование Европы // *Москвитянин*. 1841. Ч. 1. № 1. С. 244–245. Оригинал см.: *Charles Ph.* Revue de la littérature anglaise // *Revue des deux mondes*. 1840. Т. 24. Novembre. P. 364.

⁴⁶ *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 228.

⁴⁷ В процитированном Шевыревым пассаже сам Шаль писал, что упадок европейских народов «до какого-то ничтожества полу-китайского, до какой-то слабости все-

а воспроизводит сложившийся к тому времени концепт. И хотя, как правильно замечает Струве, самой формулы «гниение Запада» в его статье нет⁴⁸, он пользуется всем регистром биологических метафор и сравнений, которые вытекают из исходного уподобления западной культуры большому организму и, соответственно, подразумевают разложение, распад, умирание. Реформацию в Германии и революцию во Франции, например, он называет «переломными болезнями», которые

явились неизбежным следствием Западного развития, приившего в себя двойство начал и утвердившего сей раздор нормальным законом жизни. Мы думаем, что эти болезни уже прекратились; что обе страны, испытав перелом недуга, вошли опять в развитие здоровое и органическое. Нет, мы ошибаемся. Болезнями порождены вредные соки, которые теперь продолжают действовать и которые уже в свою очередь произвели уже повреждение органическое и в той и в другой стране, признак будущего саморазрушения. Да, в наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!⁴⁹

Все французские писатели, пишет Шевырев, чувствуют «болезненное состояние своего отечества во всех отраслях его развития»,

---

общей и неизбежной» он «предсказывает в течение пятнадцати лет и против которой он не находит целительного средства» (*Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 242; *Chasles Ph.* Op. cit. P. 362).

⁴⁸ Шевырев назвал Европу «гнилой» еще в письме к И.В. Киреевскому от 22 декабря 1831 года: «Всегда любил Россию, но, посетив гнилую Европу, я обожаю свое отечество. Европа перед нами дрожит, как листок: скоро, надеюсь, будет нам поклоняться» (цит. по: *Янковский Ю.З.* Указ. соч. С. 36). Познакомившись в 1839 году с братьями Киреевскими, Т.Н. Грановский в письме к Н.В. Станкевичу так изложил основные положения их философии: «Запад сгнил и от него уже не может быть ничего, русская история испорчена Петром — мы оторваны насильственно от родного исторического основания и живем наудачу; единственная выгода нашей современной жизни состоит в возможности беспристрастно наблюдать чужую историю, это даже наше назначение в будущем» (Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 369). Ясно, что о «гниении» европейской цивилизации ее русские критики начали говорить задолго до статьи Шевырева и полемических откликов на славянофильские антизападные идеи в публицистике 1840-х годов и, в частности, у Белинского — обычно считается, что первым употребил формулу «гнилой Запад» именно он (в рецензии 1845 года на «Тарантас» В.А. Сологуба — см. статью «Гнилой Запад» в справочнике: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1996. С. 90–92).

⁴⁹ *Шевырев С.* Указ. соч. С. 247.

но говорят об ужасном недуге с «холодной безнадежностью»; даже исконное чувство веселья «заедено злым червем, растущим из болезненного гниения жизни»⁵⁰. Запад по отношению к России он сравнивает со столетним дряхлеющим деревом, которое застит свет молодому, свежему растению и потому должно быть срублено; со старой няней, сковывающей кипящую в резвом ребенке жизнь; с брюзгливым стариком, «который в своенравных порывах бессильного возраста злится на своего наследника, неизбежно признанного овладеть со временем его сокровищами»⁵¹.

За риторическими формулами Шевырева и его единомышленников чувствуется абсолютная, иррациональная убежденность в том, что гибель Запада так же неизбежна, как неизбежна смерть больного старика или столетнего кедра.

«Общества падают не от сильных каких-нибудь потрясений, не вследствие какой-нибудь борьбы, — писал Хомяков в работе «По поводу Гумбольдта», — они падают как иногда старые деревья, утратившие весь свой жизненный сок и еще недавно выдержавшие сильную бурю, с громом и гулом падают в тихую ночь, когда в воздухе нет достаточного движения, чтобы покачать лист на свежих деревьях; они умирают, как умирают старики, которым по народной поговорке — *надоело жить*. Только умственно слепому позволено было бы не видеть тут необходимости исторической»⁵². Как и все славянофилы, он не сомневается, что Запад обречен; даже Англия, о которой он, известный англофил, отзывался с сочувствием и иногда восхищением, не избежит общей европейской судьбы: «Не верится, чтобы земля, воспитавшая так много великого, давшая так много прекрасных примеров человечеству <...> могла погибнуть, а гибель неизбежна»⁵³.

Такая вера не нуждается в рациональных аргументах, доказательствах и верификационных процедурах, а лишь прикидывает

⁵⁰ Там же. С. 267.

⁵¹ Там же. С. 290–291. Фразеология Шевырева была быстро усвоена читателями «Москвитянина». Так, один из них бранил «нерусский» город в анонимных «Вестях из Одессы»: «...от людей так и несет холодом. Русского радушия и слыхом не слыхать, не то чтобы видом повидать. Да как и существовать ему, этому свежему, теплomu, святому чувству, в городе, населенном преимущественно Евреями и выходцами из Западной, дряхлой, хладеющей и отживающей век свой Европы» (Москвитянин. 1841. № 4. С. 554–555). За родной город и Европу вступился другой корреспондент журнала, подпавший свою реплику «Житель Одессы»: «Ради Бога, господя, удержитесь от таких юношеских фраз, — писал он, — и погодите еще отпевать Западную Европу, когда она, слава Богу, здравствует. Чем виновата эта Европа, что она — не то, что мы» (Там же. № 6. С. 536).

⁵² Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. 1. С. 147–148.

⁵³ Там же. С. 139. Ср. также пророчества о гибели Англии в стихотворениях Хомякова «Остров» (1836) и «России» (1839).

ся научной теорией; единственный вопрос, который она ставит, касается сроков и способов неминуемой гибели. Только об этом возможны разные мнения, зависящие от конкретной исторической ситуации. Так, Тютчев, напуганный событиями 1848 года, полагал, что Запад вот-вот погибнет насильственной смертью, в огне революций и войн: «Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре — Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками»⁵⁴. Пятнадцать лет спустя, в мирное и спокойное время, Достоевский обнаруживает апокалиптические знаки конца на Всемирной выставке в Лондоне, где демонстрируются достижения западной цивилизации: «...вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающегося...»⁵⁵ Сроки и способы гибели здесь не определены, но зато ей придан сакральный характер.

В 1870-е годы, комментируя текущие политические и военные события в «Дневнике писателя», Достоевский то и дело впадает в пророческий раж, повсюду находит «ужасные симптомы» и сообщает читателю, что «последняя битва близится с страшной быстротой»⁵⁶, что «мы именно накануне самых величайших и потрясающих событий и переворотов в самой Европе»⁵⁷, что «все это „близко, при дверях“»⁵⁸. Над этими пророчествами насмеялся язвительный современник:

О гибели Европы целой
Печатно нам толкует смелый
Фанатик страстный и чужак,
И верим мы, как остолопы,

⁵⁴ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М., 2003. Т. 3: Публицистические произведения. С. 157.

⁵⁵ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Л., 1973. Т. 5. С. 70. Крайне характерно, что в самом начале «Зимних записок» цитируется «Мечта» Хомякова: «Вся „страна святых чудес“ представится мне разом, с птичьего полета, как земля обетованная с горы в перспективе» (Там же. С. 47).

⁵⁶ Там же. Л., 1984. Т. 26. С. 22.

⁵⁷ Там же. С. 87.

⁵⁸ Там же. С. 168. Достоевский цитирует Новый Завет (Мф 24: 33).

Что на развалинах Европы
Воздвигнем всеславянский стяг⁵⁹.

Действительно, по Достоевскому, для всей романо-германской Европы XIX век должен закончиться грандиозной катастрофой; восставшие пролетарии — «будущие дикие», из которых «изготавлиется... будущая бесчувственная мразь», — разрушат западный мир⁶⁰, и на всем континенте останется только одна держава — Россия⁶¹:

Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа <...> с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все, все общее и абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан. Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь и, если ему не отворят, сломает дверь. <...> Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, науки, жиды — все это рухнет в один миг и бесследно <...> Нет, теперь уже не по-прежнему будет; они [пролетарии] бросятся на Европу, и все старое рухнет навеки. Волны разобьются лишь о наш берег, ибо тогда только, въявь и воочию, обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского⁶².

Как было давно замечено, убеждение Достоевского в скорой гибели западной цивилизации разделял и его антагонист по многим другим вопросам — А.И. Герцен, которого Н.Н. Страхов назвал «первым нашим западником, отчаявшимся в Западе»⁶³. «Достаточно одного номера любой газеты, чтобы увидеть страшную болезнь, под которой ломится Европа»⁶⁴; «она дряхлый Протей, разрушающийся организм»⁶⁵; «Европа приближается к страшному катаклизму»⁶⁶; «Мы довольно долго изучали хилый организм Европы, во всех слоях и везде находили вблизи перст смерти»⁶⁷; «роль *теперешней* Европы

---

⁵⁹ Минаев Д.Д. Всем сестрам по серьгам: Юмористический сборник. СПб., 1881. С. 106.

⁶⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Л., 1981. Т. 23. С. 95.

⁶¹ Там же. Л., 1981. Т. 22. С. 122.

⁶² Там же. Т. 26. С. 167–168.

⁶³ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. СПб., 1887. Кн. 1. С. 97.

⁶⁴ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1957. Т. XII. С. 424.

⁶⁵ Там же. М., 1956. Т. VII. С. 309.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. М., 1955. Т. VI. С. 616.

совершенно окончена»⁶⁸ — это цитаты не из «Дневника писателя», а из статей и книг революционера-социалиста. Ставя Европе сходный диагноз, Достоевский и Герцен расходились лишь в предположениях о течении болезни со смертельным исходом: согласно Достоевскому, Запад должна была постигнуть страшная кровавая катастрофа наподобие Французской революции, тогда как Герцену, мыслившему современную ситуацию по аналогии с упадком античного мира, умирание Запада представлялось более или менее длительным процессом⁶⁹.

Прогнозы Герцена основывались не столько на биологических и/или апокалиптических параллелях, сколько на возмущенном эстетическом чувстве⁷⁰. Современная западноевропейская жизнь, в которой господствует «стоглавая гидра мещанства», «самодержавная толпа сплоченной посредственности» и «все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни личного вкуса»⁷¹, ужасала его своим безобразием и уродством. С его точки зрения, западный мир приближается к точке равновесия, уравнивания, снятия противоречий, что равносильно прекращению жизни. «Париж и Лондон замыкают том всемирной истории, — писал он в «Концах и началах», — том, у которого едва остаются несколько неразрезанных листов. <...> Для меня очевидно, что западный мир доразвился до каких-то границ... и в последний час у него недостает духу ни перейти их, ни довольствоваться приобретенным»⁷². Ненависть к пошлomu буржуазному быту заставляет его повторять клише ранней славянофильской риторики: «...я середь мрачного, раздирающего душу реквиема, середь темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад — отворачиваюсь от предсмертного стопа великого борца, которого уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованием смотрю на наш родной Восток, внутри радуясь, что я русский. <...> Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота...»⁷³

⁶⁸ Там же. Т. XII. С. 167

⁶⁹ Подробнее см.: Долинин А.С. Достоевский и Герцен. (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Пб., 1922. С. 285–288.

⁷⁰ Ср.: «...его борьба с мещанством Западной Европы, его страстное обличение моральной ограниченности и духовного ничтожества мещанства определялись главным образом эстетическим отвращением» (Зеньковский В.В. История русской философии / 2-е изд. Paris, 1989. Т. 1. С. 283; см. также раннюю книгу Зеньковского: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Paris, 1926. С. 101–115).

⁷¹ Герцен А.И. Указ. соч. М., 1959. Т. XVI. С. 141, 140.

⁷² Там же. С. 159, 174.

⁷³ Там же. Т. XII. С. 431–432, 433.

Еще в 1845 году издевавшийся над «черными пророчествами» «Москвитянина» о «погибающем Западе» и веривший, что современные европейцы жертвуют собою «науке, идеям, человечеству»⁷⁴, Герцен резко изменил свои взгляды в эмиграции, особенно после поражения революций 1848 года. Сам он объяснял переход к новому «воззрению на Европу», которое мало чем отличалось от «черных пророчеств», непосредственным опытом жизни за границей, полностью опровергшим умозрительные и в корне неверные представления русских западников о современном Западе как воплощенном идеале:

Мы, вообще, знаем Европу школьно, литературно, т.-е. мы не знаем ее, а судим *à livre ouvert*; по книжкам и картинкам, так, как дети судят по «*Orbis pictus*» о настоящем мире, воображая, что все женщины на Сандвичевых островах держат руки над головой с какими-то бубнами, и что где есть голый негр, там непременно в пяти шагах от него стоит лев с растрепанной гривой или тигр со злыми глазами. <...> Поживши год-другой в Европе, мы с удивлением видим, что, вообще, западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже его*⁷⁵.

Отчуждение русского эмигранта от Запада заставляет его занимать позицию, которую Герцен назвал «чуждость в обе стороны»:

Положение русского становится бесконечно тяжело. Он все больше и больше чувствует себя чужим на Западе и все глубже и глубже ненавидит все, что делается дома. Ни вблизи, ни вдали нет для него ни успокоения, ни отрады, — такое печальное положение редко встречалось в истории⁷⁶.

Эта позиция, однако, имеет определенные плюсы: она позволяет «чужаку» мыслить себя проникательным наблюдателем, который видит то, что скрыто от самих автохтонов, и верно диагностирует «китайский маразм» умирающей европейской цивилизации. Если

---

⁷⁴ Там же. М., 1954. Т. II. С. 134.

⁷⁵ Там же. М., 1956. Т. X. С. 124. Ю.М. Лотман полагал, что очень плохое знание Запада вообще было свойственно русским западникам, которые конструировали его «по контрасту с наблюдаемой <...> русской действительностью. Это был идеальный, а не реальный Запад. <...> Столкновение русского западника с реальным Западом, как правило, сопровождалось столь же трагическим разочарованием, как и столкновение их (sic) противников с реальной русской действительностью» (Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2001. С. 611).

⁷⁶ Герцен А.И. Указ. соч. М., 1959. Т. XV. С. 279.

у Лермонтова русский взгляд на гибнущую Европу уподоблен ликованию зрителей гладиаторского боя, то Герцен уподобляет его «точке зрения прозектора»:

Мне же особенно посчастливилось, — место в анатомическом театре досталось славное и возле самой клиники; не стоило смотреть в атлас, ни ходить на лекции парламентской терапии и метафизической патологии; болезнь, смерть и разложение совершались перед глазами⁷⁷.

Забегая вперед, скажем, что по модели Герцена будут реагировать на неотзывчивость равнодушного западного мира и диагностировать его смертельные болезни многие русские эмигранты XX века.

Другую, квазинаучную модель антизападной диагностики предложил Н.Я. Данилевский в «России и Европе» (1869; отд. изд. 1871), где развитие «историко-культурных типов» последовательно уподобляется природным циклам и росту живых организмов. В главе «Гниет ли Запад?» с эпиграфом из «Мечты» Хомякова он утвердительно отвечает на поставленный в заголовке вопрос. Подобно своим предшественникам, вместо доказательств Данилевский прибегает к естественно-научным и историческим аналогиям, подменяя аргументы отнюдь не новыми метафорами. Как и Одоевский за тридцать лет до него, Данилевский готов признать, что современная «Европа находится в апогее своего цивилизационного величия», но видит в этом обилии «плодов» «осень культуры», которая перешла свою «кульминационную точку» и склоняется «к западу своей жизни»:

Самое обилие результатов европейской цивилизации в нашем XIX столетии есть признак того, что та творческая сила, которая их производит, уже начала упадать, начала спускаться по пути своего течения. <...> Жатва ли это, или сбор плодов, или уже сбор винограда; позднее ли лето, ранняя или уже поздняя осень, сказать трудно, — заключает он, — но во всяком случае то солнце, которое возвращало эти плоды, перешло уже за меридиан и склоняется уже к западу⁷⁸.

Подобно Герцену, в революциях 1848 года он видит «начало конца», а в позднейшем примечании к «России и Европе» говорит:

---

⁷⁷ Там же. Т. XVI. С. 148.

⁷⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому / Изд. третье с <...> посмертными примечаниями. СПб., 1888. С. 174, 176, 180, 183.

«Через 23 года наступил второй акт, второй призыв к всеобщей ломке, еще более ужасный, — дни коммуны в Париже. Не замедлит и третий, пока цель разрушения не будет достигнута»⁷⁹.

Синтезом социокультурной типологии Одоевского–Данилевского и эстетизма Герцена явились пророчества о гибели Запада Константина Леонтьева. Как и все его предшественники, он опирается на органическую концепцию развития обществ и государств, которые подчиняются универсальному закону и проходят три обязательные стадии: первичной простоты (детство и юность), цветущей сложности (зрелость) и вторичного упрощения (старость). Прикладывая эту теорию к истории Западной Европы и России, он, вслед за Герценом, утверждает, что «все нации Европы, все культуры Запада подошли к страшному пределу, вступили на путь органического разложения и смерти, „цветущая сложность“ для них в прошлом, в эпохе Возрождения и т.п.»⁸⁰ В итоговой, хотя и незавершенной работе с замечательным заглавием «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения» он обличает западное общество, в котором побеждает тенденция к однообразию, к мещанской унификации, сводящей «всех и все к одному весьма простому, среднему, так называемому „буржуазному“ типу западного европейца»⁸¹. Но если Герцен пророчествовал Западу фигуральную или, во всяком случае, растянутую во времени смерть — выпадение из истории в бессобытийную «китайщину», в торжество мещанства как окончательной формы западной цивилизации, то Леонтьев предсказывает европейским государствам и культурам вполне буквальные и скорые «разрушение и смерть».

Меня могут спросить, пишет он, «где же верные признаки окончательного падения? Где доказательства, что государства Запада должны скоро погибнуть? Не провалятся же все люди, их составляющие, сквозь землю? Не выселятся же они из Европы и т.д.» Неопровержимое доказательство, по Леонтьеву, представляют цифры исторической хронологии. Поскольку ни один известный истории государственный организм не прожил более 1200 лет, утверждает он, а западноевропейские государства (если считать со времени Карла Великого) существуют более 1000 лет, то сроки окончательного разрушения близки. В подсчетах Леонтьева явно

⁷⁹ Там же. С. 254.

⁸⁰ Бердяев Н. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // Бердяев Н. Собрание сочинений. Paris, 1989. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. С. 158.

⁸¹ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство // Собрание сочинений К. Леонтьева. М., 1912. Т. 6. С. 65.

чувствуется школа хронологических толкований Апокалипсиса. Если мы вспомним, что началом империи Карла Великого принято считать 800 год, то предельным сроком гибели Запада оказывается 2000 год, то есть последний год второго миллениума, который в апокалиптических кодах обладает особой значимостью.

К концу Запада, согласно Леонтьеву, должен привести следующий геополитический сценарий: немцы двигаются к Атлантическому океану, романцы переселяются в Африку, где смешиваются с неграми. «Неужели это одно уже само по себе взятое не есть именно то, что называется разрушением прежних государств и постепенным падением прежней культуры?» — вопрошает он. Этот сценарий, пророчествует Леонтьев, начнет осуществляться, когда произойдут два исторических события: вспышка анархии в романских странах и утверждение России на турецких проливах. И то и другое, убежден он, «не только сбыточно, но и *неминуемо*», ибо «предчувствуется неким общим даже историческим инстинктом»⁸².

Хотя «исторический инстинкт» явно подвел и Леонтьева, и всех других русских прорицателей XIX столетия, в общей апокалиптической атмосфере «конца века» тема «гибели Запада» начинает звучать с новой силой — особенно у религиозных писателей и поэтов-символистов. Василий Розанов, например, в статье «Европейская культура и наше к ней отношение» и других работах 1890–1900-х годов говорит о том, что пророчества славянофилов и Леонтьева, безусловно, оправдываются; «колоссальный организм» западной культуры, «загнивая, дает только более удушливые миазмы, и все живое должно, избегая смерти через заражение, сторониться от него»⁸³.

Весьма показателен случай «западника» Мережковского, который, посетив Францию, поведал о своих впечатлениях в поэме «Конец века». Хотя Париж ему чрезвычайно понравился и никаких признаков умирания в нем он не заметил, тем не менее без дежурных эсхатологических страхов он не обошелся:

Мне страшно <...> за этот праздник вечный,
За легкую толпу, за смех ее беспечный,
За яркие кафе и величавый ряд
Твоих, о Новый Рим, блистательных громад.
Ты, как богач, сказал: «У нас именья много,

⁸² Там же. С. 75–76.

⁸³ Розанов В. Европейская культура и наше к ней отношение // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 152.

Ешь, пей и веселись!» И ты забыл про Бога,
Но скорбь великая растет в душе у всех...
Надолго ль этот пир, надолго ль этот смех?
Каким путем, куда идешь ты, век железный?
Иль больше цели нет, и ты висишь над бездной?⁸⁴

У Брюсова апокалиптический Конь Блед в одноименной поэме врывается в огромный город, где «мчались omnibusы, кэбы и автомобили» — аллегорический образ Западного мира, — и на фоне кровавого заката возвещает ему гибель:

Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть⁸⁵.

Свой буйный восторг по поводу неминуемой катастрофы Брюсов выразил в поэме «Замкнутые»:

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной
И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тоуэра исчезнут без следа. <...>
В руинах, звавшихся парламентской палатой
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг⁸⁶.

Антизападничество Блока, как показала З.Г. Минц, ведет свое происхождение от Достоевского. У обоих, замечает она, «западный мир мыслится <...> как мир свершившегося, прошлого, где полный порядок есть синоним застоя и в конечном итоге — смерти»⁸⁷. В статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» Блок прямо говорит о том, что Запад — это «прежнее, историческое, мертвое», и представляет его в виде аллегорической фигуры неподвижного, окаменевшего рыцаря с «мертвым взглядом», ставшего изваянием. Для европейской культуры, резюмирует он, «песенка жизни спета. Навеки не поднять забрала, не опустить на ржавых петлях моста через ров

⁸⁴ Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 419.

⁸⁵ Брюсов В. Указ. соч. С. 284.

⁸⁶ Там же. С. 171.

⁸⁷ Минц З.Г. Блок и Достоевский // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 100.

с невинной и злою водой, чтобы по этому мосту ворвалась в мертвый замок веселая и трагическая жизнь» — жизнь, которая, по Блоку, возможна только в России⁸⁸. В «Итальянских стихах» он проклинает современную Флоренцию с ее новыми уродливыми многоэтажными домами и хрипящими автомобилями за то, что она предала себя «всеевропейской желтой пыли», то есть, как и вся Европа, предала себя гибели и должна исчезнуть в «сумрак вековой», сгнать «в очистительных веках» (ср. пророчество Иезекииля о гибели Тира: «От множества коней его покроет тебя пыль, от шума всадников, колес и колесниц потрясутся стены твои <...> И разграбят богатство твое, и расхитят товары твои, и разобьют красивые дома твои, и камни твои, и деревья твои, и землю твою бросят в воду [Иез 26: 10–12]).

Гибель Европы — одна из важных тем второй (драматической) «Симфонии» Андрея Белого. О ней размышляет герой-резонер, «золотобородый аскет»:

3. Он думал — отсыял свет на западе и темнокрылая ночь надвигалась из-за туманного океана.
4. Европейская культура сказала свое слово... И это слово встало зловещим символом... И этот символ был пляшущим скелетом...
5. И стали бегать скелеты вдоль дряхлеющей Европы, мерцаая мраком глазных впадин⁸⁹.

Герой Белого воображает похороны Европы, в которых участвуют «великие могильщики и великие мерзавцы» — Ницше, Лев Толстой, Ибсен, Макс Нордау и другие современные мыслители, — украшающие ее труп «ложными драгоценностями»:

2. Как погребали Европу осенним, пасмурным днем титаны разрушения, обросшие мыслями, словно пушные звери шерстью!
3. Моросил дождь, и уныло стонал ветер, заглушая слезы бедных матерей.
4. Они шли за черным гробом ее в одеждах, ночи подобных, с изображением черепа на мрачных капюшонах, с факелами ужаса в руках⁹⁰.

В «Петербурге» Белый снова предрекает гибель Европы, инвертируя прогноз Леонтьева о бегстве французов в Африку и смешении

---

⁸⁸ Блок А. Собрание сочинений. М.; Л., 1962. Т. 5: Проза. С. 89, 92.

⁸⁹ Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С. 147–148.

⁹⁰ Там же. С. 149–150.

с черной расой. Франция, сообщает Александру Ивановичу Дудкину его бес Шишнарфнэ, «под шумок вооружает черные орды и введет их в Европу», что поможет делу «ниспровержения культуры»⁹¹.

Казалось бы, после воцарения коммунистического режима и коммунистической идеологии, для которой неминуемая гибель «гниющего» капиталистического Запада — одна из основных социально-экономических догм, русские интеллигенты религиозного склада должны были бы отказаться от антизападной эсхатологической риторики. Об этом уже в 1950-е годы интересно размышлял Георгий Адамович, писавший, что после революции «Запад и Россия как будто поменялись ролями»: обновленная Россия «неожиданно обошла Запад слева», отказавшись от своего христианского призвания, а Запад, наоборот, стал представлять христианство и христианскую культуру. «Еще немного, — саркастически заметил Адамович, — и мы при русской склонности к крайностям услышали бы, пожалуй, о „богоносце-Западе“»⁹².

Подобную рокировку, однако, русская философско-религиозная мысль так и не совершила, ибо не смогла преодолеть свое недоверие к «безбожному» Западу. Блок, например, после революции предпочел объявить «богоносцем» даже озверевшее отечественное быдло и только усилил свою критику западной культуры, предложив ей два варианта гибели: прийти в объятья «скифов», от которых «хрустнет ее скелет», или пасть жертвой «монгольской дикой орды», которая будет «жечь города, и в церковь гнать табун, / И мясо белых братьев жарить». По воспоминаниям Андрея Белого, именно в это время он, живя в Швейцарии и Германии, исцеляется от слепоты и начинает видеть неизбежность социального кризиса на Западе. В книге «Одна из обителей царства теней» он предрекает европейской культуре ужасную катастрофу, объясняя этим свое решение вернуться из Германии в СССР:

...ритмы фокстротов, экзотика, дадизм, тринтравизм и все прочие эстетико-философские явления отживающей культуры Европы лишь зори пожара обвала Европы, лишь шелест того, что в ближайших шагах выявит себя ревом животного. <...> было бы благодеянием для жизни Берлина, если бы в один прекрасный день здания вокруг обвалились

⁹¹ Андрей Белый. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Изд. подгот. Л. Долгополов. М., 1981. С. 296.

⁹² Адамович Г. Комментарий // Опыты. 1954. № 3. С. 95–96; цит. по: Адамович Г.В. Собрание сочинений. «Комментарий» / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2000. С. 384–385.

бы, разрушился бы водопровод, электричество бы погасло, и жители поняли бы, наконец, что смерть наступила. <...> в самом воздухе города носится смерть; и порою хотелось воскликнуть: «Скорее, скорей бы!» Казалось: пристойный вид города — внешнее выражение столбняка, переходящего в смерть без трагедии и в разложение без подвига <...> Под приличную старую форму Берлина стал чуваться мне дикий хаос действительного разложения и смерти; и в запахе тления я задыхался⁹³.

Конечно, среди противников революции нашлись мыслители, которые в резко изменившейся исторической ситуации попытались отказаться от идеи «гибели Запада» и скорректировать свое отношение к западной культуре, но эти попытки явились скорее тактическими уступками, нежели сменой стратегии, и потому оказались малопродуктивными.

Чрезвычайно интересна в этой связи ранняя русская реакция на первый том труда Освальда Шпенглера «*Untergang des Abendlandes*» (1918; букв. «Закат Запада», а не «Закат Европы», как утвердилось в России), вышедший в русском переводе в 1923 году⁹⁴. На русских просвещенных читателей, немедленно заметивших сходство концепции Шпенглера с тем, что писали о «гнилом Западе» Киреевский, Данилевский, Леонтьев и многие другие русские мыслители XIX века, «Закат Европы» произвел сильнейшее впечатление. Константин Вагинов в «Козлиной песне» иронизировал над петербургскими интеллигентами, которые, претерпевая реальную гибель собственной культуры, отождествляют себя с европейцами и, волнуясь, обсуждают миф о гибели культуры чужой:

С некоторых пор, с опозданием на два года, в городе — я говорю о Петербурге, а не о Ленинграде — все заражены были шпенглеризмом.

Тонконогие юноши, птицеголовые барышни, только что расставшиеся с водянкой отцы семейств ходили по улицам и переулкам и говорили о гибели Запада.

Встречался какой-нибудь Иван Иванович с каким-нибудь Анатолием Леонидовичем, руки друг другу жали:

— А знаете, Запад-то гибнет, разложение-с. Фьюйтс культура — цивилизация наступает...

⁹³ Андрей Белый. Одна из обителей царства теней. Берлин, 1924. С. 62–63, 67–68.

⁹⁴ Обзор первых русских откликов на книгу Шпенглера см.: Тиме Г.А. Миф о «закате Европы» в мировоззренческой самоидентификации России начала 1920-х годов // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 149–162.

Вздохали.

Устраивались собрания.

Страдали.

Поверил в гибель Запада и поэт Троицын.

Возвращаясь с неизвестным поэтом из гостей, икая от недавно появившейся сытной еды, жалостно шептал:

— Мы, западные люди, погибнем, погибнем.

Неизвестный поэт напевал:

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая

На дальнем Западе, стране святых чудес...

Говорил о К. Леонтьеве и хихикал над своим собратом. Ведь для неизвестного поэта что гибель? — ровным счетом плюнуть, все снова повторится, круговорот-с⁹⁵.

В начале 1922 года четыре русских философа — Николай Бердяев, Яков Букшпан, Федор Степун и Семен Франк — выпустили сборник статей о «Закате Европы», задуманный как «русский ответ» на эсхатологические пророчества Шпенглера⁹⁶. Соглашаясь с тем, что Запад «в каком-то смысле дряхлеет и умирает», все авторы сборника утверждали, что в этот диагноз следует внести существенные коррективы. По их убеждению, гибнет не вся западная культура, а лишь одна ее составляющая, одно ее течение — позитивистская наука (Степун), рациональный дух «новой истории» (Франк), внешняя материальная цивилизация (Бердяев), «безрелигиозный, скептический самоутвержденный рационализм» (Букшпан), и уже само появление книги Шпенглера предвещает пробуждение подлинного — религиозного — культурного творчества. Все авторы единодушно отвергли органицистские аналогии, лежащие в основе шпенглеровской концепции, ибо, как писал Франк, «роковой, неизменный, предопределенный путь от младенчества, через зрелость, к старости и умиранию не есть судьба в духовном смысле слова; это — биологический закон природы, а не осмысленное, определенное внутренними духовными силами, драматическое единство жизни»⁹⁷.

⁹⁵ Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 47.

⁹⁶ Сборник был перепечатан как приложение к кн.: Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 312-404.

⁹⁷ Франк С. Кризис западной культуры // Бердяев Н.А., Букшпан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л. Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922; цит. по: Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 350.

В своих мемуарах Степун вспоминал, как из голодающей и разгромленной Москвы он мысленно возражал Шпенглеру:

Нет <...> подлинная, то есть христианская гуманитарная культура Европы не погибнет, не погибнет уже потому, что, знаю, не погибнет та Россия, которая по словам Герцена, на властный призыв Петра к европеизации ответила гениальным явлением Пушкина. <...> Не верил я в неизбежную гибель Европы еще и потому, что ощущал историю не царством неизбежных законов, а миром свободы, греха и подвига. От нашей скифской реализации безбожно-рационалистического европейского социализма я ждал отрезвления Европы; от сопротивления русской церкви большевизму — оживления христианской совести Запада. Признаюсь, что минутами мне даже верилось, что после срыва большевизма в Европе начнется руководимое Россией духовное возрождение⁹⁸.

Самим себе русские критики Шпенглера отводили роль привилегированных наблюдателей западной жизни, обладающих истинным ее знанием и потому способных открыть Западу тайну его исторической судьбы. «Мы находимся в более благоприятном положении, чем Шпенглер и люди Запада, — писал, например, Бердяев. — Для нас западная культура проницаема и постижима. Душа Европы не представляется нам далекой и непонятной душой. Мы с ней во внутреннем общении, мы чувствуем в себе ее энергию»⁹⁹. Поэтому, попадая на Запад, русские интеллигенты мыслили себя носителями спасительной религиозной идеи, посланниками, призванными передать европейским «братьям» обретенное в страданиях знание. «Европе, разочарованной, изверившейся, проеденной скепсисом старухе, мы принесли юношеский жар веры, — писал, например Сергей Горный, — <...> этой Европе, уже усталой, уже чуть-чуть блазированной <...> мы вынесли свечечки из часовни: — большую свечу из Ясной Поляны и маленькую Алеши Карамазова или того мальчика, „который плакал в темноте детскими слезинками и молил своего Боженьку“. Мы вынесли свою веру»¹⁰⁰. Ему вторил либеральный журналист Борис Мирский (Миркин-Герцевич): «...мы видим,

⁹⁸ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т. II. С. 275–277.

⁹⁹ Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А., Бушпан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л. Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922; цит. по: Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 381.

¹⁰⁰ Сергей Горный. Пугачев или Петр? (Душа народа): Психологические этюды. Berlin, 1922. С. 80–81.

что Россия нужна не только нам, что она нужна Европе, и что без нее царит смятение, чувствуется неустойчивость, какая-то вселенская тяжесть, в которой слышится мучительный неосознанный вздох оставшегося без России Запада»¹⁰¹. Однако все надежды на диалог с западной мыслью оказались тщетными, ибо она либо игнорировала новоявленных учителей, либо — в левом, социалистическом варианте — сочувствовала большевикам, третируя эмигрантов как представителей старого режима. «Нас все равно никто не слушает <...> Европа не понимает России», — жаловался тот же Мирский. «Мы чувствуем себя среди европейцев, как Сократ среди своих соотечественников, у которых он хотел чему-нибудь научиться, пока не признал, что он мудрее всех, потому что он, ничего не зная, по крайней мере отдает себе отчет в своем неведении, тогда как все остальные, ничего не зная, не знают даже своей собственной духовной нищеты», — констатировал Франк в книге «Крушение кумиров» (1923), написанной вскоре после переезда в Германию¹⁰².

Несовпадение ожиданий с реальностью приводит русских эмигрантов к горькому разочарованию в современном Западе и к возобновлению эсхатологических пророчеств о его судьбе. Многие из них как бы повторили путь Герцена, быстро превратившись из защитников европейской культуры в ее пристрастных судей. Если в 1920 году Михаил Цетлин (Амари), оказавшись в Париже, еще мог сравнивать себя с Одиссеем, вернувшимся на родную Итаку:

Как Одиссей к Пенелопе,
Своей супруге любимой,
Так я возвратился к Европе,
Изгнания ветром гонимый¹⁰³,

то лирический герой-изгнанник лучшего стихотворения Юрия Терапиано «По утрам читаю Гомера...» (1935) — это Одиссей в чужих краях, выброшенный на пустынный феакийский берег, где его, в отличие от мифологического прототипа, не ждет спасительница Навзикая («Полдень. Время остановилось. / Солнце жжет, волны бьются о берег. / Где теперь ты живешь, Навзикая? — / Мяч твой катится по траве»). Более того, герой Терапиано знает то, о чем

¹⁰¹ Мирский Б. В изгнании: Публицистические очерки. Париж, 1922. С. 58.

¹⁰² Франк С. Крушение кумиров // Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. I. С. 156.

¹⁰³ Цетлин Мих. (Амари) Прозрачные тени. Образы. Париж; М., 1920. С. 61.

не подозревают безмятежно гуляющие по Люксембургскому саду французы, которые «лишь по привычке»

...движутся, любят, верят,
Ждут чего-то, хотят утешенья
И не знают, что главное — было,
Что давно уж Архангел Божий
Над часами каменной башни
Опустился — и вылилась чаша
Прошлых, будущих и небывших,
Слез, вражды, обид и страстей,
Дел жестоких и милосердных...¹⁰⁴

Иными словами, Терапиано убежден, что современный Запад, сам того не зная, уже вступил в предфинальную стадию апокалипсического сценария, когда «Седьмой ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма раздался громкий голос, говорящий: совершилось!» (Откр 16: 17). О том же в 1932 году писал Борис Поплавский:

Мы живем ныне уже не в истории, а в эсхатологии и даже самые грязные газеты это смутно понимают. Что же делать художникам, писателям, скульпторам, композиторам? Вывод прост: следует всеми силами будить, трясти и даже мучить Европу, чтобы она в эти последние годы перед бесповоротной гибелью очнулась вдруг...¹⁰⁵

После нескольких лет жизни на Западе даже такие бывшие критики Шпенглера, как Бердяев и Франк, перенимают его прогноз скорого «заката Европы» и, пользуясь сходными метафорами, строят свои модели будущего мира после катастрофы. Особенно интересна книга Бердяева «Новое Средневековье», в которой он применил к современной ситуации триаду Иоахима Флорского: «Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи»¹⁰⁶. За гибелью старого мира должен последовать переходный, «ночной» период, собственно «Новое средневековье», который приведет к «новому дню», то есть к хилиастическому Царству Духа Святого.

---

¹⁰⁴ Цит. по: Якорь: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Г.В. Адамович, М.Л. Кантор. СПб., 2005. С. 136–137.

¹⁰⁵ Поплавский Б. Среди сомнений и очевидностей // Утверждения: Орган объединения пореволюционных учений. 1932. № 3. С. 104.

¹⁰⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 222–223.

Как и в романтическую эпоху за сто лет до этого, в 1920-е годы вера в скорый, неминуемый конец европейского мира охватывает людей разных политических взглядов и культурных установок. Так, именно приближающейся гибелью Запада оправдывает свое решение вернуться в СССР Андрей Белый; аналогичными аргументами пользуется сменовеховец А.В. Бобрищев-Пушкин (тоже вернувшийся на родину, чтобы в 1938 году быть расстрелянным на Соловках), призывая эмигрантов к сотрудничеству с советской властью:

...культура (не комфорт) Запада все более становится деревом, покрытым одними листьями, без плодов. История имеет свою логику: пока культура высших классов оправдывает их гнет над низшими, история терпит этот гнет. Но, по неумолимым социологическим законам, каждому крушению рабства предшествует упадок основанной на нем культуры, как будто для того, чтобы не о чем было жалеть, когда оно увлечет ее за собой в своем падении. Таков упадок Римской империи и Греции <...> Таков закат Италии и Испании. Таков «конец века», как печально называли последнюю четверть XIX века... А с тех пор? Одна техника, одно торжество материи <...> но никаких достойных человечества культурных ценностей... Когда [Революция] происшедшая в России, захватит Европу — сравнительно не так важно; важно, что она идет и придет, что только слепые не видят осыпающихся слоев старого социального строя, только глухие не слышат ее подземных раскатов. Вся почва колеблется — нигде уже нет покоя. А какая дана Европе отсрочка, десять, двадцать пять или больше лет, конечно, важно, для нас, смертных, но не для человечества¹⁰⁷.

В 1922 году крайне чуткий к веяниям времени Илья Эренбург пишет имевший немалый успех футурологический роман «Трест Д.Е. История гибели Европы», в котором он, скрещивая марксистскую идею конца капитализма со шпенглеровской идеей конца западной культуры, рисует жуткую картину грядущего упадка и самоуничтожения европейских народов. Согласно Эренбургу, Европа обречена и, хотя ее уничтожением планомерно занимается американский трест и лично «великий авантюрист» с хамскими инициалами Е.Б. (Енс Боот), она, по сути дела, совершает «массовое самоубийство». В романе реализован целый комплекс ходячих

---

¹⁰⁷ Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера // Смена вех / 2-е изд. Прага, 1922. С. 117, 148.

представлений об апокалипсисе, ожидающем Европу, — опустошительные войны с применением всех видов оружия массового уничтожения, во время которых обыватели предаются гедонистическому «пиру во время чумы», упадок нравов, массовое бесплодие, классовые битвы, вторжение «черных орд», символическая «сонная болезнь» мещанства, конец искусств и т.п.

Двигаясь ближе к центру по политическому спектру, мы обнаруживаем те же старые идеи у евразийца Петра Савицкого:

Поскольку [Европа] дошла до того исторического и идеологического предела, на котором находится ныне, с большим вероятно можно утверждать, что в какой-то срок будущего произойдет одно из двух: или культурная среда новой Европы погибнет и рассеется как дым в мучительно-трагических потрясениях, или та «критическая», по терминологии сен-симонистов, эпоха, которая началась в Западной Европе с исходом средних веков, должна подойти к концу и смениться эпохой «органической», «эпохой веры»¹⁰⁸.

Великое падение смерча, который превратит европейские столицы в пустыню, предвещает обреченным парижанам либеральный эссеист Петр Иванов¹⁰⁹, а с крайне правого фланга ему вторит Николай Краинский, психиатр и публицист одиозной белградской газеты «Новое время»:

Уже кристаллизуется в толпы убийц и грабителей наэлектризованная демагогами подлая чернь и выползают из нор шайки бандитов, которые будут править пир во время чумы, чтобы и самим быть поглощенными в хаосе всеобщей гибели¹¹⁰.

Обвинения западной цивилизации в давно замеченных и неискоренимых грехах (индивидуализм, материализм, мещанство, безбожие и т.д.) вкупе с пророчествами о ее «бесповоротной гибели» стали общими местами не только эмигрантской публицистики, но и обыденного сознания. Это не преминул зафиксировать неслухосный наблюдатель умственной пошлости Саша Черный. В его

---

¹⁰⁸ Савицкий П. Евразийство // Евразийский временник (Берлин). 1925. № 4; цит. по: Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. I. С. 228.

¹⁰⁹ «Поднимется смерч из бездны его [Парижа], и он упадет. И падение его будет великое» (Иванов П. *La dame de Paris* // Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 168).

¹¹⁰ Краинский Н.В. Без будущего: Очерки психологии революции и эмиграции. Белград, 1931. С. 32.

стихотворении «Парижское житье» (1928) русские эмигранты в «мансарде у самых небес» ведут обычный интеллигентский спор, «корявый, кривой, бесполезный», выкрикивая: «Европа — мешанка над бездной!»¹¹¹ Герой другой сатиры Саши Черного «Закат Европы» (1928), когда-то в России занимавшийся «Проблемою Пола», теперь становится «почти спецом» по означенному в названии текста бедствию:

Я сидел на балконе с Иваном Петровым.
Он меня допекал удручающим словом:
«Час за часом подходит к закату Европа, —
Это будет, пожалуй, почище потопа!
Люди скроются в норы, зароятся в Альпы,
Поснимают друг с друга косматые скальпы,
И, виляя хвостами, — последняя пара
Съест друг друга средь чадного дыма пожара...
Мир объелся культурой! Ни воли, ни силы.
Отстоять ли Европе свои Фермопилы?
Войны — голод — отчаянье — бунты — и тифы, —
А под занавес... с красными пиками скифы»...¹¹²

То, что Семен Франк назвал «раздражением против всего зла современной европейской жизни», естественно, находило выражение и в эмигрантской поэзии. Хотя западная тема в ней по значимости уступает темам ностальгическим и собственно лирическим, «современная европейская жизнь» у поэтов-эмигрантов первой волны чаще изображается в негативном или апокалипсическом свете. Радоваться тому, как в Париже «афиши клеили и жарили каштаны», или поднимать тост за «Полей Елисейских бензин, / За розу в кабине рольсройса и масло парижских картин», как видно, мог лишь поэт, навсегда отторгнутый от западного быта и застрявший «в черном бархате советской ночи». Особо важную роль в формировании устойчивого негативного образа Запада сыграла книга Владислава Ходасевича «Европейская ночь»¹¹³, которая наделяет западные мегалополисы,

¹¹¹ Саша Черный. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1996. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы, 1917–1932. С. 151.

¹¹² Там же. С. 152.

¹¹³ Подробнее о ней см.: *Bethea D. Khodasevich: His Life and Art*. Princeton, NJ, 1983. P. 275–296; *Бочаров С.Г.* «Европейская ночь» как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле // *Бочаров С.Г.* Филологические сюжеты. М., 2007. С. 385–399; *Успенский П.* Композиция «Европейской ночи» В.Ф. Ходасевича: Как эмиграция определила структуру сборника? // *Russian Literature*. 2016. № 83–84. С. 91–111.

Берлин и Париж, примерно теми же свойствами «демонической каменной пустыни», что и Шпенглер, — безжизненностью, пошлостью, бесплодием, однообразием, «сухой», то есть не связанной с продолжением рода, сексуальной распущенностью, подавленностью человеческого «я», отсутствием смысла. Само заглавие книги (ср. также во втором стихотворении цикла «У моря»: «Под европейской ночью черной / Заламывает руки он»), отвечающее на «советскую ночь» Мандельштама¹¹⁴ и отсылающее к эсхатологическому пророчеству Хомякова («Здесь [то есть на Западе] будет мрак глубокий»), стало расхожей формулой в эмигрантском антизападном дискурсе. Так, Терапиано, выразитель общих мест парижской литературной эмиграции, в рецензии на роман Селина «Путешествие в глубь ночи» писал: «Эта ночь на Западе *пока* — без исхода. Как на двери ада, над западным человечеством надпись: „оставь надежду“; и эту надпись нечем стереть»¹¹⁵. Вспоминая в мемуарной книге «Поля Елисейские» предвоенный Париж, Василий Яновский прямо использует формулу Ходасевича: «...тени близкой европейской ночи уже покрывали наш старый эмигрантский мир»¹¹⁶.

Из поэтов, развивавших европейскую тему в апокалипсическом ключе, следует упомянуть прежде всего двоих — Бориса Поплавского и Антонина Ладинского. Первый из них, как мы помним, верил, что современный мир существует не в истории, а в эсхатологии, и записывал в дневнике: «Темы: смерть Европы — под шум пропеллеров своих полярных экспедиций, под пение тысячи граммофонов, под прекрасные и идиотские улыбки своих королей красоты»¹¹⁷. Конец мира в стихах Поплавского чаще всего ассоциируется с кораблекрушениями¹¹⁸. Фантасмагорические образы проваливающихся в полярную бездну кораблей, восходящие к прозе Эдгара По («Рукопись, найденная в бутылке», «Низвержение в Мальстрем», «История Артура Гордона Пима из Нантакета»), Поплавский соединяет с аллю-

¹¹⁴ Название «Европейская ночь» Ходасевич придумал осенью 1922 года (см.: Богомолов Н.А., Волчек Д.Б. Примечания // Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989. С. 396), то есть после того, как в августе того же года в Берлине вышел в свет сборник Мандельштама «Tristia», где впервые было напечатано процитированное стихотворение «В Петербурге мы сойдемся снова...».

¹¹⁵ Числа. 1934. № 10. С. 211.

¹¹⁶ Яновский В. Сочинения: В 2 т. М., 2000. Т. 2: По ту сторону времени. Поля Елисейские: Книга памяти. С. 358.

¹¹⁷ Цит. по примечаниям С.А. Ивановой к кн.: Поплавский Б. Сочинения. СПб., 1999. С. 370.

¹¹⁸ Полезные замечания об апокалиптических смыслах морской топики у Поплавского и других поэтов русской эмиграции см.: Хазан В. «Моя Атлантида — Россия». (К некоторым чертам «морского» мифа в поэзии русской эмиграции) // From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present. 2002. Vol. 2. P. 17–19.

зиями на реальные, но окруженные легендами катастрофы первых десятилетий XX века — на гибель полярных экспедиций и особенно на трагедию «Титаника», которая была понята современниками символически, как предвестье грядущих исторических катаклизмов¹¹⁹. Приведу лишь несколько примеров из сборника «Флаги»:

И прожектор ложится на плоскую воду
И еще полминуты горит под водой.
Металлический дом, точно колокол духов,
Опускается тихо звонит в синеве

И айсберг проплывает над местом крушенья
Как Венера Милосская в белом трико.
(«Отрицательный полюс молчит и сияет...»)¹²⁰

И было все на малой глубине,
Куда еще доходит яркий свет.
Вот тонем мы, вот мы стоим на дне.
Нам медный граммофон поет привет.
(«Paysage d'enfer»)¹²¹

Мыс Доброй Надежды. Мы с доброй надеждой
тебя покидали,
Но море чернело, и красный закат холодов

---

¹¹⁹ Ср.: «„Титаник“ не имеет отношения к последующей длинной веренице постигших человечество разочарований, но его гибель стала как бы первым толчком надвигающегося землетрясения. До „Титаника“, казалось, была лишь тишь да гладь, после него — сплошной хаос. Вот почему для многих, кто жил в те времена, трагедия „Титаника“ в большей степени, чем любое другое событие, явилась конечной вехой старого доброго времени и началом новой, беспокойной эпохи» (Лорд У. Последняя ночь «Титаника». Л., 1984. С. 117). В эмигрантском эсхатологическом дискурсе образ «Титаника» первым использовал Дмитрий Мережковский, писавший в 1929 году: «В самом начале XX века океанский пароход, Титаник, на котором совершали увеселительную прогулку в Европу американские миллиардеры с семьями, столкнувшись ночью, в тумане, с огромною плавучею льдиною, пошел ко дну так внезапно, что почти никто не спасся. Гибель Титаника — заглавная картинка к новой главе всемирной истории — первой великой войне, а может быть, и ко второй, последней; третьей не будет, или будет уже в истории не нашего человечества. <...> Только что наш европейский Титаник столкнулся ночью, в тумане, с плавучею льдиною, чудом спасся, полуразбитый, — поплыл дальше, и вот, опять — ночь, туман; опять белеет в нем что-то огромное; льдистым холодом веет в лицо, — вторая льдина, и мы прямо идем на нее. Что же рулевой, — уснул, ослеп, или вместо него правит кто-то другой, Неведомый?» (Мережковский Д. Тайна Запада: Атлантида — Европа. Белград, 1930. С. 10).

¹²⁰ Поплавский Б. Указ. соч. С. 43.

¹²¹ Там же. С. 45.

Стоял над кормою, где пассажиры рыдали,
И призрак Титаника нас провожал среди льдов. <...>

Мы погибали в таинственных южных морях,
Волны хлестали, смывая шезлонги и лодки.
Мы целовались, корабль опускался во мрак.
В трюме кричал арестант, сотрясая колодки...
(«Рукопись, найденная в бутылке»)¹²²

Горы волны ходят в океане.
С островов гудят сирены грозно.
И большой корабль затертый льдами
Накренья лежит под флагом звездным.

Там в каюте граммофон играет.
И друзья танцуют в полумраке.
Путаясь в ногах, собаки лают.
К кораблю летит скелет во фраке.

У него в руке луна и роза,
А в другой письмо, где желтый локон.
Сквозь узоры звездного мороза
Ангелы за ним следят из окон.

Никому, войдя, мешать не станет.
Вежливо рукой танцоров тронет,
А когда ночное солнце встанет
Лед растает и корабль утонет.
(«Черный заяц»)¹²³

Если в этих стихотворениях поэт не отделяет себя от тонущего мира-корабля, то в стихотворении «Жалость к Европе» он занимает позицию стороннего наблюдателя гибели западной цивилизации:

Европа, Европа, как медленно в трауре юном
Огромные флаги твои развеваются в воздухе лунном. <...>

---

¹²² Там же. С. 60. Название стихотворения повторяет название рассказа Эдгара По; отметим также, что в повести По «История Артура Гордона Пима из Нантакета» корабль героя попадает в жуткий шторм именно у мыса Доброй Надежды.

¹²³ Там же. С. 71.

Высокие здания яркие флаги подняли.
Удастся ли опыт? На башне мечтают часы.
А в море закатном огромными летними днями
Уходит корабль в конце дымовой полосы. <...>

Европа, Европа, сады твои полны народу.
Читает газету Офелия в белом такси.
А Гамлет в трамвае мечтает уйти на свободу
Упав под колеса с улыбкою смертной тоски.

А солнце огромное клонится в желтом тумане,
Далеко, далеко в предместиях газ запылал.
Европа, Европа корабль утопал в океане,
А в зале оркестр молитву на трубах играл.

И все вспоминали трамваи, деревья и осень.
И все опускались грустя в голубую пучину.
Вам страшно, скажите? Мне страшно ль? Не очень!
Ведь я европеец! смеялся во фраке мужчина.

Ведь я англичанин, мне льды по газетам знакомы.
Привык подчиняться, проигрывать с гордым челом,
А в Лондоне нежные леди приходят к знакомым.
И розы в магазинах вянут за толстым стеклом¹²⁴.

Отплывающий вдаль, а затем утопающий в океане корабль европейской цивилизации — это, безусловно, «Титаник», столкнувшийся с айсбергом, на что указывает стих об оркестре, играющем молитву, ибо, согласно широко распространенной легенде, ресторанный оркестр на погружающемся в воду «Титанике» играл церковный гимн «Ближе к тебе, о Господи»¹²⁵. На морскую символику накладывается традиционная эсхатологическая топка гаснущего закатного солнца, что, вероятно, мотивировано немецким заглавием книги Шпенглера «*Untergang des Abenlandes*» (где *Untergang* имеет два значения: закат и кораблекрушение); трагическую обреченность современного европейца подчеркивают аналогии с вековыми прототипами «Гамлета»; трубы оркестра напоминают о трубах библейских книг пророков и Откровения св. Иоанна (ср. особенно пророчество, связанное

---

¹²⁴ Там же. С. 82–83.

¹²⁵ Лорд У. Указ. соч. С. 177.

с морем и кораблями: «Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла...» [Откр 8: 8]).

Подобно Поплавскому, Ладинский тоже начинает свой цикл из четырех стихотворений, открывающий книгу «Стихи о Европе» (1937) и озаглавленный «Похищение Европы»¹²⁶, с апострофы, устанавливающей некую дистанцию между русским поэтом и гибнущим западным миром, с которым он прощается:

Европа, ты зябким и сирым
Летишь голубком, но — куда?
С непрочным и призрачным миром
Прощаешься ты навсегда.

На фоне большого заката
Уходит корабль в океан.
Вот за воркованье расплата,
За музыку и за туман!

Ты руки ломаешь от горя,
Но бык увлекает тебя
В пределы печального моря,
О легкой победе трубя...¹²⁷

Обращает на себя внимание явная переключка некоторых мотивов с «Жалостью к Европе». Вслед за Поплавским Ладинский сравнивает современный Запад с кораблем, уходящим в море на фоне заката; появляется у него и мотив трубного гласа; даже рифма «океан/туман» повторяет — с заменой родительного падежа на именительный — рифму Поплавского. Однако, отталкиваясь от «Жалости к Европе», Ладинский не только транспонирует банальную тему в иной — элегической — тональности, но и лишает ее публицистической однозначности. Уже начальное сравнение Европы с улетающим голубком может быть понято двояко. Если вспомнить, что в христианской иконографии голубь — это тради-

---

¹²⁶ Подробнее об этом цикле см.: Долнин А. Тема заката Европы в поэзии русской эмиграции // Russian Literature and the West: A Tribute for David Bethea / Ed. by A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Stanford, 2008 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 36). Pt. II. P. 44–62.

¹²⁷ Ладинский Ант. Стихи о Европе. Париж, 1937. С. 7.

ционный символ Святого Духа и бессмертной человеческой души, покидающей тело человека после смерти, то образ прочитывается как намек на духовное опустошение Запада и смерть его «культурного тела» (ср. в стихотворении «Весеннюю порою льда...» [1931] Пастернака: «В краях заката стоял лед. / И по воде, оттаяв, / Гнездом сполоснутым плывет / Усадьба без хозяев. / Прощальных слез не осуша / И плавав вечер целый, / Уходит с Запада душа / Ей нечего там делать»)¹²⁸. Но, с другой стороны, соседство морского мотива актуализирует и другую ассоциацию — с голубем-благовестителем, который принес на Ноев ковчег «свежий масличный лист», возвестивший, что «вода сошла с земли» (Быт. 8: 8–12) и, следовательно, прерванная катастрофой земная жизнь возобновляется. Любопытно, что в процитированном стихотворении Пастернака прямо упоминается предание о всемирном потопе: оставившая Запад душа «...уходит в перегной / Потопа, как при Ное, / И ей не боязно одной / Бездонною весною», что сулит не гибель, а перемещение и «преображение света» — *translatio spiriti*.

Уверившись в неотвратимой катастрофе европейского «Титаника», многие эмигранты, как некогда Герцен, связывают надежды на обновление и спасение не с Западом, а с Россией — причем не с реальной, сегодняшней, тиранической, а с идеальной Россией будущего. Тем самым в своей критике Запада они сходятся с коммунистической пропагандой, хотя последняя заменяет религиозно окрашенную историософскую эсхатологию на эсхатологию марксистскую, псевдонаучную. С марксистской точки зрения речь может идти лишь о гибели общественно-экономической формации — капитализма и эксплуататорских классов с их культурой, но не целостной социокультурной общности. Именно поэтому коммунистические публицисты подвергли резкой критике как «Закат Европы» Шпенглера, так и «русский ответ» ему Бердяева, Бухшпана, Степуна и Франка. «Вопрос о закате Европы является вопросом о закате буржуазно-капиталистического Запада, — писал, например, Карл Грасис. — Осознав разложение этого запада, не поняв причин такого разложения и не видя сил, могущих проявить новую творческую энергию, философствующие филистеры этого уходящего мира свои зубные боли превращают в мировую скорбь, что, впрочем, бывало неоднократно»¹²⁹.

¹²⁸ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1989. Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1912–1931. С. 423.

¹²⁹ Грасис К. Вехисты о Шпенглере // Красная новь. 1922. № 2. С. 210.

Однако, как давно показал Бердяев, русский коммунизм после захвата власти большевиками быстро приобретает черты квази-религиозного мессианизма:

Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. <...> И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского — «ex Oriente lux». Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада¹³⁰.

Соответственно, идея общего кризиса капитализма начинает сливаться с идеей гибели Запада, а пропагандистский дискурс вбирает в себя старые славянофильские клише. На протяжении почти целого столетия коммунистические идеологи все снова и снова заявляют, что — процитируем программу КПСС 1961 года — «империализм вступил в период заката и гибели» и — вспомним знаменитую угрозу Хрущева — мы его скоро похороним; что капиталистический строй гниет (заживо)/сгнил/загнивает/разлагается; что буржуазная культура деградирует/вырождается/погружается в маразм/падает в пропасть бездуховности и т.п. Сам товарищ Сталин в 1918 году переадресовал выражение «С Востока свет!» революционной России, озаглавив им свою газетную заметку и повторив в финале: «С Востока свет! Запад с его империалистическими людоедами превратился в очаг тьмы и рабства. Задача состоит в том, чтобы разбить этот очаг на радость и утешение трудящихся всех стран»¹³¹. После этого формулу приписали вождю¹³² и начали всячески цитировать и перифразировать. Украинский поэт Иван Нехода грозил империалистам: «Берегитесь, грязные убийцы! / Отступает ночь перед зарей. / Из Москвы, с Востока свет струится — / Солнце мира всходит над землей»¹³³, а в казенной прозе ему вторил М.А. Шолохов:

Мраком обреченности окутан доживающий свой век капиталистический Запад. Но для трудового человечества всех стран ярким светом

¹³⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 116.

¹³¹ Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4: Ноябрь 1917–1920. С. 182.

¹³² В романе лауреата Сталинской премии В.И. Ильенкова «Большая дорога» герой задумывает роман «С Востока свет!» и объясняет матери, восторгающейся красотой названия: «Это не мои слова. Так называлась статья товарища Сталина!» (Октябрь. 1949. № 3. С. 49).

¹³³ Цит. по: Красных И.Н. Русский язык: Учебник для 6 класса школ глухонемых. М., 1951. С. 158.

надежды полыхает занявшаяся на Востоке заря свободы и счастья.
Свет победит мрак¹³⁴.

Воскрешена была и метафора «дряхлый Запад». «Старость не скроешь под грубо наложенными румянами. Сумерки капитализма не смешаешь с зарей», — писал, например, небезызвестный Д.И. Заславский¹³⁵. В том же духе и на том же корявом языке, смешивая марксистскую и славянофильскую топику, изъясняются — как прекрасно знают телезрители и читатели сетевых журналов — и сегодняшние предсказатели скорой и ужасной гибели Запада, с той лишь разницей, что сейчас чаще имеют в виду США, нежели Европу.

Тот факт, что на протяжении без малого двух веков фундаменталистская русская мысль — вне зависимости от конкретной исторической ситуации, изменений культурного контекста и политических программ — воспроизводит в прозе и стихах одни и те же профетические формулы, один и тот же набор банальных органицистских аналогий и эсхатологических метафор, показывает, что иррациональное убеждение в смертельных болезнях могущественного и успешного Другого необходимо для оправдания собственных проигрывающих политико-экономических стратегий, патологической ксенофобии и ничем не оправданных претензий на превосходство. Без этого убеждения, как писал Владимир Соловьев в работе «Национальный вопрос в России», идея *особого* русского пути, *особого* русского предназначения, теряет всякий смысл:

Ибо если Запад не подлежит неизбежному разложению, если европейские народы еще не сказали своего последнего слова, еще продолжают свою историческую работу, то на каком основании мы должны непременно отделяться от них и противопоставлять себя всей Европе, вместо того чтобы почувствовать себя одним из европейских народов? Если западная цивилизация не закончила своего развития и мы не знаем ее результатов и целей, то на каком основании будем мы отнимать у нее общечеловеческий характер?¹³⁶

Уже на ранних стадиях разработки концепта «гибель Запада» его критики указали, что он зиждется на очень шатких основаниях и не поддается рациональной верификации. Во-первых, большие

¹³⁴ Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 238.

¹³⁵ Заславский Д.И. День за днем. Свои и чужие. М., 1960. С. 83.

¹³⁶ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1: Философская публицистика. С. 312.

сомнения вызвало само противопоставление России Западу и отождествление ее с Востоком. Именно за это, например, Белинский разбил «Мечту» Хомякова:

...мы так горды чувством национального достоинства, что под Востоком не можем разуместь Россию. Ведь Запад — Европа, а Восток — Азия? Россия же принадлежит к Европе и по своему географическому положению, и потому, что она держава христианская, и потому, что новая ее гражданственность — европейская, и потому, что ее история уже слилась неразрывно с судьбами Европы. Кажется, так, г. поэт? Кого же вы будите? Каких вранов призываете вы на мнимый труп Запада торжествовать мнимую гибель цивилизации, смерть света и праздник тьмы? — Верно, турков и татар? — Ну, турки и татары, просыпайтесь на голос вашего прорицателя: по его уверению, Запад не нынче, завтра скончается, и наступит ваш черед, потомки Чингисханов и Тамерланов!..¹³⁷

Полемизируя с теорией культурно-исторических типов Данилевского, Владимир Соловьев тоже определит Россию как часть Европы:

...особый, внеевропейский русско-славянский культурный тип, со своею особенною наукой, философией, литературой и искусством, есть лишь предмет произвольных чаяний и гаданий, ибо никаких положительных задатков новой самобытной культуры наша действительность не представляет. <...> Как русская изящная литература, при всей своей оригинальности, есть одна из европейских литератур, так и сама Россия, при всех своих особенностях, есть одна из европейских наций¹³⁸.

Во-вторых, оппоненты могильщиков Европы постоянно указывали на опасность прямолинейных эсхатологических интерпретаций конкретных фактов и явлений, поскольку историческое будущее в принципе непредсказуемо. Так, А.В. Никитенко, прочитав первые номера «Москвитянина», записал в дневнике:

Чудаки эти москвичи (даже Шевырев). Ругают Запад на чем свет стоит. Запад умирает, уже умер и гниет. В России только и можно жить и учиться чему-нибудь. Это страна благополучия и великих убеждений.

¹³⁷ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 7. С. 202.

¹³⁸ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 352.

Если это искренно, то москвичи самые отчаянные систематики. Они отнимают у Бога тайны его предначертаний и решают по-своему жизнь и упадок царств¹³⁹.

Как полагал Владимир Соловьев, даже правильно названные и описанные симптомы социальных и духовных недугов Запада отнюдь не обязательно предвещают его гибель. «Те признаки исторической смерти и наступающего разложения, которые указываются славянофилами в западной цивилизации, — пишет он, — никак не принадлежат католической культуре» — культуре, которая, по Соловьеву, являет собой «внутреннюю силу или душу западной жизни»:

...если эта душа не совсем оставила свое тело, а только утратила полноту своего действия в нем, то, значит, современное состояние Европы не есть общее посмертное разложение, а только частный болезненный процесс. Этот болезненный процесс может окончиться смертью, если действие жизненного начала ослабеет еще более и совсем исчезнет, но он может окончиться и выздоровлением, если недостаточно сильное действие жизненного начала будет восполнено и усилено со стороны нашего славянского мира, то в этом, конечно, и состоит наше настоящее призвание¹⁴⁰.

Наконец, сам пророческий характер формулы «гибель Запада» требовал ее верификации, ибо даже с точки зрения религиозного сознания решающим признаком истинности пророчества является его исполнение. Как объясняется в Ветхом Завете, «если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей» (Втор. 18: 22). Нетрудно заметить, что ни одно слово русских пророков до сих пор не исполнилось, а предложенные ими сценарии гибели Европы и возвышения России неизменно опровергались ходом мировой и русской истории. Когда Россия была побеждена в Крымской войне, А.В. Никитенко воспринял это постыдное поражение как опровержение пророчеств: «Лет пять тому назад москвичи провозгласили, что Европа гниет, что она уже сгнила, а бодрствуют, живут и процветают одни славяне. А вот теперь Европа доказывает нашему невежеству, нашей апатии, нашему высокомерному

---

¹³⁹ Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 234 (запись от 28 июля 1841 года).

¹⁴⁰ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 318.

презрению ее цивилизации, как она сгнила. О, горе нам!»¹⁴¹ Почти восемьдесят лет спустя так же реагировал на антизападную риторику парижского журнала «Утверждения» либеральный историк и публицист Александр Кизеветтер:

Приглядимся поближе к тезисам «Утверждений». Тлетворный Запад гниет, если уже не сгнил, а Россия теперь, как никогда прежде, продвинулась к моменту свершения predetermined ей Провидением всемирно-исторической миссии. «Утверждения» о гниении Запада имеют у нас за собою по крайней мере 80-тилетнюю давность и выдавать их за по-революционную новость более чем неосторожно. Невольно думаешь: что-то уж очень долго гниет этот Запад и все сгнить не может, да еще за время своего гниения ухитряется обнаруживать замечательные творческие процессы в многообразных областях культуры. Но нам говорят: теперь-то уж Запад несомненно погиб. Почему же однако? Потому ли, что после войны в западно-европейских странах идет сильное брожение политическое и социальное? Но было бы чудом, если бы после такой встряски, как мировая война, народы спокойно облеклись в халаты и легли спать. Но надо еще доказать, что эти брожения знаменуют гибель Европы, а не несут в себе зародыши ее творческого обновления. Во всяком случае тлетворный Запад сумел-таки отразить коммунистические атаки, которые после войны были предприняты в ряде европейских стран. Я не думаю, чтобы это обстоятельство свидетельствовало, что западно-европейский строй насквозь прогнил¹⁴².

Однако на могильщиков Запада аргументы подобного рода не действуют. Ход исторических событий может заставить их усомниться в точности конкретных оценок и предсказаний, но никогда — в их общей истинности. Тот факт, что пророчества о гибели Запада не сбываются, несколько не влияет на их восприятие и воспроизводство: конечные сроки лишь откладываются на будущее, передвигаются все дальше и дальше во времени. Так, например, ровно через пятьдесят лет после смерти Достоевского православный священник из Сербии пишет: «Пророчество Достоевского о Европе постепенно исполняется на наших глазах. Европейское человечество, вемое духом гуманистической, тщеславной „непогрешимости“, катится стремглав из тьмы в тьму, из ночи в ночь, пока не ввергнется в мрач-

---

¹⁴¹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 419 (запись от 6 октября 1855 года).

¹⁴² Кизеветтер А. Старая новизна // Рувль. 1931. 5 мая.

ную, вечную ночь, после которой не наступит заря»¹⁴³. Проходит еще три четверти века, и доморощенные интернетные мудрецы с тем же апломбом сообщают ровно то же самое: «пророчества Достоевского сбываются» или «продолжают сбываться в наши дни»¹⁴⁴. Ясно, что под видом социологического анализа, футурологических прогнозов и исторических концепций нам предлагаются «пустые фразы» заклинательно-магического типа, призванные навлечь гибель на недостижимое «чужое» (в буквальном смысле *wishful thinking*), — формулы, которые не имеют никакой познавательной ценности в том, что касается понимания Другого, а выполняют скорее психотерапевтическую функцию, действуя на возбужденное сознание как некий вербальный транквилизатор.

Подобное отношение к несбывшимся пророчествам хорошо известно социологам, изучавшим его на примере поведения членов эсхатологических сект. Классическое исследование такого рода провел в 1950-е годы Леон Фестингер, автор теории когнитивного диссонанса. Его заинтересовала немногочисленная, но весьма активная секта, харизматический лидер которой, домохозяйка из Чикаго, убедила своих последователей в том, что находится в контакте с обитателями некоей планеты Клариион. Инопланетяне сообщили ей, что 21 декабря 1954 года должен произойти конец света, от которого спасутся (на специально присланной за ними летающей тарелке) лишь истинные верующие. Члены секты, поверив своему лидеру, стали готовиться к гибели мира и эвакуации на Клариион: распродали имущество, ушли с работы и учебы, попрощались с родными и близкими и собрались в назначенном месте. Внедренные в секту под видом неопитов, социологи подробно описали реакцию сектантов на неосуществление пророчества и возникший вследствие этого когнитивный диссонанс. Вместо того чтобы отказаться от своей веры, члены секты после некоторых размышлений пришли к выводу, что ранее они неверно интерпретировали полученные сообщения, которые носили не столько конкретный, сколько символический характер, что пророчество так или иначе сбудется в недалеком будущем и что их главная задача — заняться прозелитизмом, дабы

¹⁴³ Преподобный Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб., 2002. С. 210–211.

¹⁴⁴ См., например: Новикова-Строганова А.А. Жажда правды и права: пророчества Ф.М. Достоевского // Pravmir.ru. 2012. 12 ноября [https://www.pravmir.ru/zhazhda-pravdy-i-prava-prorochestva-f-m-dostoevskogo/]; Достоевский как православный мыслитель и пророк 20 века // 3rm.info. 2012. 17 августа [https://3rm.info/publications/27410-dostoevskiy-kak-pravoslavnyy-myslitel-i-prorok-20-veka-film-vozvraschenie-proroka-prorochestva-o-rossii-video.html].

увеличить число верующих (и тем самым подтвердить истинность самого вероучения)¹⁴⁵.

Описанный Фестингером и его коллегами механизм «переподтверждения» неосуществившихся пророчеств, как заметил известный английский литературовед Фрэнк Кермоуд, характерен для всех разновидностей наивного апокалиптического сознания, которому рано или поздно приходится решать проблему напрасных ожиданий:

Большинство интерпретаций Апокалипсиса предполагают, что Конец наступит очень скоро. Соответственно, историческую аллегоррию постоянно приходится ревизовать, ибо время ее дискредитирует. И это очень важно. Сам же Апокалипсис может не подтверждаться, но при этом не быть дискредитированным. В этом разгадка его необычайной живучести¹⁴⁶.

Точно так же демонстрирует необычайную живучесть и формула «гибель Запада» — она каждый раз не подтверждается, но при этом — для верящих в нее — никогда и ничем не дискредитируется.

POSTSCRIPTUM: ПОЯСНЕНИЯ К ЭПИГРАФУ

Вынесенную в эпиграф запись Пушкин сделал в январе или феврале 1836 года, набрасывая начало рецензии на недавно вышедшую книгу С.П. Шевырева «История поэзии». Французскую фразу «*Nous sommes les grands juges*» обычно переводят «Мы — великие судьи», из-за чего все высказывание воспринимается как оправдание русской критики Запада, напоминающее слова Достоевского: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия»¹⁴⁷. Подобным образом истолковывает Пушкина И.З. Сурат. По ее мнению, Пушкин хотел сказать, что возможность и право судить Европу нам, русским, обеспечил «наш особый, отдельный от Европы, но неразрывно связанный с нею путь; наша внеаходимость и жертвенность по отношению к Европе, таинственно предуказанные нам Провидением, делают нас „великими

---

¹⁴⁵ См.: Festinger L., Riecken H.W., Schachter S. When Prophecy Fails: A Social and Psychological Study of a Modern Group that Predicted the Destruction of the World. New York, 1956.

¹⁴⁶ Kermode F. The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction. London; Oxford; New York, 1968. P. 8.

¹⁴⁷ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 24. С. 147.

судьями“, определяют те самые „беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас“»¹⁴⁸.

На самом деле, во французском языке пушкинского времени *jugeur* отнюдь не значило «судья». Как указывают толковые словари 1810–1830-х годов, тогда это был разговорный пейоратив со значением «тот, кто имеет наглость судить обо всем; кто судит о каком-либо предмете необдуманно, ничего в нем не смысля»¹⁴⁹. Уже с конца XVIII века данное существительное именно в этом значении довольно часто встречается в литературе. Так, Бомарше дважды использовал его в предисловии к «Женитьбе Фигаро»¹⁵⁰, а Виктор Гюго — в предисловии к «Марии Тюдор»¹⁵¹ и в статье «Случайные идеи» («*Idées au hasard*», 1824)¹⁵². Бальзак в «Шагреновой коже» (1831) вводит модное словцо как коллоквиализм, выделяя курсивом и поясняя: «...из тех, кто ничему не удивляется, кто сморкается во время каватины в Итальянской опере, первым кричит bravo, возражает всякому, высказавшему свое суждение прежде него...» Во время ужина бальзаковский *jugeur* называет новую повесть Шарля Нодье «набором фраз, высосанных из пальца, сочинением для сумасшедшего дома», а потом признается, что никогда ее «не читал и даже не видал»¹⁵³. Ближайшим русским аналогом *jugeur* тогда, наверное, будет «критикан» (хотя это слово вошло в обиход лишь в 1840-е годы), а правильным переводом французской фразы Пушкина — «Мы большие критиканы» или, перифрастически, «Мы большие мастера судить о том, чего не знаем». Ясно, что Пушкин иронизирует над «удивительными» суждениями отечественных «знатоков» Запада «касательно того, что делается не у нас».

К сожалению, нам неизвестно, каких именно *jugeurs* имел в виду Пушкин. Не лишено вероятия, однако, что одним из объектов пушкинской иронии могла быть главная трибуна нарождающегося славянофильства — журнал «Московский наблюдатель», начавший выходить весной 1835 года. В первом же номере журнала были напечатаны упомянутые выше «Мечта» Хомякова и статья Шевырева

¹⁴⁸ Сурат И. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 112.

¹⁴⁹ Dictionnaire de l'Académie françoise. Supplément. Première partie: A–K. Paris, 1831. P. 73. Ср. также: Dictionnaire classique de la langue française. Paris, 1827. P. 553; Raymond F. Dictionnaire des termes appropriés aux arts et aux sciences, et des mots nouveaux que l'usage a consacrés... Paris, 1824. P. 308.

¹⁵⁰ Œuvres complètes de Beaumarchais, précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages / Nouvelle édition. Paris, 1828. Т. II. P. 4, 22.

¹⁵¹ Hugo V. Marie Tudor. Angelo. Paris, 1836. P. 8.

¹⁵² Œuvres de Victor Hugo. Т. I. P. 589.

¹⁵³ Бальзак О. де. Собрание сочинений: В 15 т. М., 1955. Т. 13. С. 44, 54.

«Словесность и торговля». Без противопоставления европейской «ветхой опытности» и русской «молодой свежести» Шевырев не обошелся даже в своей «Истории поэзии». «Плоды Европейского образования может соединить в себе разумным избранием только страна свежая, молодая, сильная, такая страна, которая мало участвовала в жизни Европейской и следовательно не вынесла с собою никаких пристрастий, не приняла никакого одностороннего направления», — писал он в финале вступительного очерка¹⁵⁴. Возможно, притязания «москвичей» на роль судей Западной Европы показались Пушкину пошлыми и смешными.

---

¹⁵⁴ Шевырев С.П. История поэзии. М., 1835. Т. I. С. 35.

В самом начале «Ревизора» почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин, узнав, что в город направляется какой-то чиновник, объясняет это необычное событие геополитически: «...война с турками будет. <...> Право, война с турками. Это все француз гадит». На протяжении всего XIX века почтмейстерскую мудрость неоднократно цитировали, когда речь заходила о неистребимой привычке русских дураков объяснять все домашние неурядицы и проблемы происками иноплеменников. «Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: „Это француз гадит, это жида, это Вильгельм...“ — писал Чехов Суворину в 1898 году. — Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство!»¹ Вследствие изменений в политической обстановке и/или появления новых патриотических фобий на место француза могли подставляться другие национальности. Так, рецензируя в 1868 году очередную антипольскую книгу, автор «Отечественных записок» писал: «Предки наши, в несчастных обстоятельствах, говаривали глубокомысленно: „Это все француз гадит“; потомки заменили название одной национальности другой»². Двадцать лет спустя Н.В. Шелгунов французов даже не упоминает: «Непременно нам кто-нибудь да гадит, то немец, то поляк, то жид. Право уж пора бы кончить с подобным младенчеством и школьничеством, авось дела наши пошли бы лучше»³. Естественно, что англичанин время от времени тоже попадает в исходную матрицу, но, насколько можно судить, довольно редко. Например, в большой статье о текущих событиях в восставшей Италии «Непостижимая странность. (Из Неаполитанской истории)» (1860) Добролюбов насмехался над «благомыслящими людьми» (то есть реакционерами), которые никак не могут найти объяснение военным и политическим успехам революционеров и «ничего не находят лучшего, как сказать,

¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7. С. 167. По воспоминаниям В.А. Лазаревского, в 1899 году Чехов сказал ему в связи с делом Дрейфуса: «Знаете, вот у Гоголя кто-то выражается: „Это все француз гадит“. Так вот и евреи гадят в деле Дрейфуса. Евреи здесь не при чем» (Лазаревский В.А. А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 570).

² Отечественные записки. 1868. Т. CLXXVIII. № 6. С. 208.

³ Шелгунов Н. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1886. № 6. С. 186 (2-й паг.).

что это англичанин нагадил...»⁴. Критик явно отдавал себе отчет, что перифразирует Гоголя, о чем свидетельствует, в частности, эпиграф к статье из «Ревизора»: «Ах, какой реприманд неожиданный».

Н.К. Михайловский в «Записках современника» (1882), наоборот, забывает (или делает вид, что забыл) гоголевскую цитату, допуская замену француза на англичанина:

«Все француз гадит». Кажется, француз, а может быть и англичанин. Не помню цитаты. Но это, пожалуй, безразлично, потому что нам решительно все гадят, кроме нас самих, разумеется. Сами по себе, мы так чисты, так чисты — «чище снега альпийских вершин»; чисты и притом смиренны, благодушны, хоть и грозны врагам. Понять даже трудно, отчего нам, при подобных совершенно неблагоприятных условиях, все-таки все гадят: чистоты нашей не ценят, грозы не боятся, точно мы вовсе не чисты и не грозны⁵.

В самом конце XIX — начале XX века, однако, картина резко меняется: гоголевского француза внезапно вытесняет ранее не встречавшаяся «англичанка», что придает формуле не литературный, а простонародный оттенок, поскольку в народе англичанкой называли королеву Викторию и — метонимически — Великобританию. А.Н. Энгельгардт в своих письмах «Из деревни» зафиксировал такое словоупотребление в середине 1870-х годов, в связи со слухами о предстоящей войне:

О войне стали поговаривать уже давно — года три-четыре назад. Носились разные слухи, в которых на первом месте фигурировала «англичанка».

Потом стали говорить, что будет набор из девок, что этих девок царь отдает в приданое за дочкой, которая идет к англичанке в дом. Девки, толковали, выдадут замуж за англичан, чтобы девки их в нашу веру повернули.

<...> Слухи о войне упорно держались в народе — о войне с англичанкой. Как ни нелепы были эти слухи и рассказы, но общий смысл их был такой: вся загвоздка в англичанке. Чтобы вышло что-нибудь,

---

⁴ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 9 т. Л., 1961. Т. VI. С. 365. Этот пример я позаимствовал из содержательных заметок об истории выражения «англичанка гадит» в блоге Игоря Петрова в LiveJournal [<https://labas.livejournal.com/1016626.html>], с которыми я познакомился уже после первой публикации настоящей статьи. Некоторые другие примеры в этих заметках совпадают с моими.

⁵ Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений / 4-е изд. СПб., 1908. Т. V. С. 603.

нужно соединиться с англичанкой, а чтобы соединиться, нужно ее в свою веру перевести. Не удастся же перевести англичанку в свою веру — война⁶.

По свидетельству сестры милосердия Е.М. Бакуниной, во время Русско-турецкой войны раненые солдаты тоже поминали «англичанку»:

Слухи ходят самые тревожные, иные рассказывают: что вся Европа идет на нас и вся Азия тоже, и даже половина Африки! <...> Первые слова, как только войдешь в отделения: «А что сестрица? Говорят Англичанка поднимается, как же не стыдно сватъя на свата!»⁷

В одной из солдатских песен, тогда же сложенных, «англичанку» называли теткой турков:

Уж вы, турки, ротозеи,
Где вам с нами воевать,
Ваша тетка-англичанка
Не успела помогать!⁸

Известный этнограф Е.Л. Марков уже в начале 1890-х годов записал рассказ монаха-гостинщика из Белогорского монастыря на Дону о том, как началась турецкая война:

Царь турецкий <...> стал губить народов православных, — румынов там, болгар, греков, сербов, разных народов, — все ведь они веры русской, а англичанка за него сейчас поднялась; она исстари на нас лютует, сейчас это все народы иноземные пособрала; посылают нашему царю сказать: давай на три года войну поведем⁹.

От «англичанка лютует» до «англичанка гадит» — то есть до гибрида простонародной синекдохи с гоголевской цитатой — всего один шаг, и этот шаг, по-видимому, был сделан в газетах 1890-х годов.

⁶ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 218–219, 220.

⁷ Год на Кавказе при военно-временных госпиталях: Отрывки из писем старшей сестры милосердия Красного креста Екатерины Бакуниной // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878. СПб., 1879. Т. II. С. 463.

⁸ *Лопатин Н.М., Прокунин В.П.* Сборник русских народных лирических песен. М., 1889. Ч. 1. С. 268.

⁹ *Марков Евг.* Белогорские пещеры // Русский вестник. 1892. № 1. С. 269.

Во всяком случае, на рубеже веков обновленное выражение по крайней мере два раза встречается в журнальных обзорах текущих газет. В 1898 году П.Ф. Якубович пишет в «Русском богатстве»:

Смешно, право, и стыдно сказать: у нас нет до сих пор ни одной сколько-нибудь самостоятельной, свободной и солидной политической газеты... Политиканствующие, конечно, есть в изобилии. Одна с пеной у рта силится доказать в своих передовицах, что в интересах культуры и цивилизации необходимо возможно скорее... разграбить Китай, уделить по хорошему куску каждой сильной державе; другая тем временем не устает подмигивать на англичанку, которая, мол, во всем нам гадит и которую поэтому давно следовало бы шапками закидать; третья везде видит «жида» и корчит из себя российскую «Libre Parole»¹⁰.

Три года спустя В.Г. Короленко в том же журнале сетует:

И вот, часть печати от истинной патриотической борьбы за будущие «возможности», лежащие в зародышевом состоянии в нашем обществе и народе, переходит к борьбе за готовые шаблонные лозунги вульгарного якобы патриотизма, которые тотчас же без дальнейших рассуждений и вызывают отклики. И, разумеется, успех обеспечен — навстречу печати стремятся готовые рефлексы, толпа с удивлением видит, что ее нехитрые лозунги, производящие на нее необъяснимое, мгновенное, хотя и неосмысленное действие, в роде «все англичанка гадит» или «жиды Христа распяли!» — теперь повторяются с печатных страниц «образованными господами», которые так ловко, красиво, умело и даже чувствительно развертывают их в целые фельетоны, передовицы, рассказы, изукрашая их стилистическими цветами и даже глубокомысленными историческими и иными соображениями...¹¹

Особую популярность формула получила во время англо-бурской войны, когда накал англофобии в России достиг точки, сопоставимой лишь с реакцией на ультиматум лорда Керзона или на дело об отравлении Сергея Скрипаля и его дочери¹². Об этом вспоминал

---

¹⁰ Гриневиц П.Ф. Итоги двух юбилеев // Русское богатство. 1898. № 8. Отд. II. С. 105.
¹¹ [Короленко В.] Хроника внутренней жизни. Патриотизм, национализм и «Лига русского отечества» // Русское богатство. 1901. № 5. Отд. II. С. 189.

¹² См. об этом: Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg, 1998. P. 177–189; Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 45–50.

Василий Шульгин, писавший в мемуарных очерках: «Значительная часть русского общества в то время осуждала Англию за эту войну и была на стороне буров. Нападки на Англию в особенности поддерживала газета „Новое время“. В вульгарном смысле это настроение выражалось в знаменитой формуле „англичанка гадит“ <...> Поносить Англию под лозунгом „Англичанка гадит“ было торной дорогой. Ею легко было идти»¹³.

Если гоголевская фраза неизменно воспринималась как образец отечественного идиотизма, то в видоизмененном виде, потеряв связь с сатирическим контекстом, для русских шовинистов, мракобесов и просто «немыслящих тростников» она становится образцом народной мудрости, противопоставленным интеллигентскому либеральному западничеству. «Крепко сидело в простом Русском народе убеждение, что в решительные минуты успехов Русских всегда — „англичанка гадит“, — писал, например, генерал Краснов¹⁴. В сети часто цитируют стихи Н.Н. Вентцеля, поэта-сатирика из «Нового времени»:

Нельзя, mon cher, нельзя,
Чтоб, как салопница-мещанка,
Твердили мы весь век, что «гадит англичанка»¹⁵.

Цитирующим, кажется, невдомек, что у Вентцеля в «Неизданных сценах из „Горя от ума“» эти слова произносит отрицательный персонаж, пустобрех-англофил князь Григорий, который винит патриотическую прессу за сочувствие к бурам¹⁶ и призывает к союзу с Британией, грабящей Россию. Подобным же образом весной 1917 года Демьян Бедный издевался в «Правде» над дружескими отношениями тогдашнего министра иностранных дел П.Н. Милюкова с британским послом Джорджем Бьюкененом:

Народная примета
В чем сказалась перемена
Нам со строем новым?

¹³ Шульгин В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 336, 129.

¹⁴ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном / 3-е изд. Берлин, 1922. [Вып.] V. С. 269.

¹⁵ Вентцель Н.Н. На жизненном базаре: Юмористические стихотворения. СПб., 1903. С. 48.

¹⁶ «А все газетчики наделали, крича нам, / Что мы сочувствовать не можем англичанам, — / И результат таков, / Что бритты гордые томятся средь оков, / Неся позор и пытки плена, / И меркнет солнце Чемберлена / От трансваальских мужиков...» (Там же. С. 44–45).

В дружбе сэра Бьюкенена
С сэром Милюковым!

Где один нас приютжит,
Там другой пригладит.
А народ сидит да тужит:
«Англичанка гадит!»¹⁷

По мере быстрого распространения формулы ее генетическая связь с «Ревизором» ослабевает и в конце концов вообще перестает осознаваться. Так, в 1901 году публицист-народник М.А. Протопопов, рецензируя ксенофобскую книгу С.Н. Сыромятникова, обличавшего «британскую лживость и политическую подлость», еще может сделать курьезную ошибку и приписать фразу «англичанка гадит» гоголевскому почтмейстеру¹⁸. Но уже в годы Русско-японской войны и первой русской революции Гоголя не вспоминает никто. «Давно кем-то сказано „англичанка гадит“, — замечает публицист «Русского богатства» С.Н. Южаков. — Наш обыватель этому охотно верит; готов верить и теперь»¹⁹.

Описывая настроения перед началом японской войны, ее участник, боевой офицер М.В. Грулев удивляется тому, как плохо «люди грамотные» понимали, что происходит на Дальнем Востоке: «...знали, что там угрожают нам боксеры и хунхузы и что с ними заодно японцы или „макаки“, а пуще всех нам „англичанка гадит“»²⁰. Саркастически цитирует сакраментальную фразу и обозреватель эсеровской газеты «Революционная Россия» при обсуждении так называемого гульського инцидента, когда балтийская эскадра под командованием адмирала Рождественского, направлявшаяся на Дальний Восток, расстреляла шотландские рыболовецкие суда в Северном море, приняв их за японские миноносцы: «Как известно, англичанам геройство адмирала Рождественского и его офицеров не понравилось (завистливый народ!.. да и вообще „англичанка нам всегда гадит“...)

¹⁷ Цит. по: 1917 в сатире / Составил С. Дрейден. М.; Л., 1928. С. 71.

¹⁸ Пр[отопопов] М. Националистический фрукт: [Рец. на:] С.Н. Сыромятников (Сигма). «Опыты русской мысли». Книга первая. С.-Петербург, 1901 года // Русская мысль. 1901. № 12. С. 164 (2-й pag.).

¹⁹ Южаков С. Политика. О причинах войны // Русское богатство. 1904. № 3. С. 126 (2-й pag.).

²⁰ Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908. Ч. I. С. 101.

и дело чуть не дошло до войны с Англией»²¹. «Заезженной формулой» назвал ее В.Г. Короленко в 1906 году, говоря о ложных обвинениях «коварной англичанки» в намерениях истребить русский флот и в подкупе бастующих русских рабочих²².

Полузабытая в советское время, «заезженная формула», к сожалению, оказалась востребованной в современной России, где ею активно пользуются нынешние патриоты-мракобесы. «Англичанка гадит» — «крылатые слова, которым уже не одна сотня лет, столь устойчивы в русском языке, что кажутся неистребимыми», — недавно врал с телеэкрана один из главных лжецов нашего времени. Утешает одно: как и их предшественники предреволюционных лет, нынешние англофобы не способны понять, что для тех, кто читал «Ревизора», они — персонажи комические, ибо над ними незримо витает тень почтмейстера Шпекина.

---

²¹ Революционная Россия. 1904. 30 октября. № 54. С. 15.

²² Кор[оленко] Вл. Случайные заметки: Наши «государственные» люди и новый Гульский инцидент // Современные записки. 1906. № 1. С. 148 (2-й пар.).

«ПОСКРЕБИТЕ РУССКОГО И НАЙДЕТЕ ТАТАРИНА»¹

*Невольно вспоминаются слова Наполеона: поскобли
немножко русского и сейчас доскоблешься до татарина.
Нет, многих даже и скоблить не нужно: они сами норовят,
при каждом удобном и неудобном случае, счесывать с себя
тонкий слой европейских белил.*

— П.Н. Ткачев «Ташкентец в науке» (1872)

В феврале 1860 года М.П. Погодин, возмущенный тем, что его не пригласили на торжественный обед в честь фельдмаршала А.Н. Барятинского, где он собирался сказать приветственное слово, писал дочери:

Это просто меня взорвало! Ну не в праве ли европейцы называть нас невежами, дикими варварами, безмолвными илотами, которые не смеют рта разинуть и поют только по полученным нотам, разумеется, фальшиво? <...> Вот и вспомнишь Наполеона: «grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare»².

Погодин (как и многие другие русские авторы второй половины XIX века, например Достоевский в «Дневнике писателя» и «Подростке»³) цитировал ныне широко известное выражение «Поскребите/поскоблите русского и найдете татарина» по-французски, поскольку изначально оно воспринималась как французское и в русский язык входило довольно медленно. Кажется, по-русски его впервые употребил Д.Д. Минаев в 1862 году в журнале «Русское слово». Рассказав о прискорбном случае на маскараде в Харькове, где студенты напали на одну очаровательную маску, которая оказалась модисткой-

---

¹ В интернете и в печати можно найти десятки, если не сотни заметок о происхождении данной фразы, но все они полны фактических ошибок и лакун. Единственное исключение составляет полезная статья К.В. Душенко (Читаем вместе. 2010. № 8/9 [<http://www.dushenko.ru/news/215612/>]), в которой указаны некоторые из тех источников, которые обсуждаются в данной работе (Ансело, мадам Кампан, Караччиоли, Кюстин). К сожалению, ряд мелких неточностей и отсутствие библиографических ссылок не позволяют считать эту статью научным исследованием.

² Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 152.

³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 454; Л., 1982. Т. 24. С. 39; Л., 1983. Т. 25. С. 22.

француженкой, он резко осудил «мелочных прогрессистов», пытающихся «примирить в себе Европы лоск и варварство татарства. Невольно применишь к этим господам жесткое и суровое восклицание Наполеона I: „поскребите русского — и вы найдете татарина!“»⁴ Если и консерватор Погодин, и прогрессист Минаев, и почвенник Достоевский, и ряд других писателей с «жесткой и суровой» оценкой русских, *mutatis mutandis*, соглашались, то народник А.И. Эртель вложил в уста одного из своих персонажей ее опровержение: «Наполеон говаривал, что-де поскребите русского, татарин будет. Нет, брат, поскреби-ка его, попытайся — ан и увидишь, герой в нем сидит...»⁵

Хотя автором афоризма обычно считался Наполеон I, никаких прямых письменных свидетельств его авторства не обнаружено. Нередко назывались и называются другие громкие имена — Вольтер⁶, Шарль-Жозеф де Линь⁷, Жозеф де Местр⁸, мадам де Сталь⁹, Талей-

⁴ [Минаев Д.Д.] Дневник темного человека // Русское слово. 1861. № 2. Отд. III (Смесь). С. 69. Минаев цитирует поэму А. Майкова «Две судьбы. Бель», где речь идет об умении «русского барства» «так дивно сочетать / Европы лоск и варварство татарства» (Майков А. Две судьбы. Бель. СПб., 1845. С. 23). По сути дела, формула Майкова совпадает с мыслью, выраженной афоризмом «Поскребите русского...».

⁵ Эртель А. Записки степняка // Вестник Европы. 1881. Т. III (май). С. 143.

⁶ Например, в анонимной английской рецензии на книгу о России барона Августа фон Гакстаузена (August von Haxthausen, 1792–1866), где автор напоминает читателям «изящное бонмо Вольтера „Grattez un Russe, et vous verrez un Tartare“» (Frazer's Magazine for Town and Country. 1849. Vol. XL. № CCXXXVIII (October). P. 380). Ср. также: «Voltaire's sardonic epigram, that if you scratch the Russian...» (Howorth H.H. History of the Mongols: From the 9th to the 19th century. London, 1880. Pt. II. P. 34). «Известной фразочкой Вольтера» называет крылатое выражение один из расплывшихся ныне пишущих мракобесов, чье невежество не знает предела (см.: Шумейко И.Н. Большой подлог, или Краткий курс фальсификации истории. М., 2010. С. 36).

⁷ Эта атрибуция, по-видимому, восходит к «Лекциям по истории восточной церкви» декана Вестминстерского аббатства Артура Пенрина Стенли (1815–1881), выдержавшим в 1860–1880-е годы пять изданий. Ср.: «„Scratch him [the Russian]“, said the Prince de Ligne, „and you will always find the Tartar underneath. Most true“» (Stanley A.P. Lectures on the History of the Eastern Church. London, 1861. P. 340). В конце XIX века выражение начинают приписывать де Линю в некоторых словарях крылатых слов, пословиц и афоризмов. См., например: *Hertslet W.L. Der Treppenwitz der Weltgeschichte / Vierte, neu bearbeitete Auslage.* Berlin, 1895. S. 360; Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и выражений. СПб., 1902. С. 96. № 782 (в посмертном издании словаря Михельсона [1912] атрибуция де Линю снята).

⁸ Приведу лишь один недавний пример из нашумевшей книги американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»: «Если поскрести русского, — заметил де Местр, — обнаружится татарин» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2016. С. 88).

⁹ Скажем, у Герцена, любившего выражение, в письме К. Фогту от 30/18 августа 1858 года (Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1961. Т. XXXVI. С. 201). По свидетельству Н.П. Поггенполя, в беседе с британским послом Ф. Нейпиром князь Горчаков напомнил ему слова мадам де Сталь, процитировав крылатую фразу в необычной форме, с заменой татарина на медведя: «Grattez le Russe, vous y trouverer toujours un ours» (Poggenpohl N. de. La Paix ou la guerre, ou La Russie en 1863. Paris, 1863. P. 53). И Герцен, и Горчаков могли увидеть ложную атрибуцию в каком-нибудь французском или английском журнале. См., например, в рецензии на любопытную аноним-

ран¹⁰. Когда ходячее выражение на протяжении многих лет приписывается разным, но всегда известным людям без указания источника/источников, это обычно означает, что подлинный его автор либо не установлен, либо не принадлежит к числу тех, кого прилично цитировать. В данном случае, однако, у атрибуции выражения Наполеону были некоторые основания. Дело в том, что в 1822 году скончалась мадам Кампан (Jeanne Louise Henriette Campan, 1752–1822), некогда фрейлина Марии-Антуанетты, а потом, при Наполеоне, начальница училища для девочек-сирот — дочерей кавалеров ордена Почетного легиона. Приближенная к семье императора, после реставрации она поселилась в городе Мант, где любила рассказывать друзьям о жизни при двух дворах. Пользовавший ее врач Пьер Менъ записал некоторые из этих рассказов и вскоре после смерти мадам Кампан опубликовал их отдельной книгой. В ней отдельным абзацем напечатана следующая фраза:

Napoléon disait qu'en grattant l'épiderme du Russe, on voyait de suite le barbare [Наполеон говорил, что если поскрести кожу русского, то сразу увидишь варвара]¹¹.

Поскольку эти слова, в отличие от большинства других высказываний мадам Кампан, не стоят в кавычках, мы не можем знать наверняка, цитировал или парафразировал их публикатор. Как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что именно запись Менъ представляет собой самый ранний и весьма близкий прообраз нашего афоризма, связывающий его с Наполеоном¹².

ную книгу англичанки, прожившей десять лет в Архангельске и сравнившей тонкий слой культуры в России с гримом на лице уродливой женщины: «It is a thin veneering after all; and never was there a truer expression than Madame de Stael's „Grattez le Russe, et vous trouverez le Tatar“» (The British Quarterly Review. 1855. Vol. XXI. P. 577).

¹⁰ См., например: «„Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare“, said Talleyrand, in speaking of this educated, but unsavoury and irreclaimable savage» (Payen-Payne J.B. The Turkish Crisis: England's Duty towards the Porte and towards Herself. London, 1876. P. 17).

¹¹ Maigne P. Journal anecdotique de Madame Campan, ou Conversations recueillies dans ses entretiens. Paris, 1824. P. 81; англ. пер.: The Private Journal of Madame Campan, Comprising Original Anecdotes of the French Court... / Ed. by M. Maigne. London, 1825. P. 96.

¹² В некоторых справочных изданиях и в статье К.В. Душенко (см. примеч. 1) утверждается, что впервые выражение встречается (по-английски!) в дневниковой записи Джеймса Галлатина, сына и секретаря американского дипломата Альберта Галлатина (Abraham Alfonse Albert Gallatin, 1761–1849), об ужине в Париже с кем-то из Нарышкиных: «...Russians are only semi-civilized. Perfect manners, external polish — the moment they have just a little too much to drink, the savage comes out. Very true the saying is: „Scratch the Russian and find the Tartar“» (The Diary of James Gallatin, Secretary to Albert Gallatin, a Great Peace Maker 1813–1827 / Ed. by Count Gallatin with an Introduction by Viscount Bryce; new edition. New York, 1916. P. 229; запись от 2 января 1823 года). Однако еще в 1950-е годы было неопровержимо доказано, что весь

Мысль, что цивилизованность русских носит лишь поверхностный, подражательный характер, а под ней скрывается дикарь/варвар/татарин/азиат/мужлан, в Западной Европе XVIII–XIX веков высказывалась неоднократно как впрямую, так и метафорически. Широкой известностью пользовалось рассуждение Ж.-Ж. Руссо о преждевременности петровских реформ, для которых русский народ не успел созреть, из «Общественного договора»:

У народов, как и людей, существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. <...> Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого¹³.

В мемуарах французского литератора и поэта Жана-Пьера-Огюста де Лабуисс-Рошфора (Jean-Pierre-Auguste de Labouïsse-Rochefort, 1778–1852) маркизу Луи-Антуану Караччиоли (Louis-Antoine Caraccioli, 1719–1803) приписана острота, напоминающая формулу «Поскребите русского...», но только с провербиальным медведем вместо татарина: «Grattez dans la main du Russe le mieux élevé, vous verrez peindre sous l'épiderme la peau de l'ours» («Поскребите руку самого образованного русского, и под кожей вы увидите шкуру медведя»)¹⁴. Какой-то вариант этой остроты, возможно, обыгрывал адмирал Нельсон, когда писал о своем неуступчивом партнере-сопернике, адмирале Ушакове: «The Russian Admiral has a polished outside, but the bear is close to the skin»

дневник, впервые опубликованный в 1914 году, представляет собой довольно грубую подделку конца XIX — начала XX века (см.: *Walters R., jr. The James Gallatin Diary: A Fraud? // The American Historical Review. 1957. Vol. 62. № 4. P. 878–885*).

¹³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 90.

¹⁴ *Trente ans de ma vie (de 1795 à 1826), ou Mémoires politiques et littéraires de M. de Labouïsse-Rochefort. Paris, 1847. T. VIII. P. 410.* Еще раньше та же острота Караччиоли была приведена в парижском журнале *Le Mercure du dix-neuvième siècle* (1827. T. XVI. P. 93). Шведский дипломат и государственный деятель Ларс фон Энгстрём (Lars von Engeström, 1751–1826) в одном из писем приводит другое бонмо Караччиоли: «Le Russe est un singe enté sur un ours» («Русский — это обезьяна, сращенная с медведем» [*Engeström L. von. Minnen och Anteckningar. Stockholm, 1876. Bd. II; письмо от 9 июня 1808 года*]).

(«Русский адмирал вылощен снаружи, но под кожей у него медведь»)¹⁵. Вообще, в конце XVIII века медвежья (вариант: меховая) метафора, описывающая русского варвара под оболочкой цивилизованности и восходящая к стереотипному сатирическому образу «русского медведя»¹⁶, по-видимому, имела в Западной Европе широкое распространение. Так, в 1787 году молодой Ф.В. Ростопчин должен был признать правоту какого-то англичанина, сказавшего ему о русских: «Нужно только расстегнуть им жилет, чтоб почувствовать шерсть»¹⁷.

В.А. Мильчина и А.Л. Осповат в детальном комментарии к знаменитой книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» процитировали два высказывания французских авторов, писавших о несовпадении у русских внутренней сути и внешней оболочки, — шевалье де Корберона, поверенного в делах Франции в Петербурге (1775–1780), и писателя и драматурга Жака-Франсуа Ансело, посетившего Россию в 1826 году. «Поначалу вы видите с одной стороны варварский народ, — писал Корберон, — а с другой — просвещенное, образованное дворянство с манерами любезными и учтивыми, но присмотревшись, замечаете, что дворяне в сущности — те же варвары, хотя одетые и разукрашенные; от черни они отличаются лишь с виду»¹⁸. Ту же мысль Ансело выразил с помощью строительной метафоры, сравнив русских с петербургскими зданиями, покрытыми тонким слоем штукатурки:

Подобно тому, как от здешних кирпичных зданий при малейшем повреждении отваливается белая отполированная штукатурка, покрывающая стены, в русских быстро обнаруживается татарин, скрытый под блестящей оболочкой, в которую их облекла незрелая цивилизация¹⁹.

¹⁵ The Life of the Right Honourable Horatio Lord Viscount Nelson... by Mr. Harrison. London, 1806. Vol. II. P. 167.

¹⁶ См. книги из серии «Россия как Медведь»: *Россомахин А., Хрусталева Д.* Русская медведица, или Политика и похабство. СПб., 2007; *Россомахин А., Хрусталева Д.* Польская диета русского медведя. СПб., 2009; *Россомахин А., Успенский В., Хрусталева Д.* Медведи, казаки и русский мороз: Россия в английской карикатуре до и после 1812 года. СПб., 2013; *Россомахин А., Успенский В., Хрусталева Д.* Имперский шаг Екатерины: Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб., 2016.

¹⁷ *De Ségur A., le comte.* Vie du Comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812 / Deuxième édition, revue et corrigée. Paris, 1873. P. 10–11.

¹⁸ *Мильчина В., Осповат А.* Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008. С. 851; *Un diplomate français à la cour de Catherine II 1775–1780; Journal intime du Chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie / Publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-H. Labande.* Paris, 1901. T. I. P. 257 (запись от 12 мая 1776 года).

¹⁹ *Six mois en Russie: Lettres écrites a M. X.-B. Saintines, en 1826... par M. Ancelet.* Paris, 1827. P. 308. Другой перевод: «Подобно здешним кирпичным домам, покрытым тонким слоем белой штукатурки, готовой отвалиться при малейшем сотрясении, в русском чело-

Вполне разделяя мнения Корберона и Ансело, сам Кюстин сослался не на них, а на друга своей матери Джузеппе Капече-Латро (Giuseppe Capese-Latro, 1744–1836), архиепископа Тарантского, славившегося большим умом и знаниями. Ему в книге Кюстина приписано следующее рассуждение:

Нравы русских жестоки, несмотря на все претензии этих полудикарей, и еще долго будут таковыми оставаться. Еще не прошло и столетия с тех пор, как они были настоящими татарами; лишь Петр Великий стал принуждать мужчин брать с собой жен на ассамблеи; и многие из этих выскочек цивилизации сохранили под теперешним своим изыществом медвежью шкуру: они всего лишь вывернули ее наизнанку, но стоит их поскрести, как шерсть появляется снова и встает дыбом²⁰.

Обратив внимание на сходство слов, приписанных Капече-Латро, и афоризма «Поскребите русского и найдете татарина», французский лексикограф и библиограф Роже Александр (Roger Alexandre, 1845–1903) осторожно предположил, что сам афоризм может быть лишь «более грубым вариантом» («une variante plus brutale») пассажа из «России в 1839 году»²¹. С этим предположением никак нельзя согласиться, поскольку к 1843 году, когда книга Кюстина вышла в свет, выражение уже успело войти в обиход и получить окончательную афористическую форму²². Самому Кюстину оно, скорее всего, было хорошо известно, ибо в примечании к рассуждению Капече-Латро он говорит, что император Наполеон высказывал ту же мысль, «только еще более энергично», явно имея в виду «Поскребите русского...» или, по крайней мере, свидетельство мадам Кампан.

Решающую роль в истории выражения сыграл давно забытый роман «Алексей Петрович» («Alexis Petrowitch», 1835) — о сыне Петра I — двух молодых авторов, Огюста Арну (Auguste Jean François Arnould, 1803–1854) и Нарцисса Фурнье (Narcisse Fournier, 1803–1880). Своему роману они предпослали в качестве эпиграфа то самое выска-

---

веке под оболочкой незрелой цивилизации скрывается дикий татарин» (Ансело Ф. Шесть месяцев в России / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Н.М. Сперанской. М., 2001. С. 129).

²⁰ Кюстин А. де. Россия в 1839 году / 3-е изд., испр. и доп.; пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф; под общей ред. В. Мильчиной. СПб., 2008. С. 260.

²¹ Alexandre R. Le musée de la conversation: Répertoire de citations françaises, dictionnaires modernes, curiosités littéraires, historiques et anecdotiques, avec une indication précise des sources / 4-me édition. Paris, 1902. P. 737.

²² Не так давно неверное предположение Александра было повторено в форме безапелляционного утверждения вельможным невеждой (см.: Мединский В. Особенности национального пиара: Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2013. С. 268–269).

звание Руссо о России, которое мы цитировали выше, и этим сразу обозначили свою позицию. В большом отступлении, открывающем главу под названием «Петербург»²³, Арну и Фурнье подвергли резкой критике петровские реформы, которые, по их мнению, противоречили национальному духу, пусть варварскому, но способному к саморазвитию, и принесли в основном негативные результаты²⁴:

...цивилизация, которой не предшествовала свобода, несет с собой все, что в ней есть дурного: преувеличенные потребности, всевозможные пороки, необузданную роскошь, безграничную нищету, спесь господ, низость рабов, разврат, бесстыдное воровство, — гнилые плоды, привитые к варварским нравам, пьянящий напиток, поднесенный дикарям. <...> Петр <...> отправил свой народ в полет, но на чужих крыльях, обокрав всех изобретателей, сделав все начерно, но ничего не закончив, и обращаясь с русскими как со сворой обезьян, обладающих одной лишь способностью подражать²⁵.

На эту мысль обратил внимание анонимный рецензент журнала *Revue de Paris*, увидевший в конфликте исконного русского варварства и искусственно насаждавшихся Петром реформ, отправную точку, которая

...прекрасно объясняет и сегодняшнее состояние империи, и остро-ту Наполеона: «Поскребите русского и найдете татарина!» (*le mot de*

---

²³ По странному стечению обстоятельств, в Петербурге закончил свою жизнь один из авторов романа, Огюст Арну. В 1845 году, уже известным драматургом, он убежал из Франции за границу с молодой актрисой Комеди Франсез Жанной Сильвани Плесси (*Jeanne Sylvanie Arnould-Plessy*, 1819–1897) и женился на ней. Потеряв из-за скандала работу в Париже, его жена отправилась в Петербург, где с большим успехом выступала во французской труппе на сцене Михайловского театра. В начале 1850-х годов Арну переехал к ней, вскоре заболел и 24 февраля 1854 года скончался. В «Библиотеке для чтения» по этому случаю было напечатано следующее сообщение: «Каждый из посещающих французские спектакли, вероятно, разделит горе прекрасной артистки, которая так долго была любимицею русской публики, — я говорю о г-же Арну-Плесси, лишившейся 24 февраля мужа. — Г-н Арну стоял в ряду очень хороших французских писателей, и только в последнее время отказался от собственной славы, довольствуясь славою нежно-любимой им супруги. Схоронив 27 февраля, на Волковом кладбище, своего мужа, прелестная артистка отправилась в отпуск и возвратится к 15 августа» (*Моллер Е.А.* Заметки петербургского жителя // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 225).

²⁴ Е.П. Майкова, читавшая роман в 1843 году, нашла, что авторы не поняли Петра и утверждают, будто бы «русских никогда не следовало просвещать» (Из переписки В.А. Солоницына и Е.П. Майковой 1843–1844 годов / Подгот. текста и примеч. А.Г. Гродецкой // Лица: Биографический альманах. СПб., 2001. Т. 8. С. 54; письмо от 28 июля 1843 года, курсив автора).

²⁵ *Arnould A., Fournier N. Histoire russe de 1715 à 1718*. Paris, 1835. Т. I. P. 45–47.

Napoléon: «Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare!»). Петр всего лишь оштукатурил московское варварство и московскую самостийность; еще несколько лет, и весь этот слой, покрашенный на прусский манер Петром III, напудренный а-ля Вольтер Екатериной II, обшитый под Бонапарта Павлом I, осыпется и обнажит варварство, которое осталось непроницаемым для этой накладной цивилизации (*à cette civilisation plaquée*)²⁶.

По всей вероятности, безымянного автора рецензии на «Алексея Петровича» и следует считать создателем наполеоновского апокрифа «Поскреби русского...» Он, разумеется, отталкивался от богатой риторической традиции и прежде всего от фразы, приписанной Наполеону мадам Кампан (и/или ее собеседником), но честь окончательного оформления и заострения афоризма принадлежит именно ему.

Вскоре после появления рецензии афоризм подхватывает Фредерик Сулье, который повторил его (с добавлением наречия «*bientôt*» перед «*le Tartare*») во вставной новелле на русскую тему, вошедшей в книгу очерков «Два местопребывания. Провинция и Париж» (1836)²⁷. От Сулье фраза (вместе с «*bientôt*») переходит в собрание рассказов и анекдотов о Наполеоне известного французского борзописца Эмиля-Марко Сент-Илера (Emile Marco de Saint-Hilaire, 1796–1887), чьи многочисленные исторические сочинения не отличались достоверностью. У него ее произносит Наполеон после битвы при Аустерлице, обращаясь к пленным австрийским офицерам, которых он стыдит за противоестественный союз с русскими варварами²⁸.

Маленькая проходная рецензия на проходной исторический роман, книга путевых очерков и недостоверный анекдот о Наполеоне — это далеко не самые подходящие места для «запуска» даже удачного бонмо. Скорее всего, афоризм еще долго не мог бы стать общеевропейским мемом, если бы в 1842 году его не повторил с небольшими изменениями (и, конечно же, без ссылки на источники) Виктор Гюго. Сравнивая российскую и османскую империи в гео-

---

²⁶ Revue de Paris. Nouvelle Série. 1835. Т. XIX. P. 219. Имя автора рецензии остается неизвестным. Отметим, однако, что точно та же характеристика России — «эта накладная цивилизация» («*cette civilisation plaquée*») — встречается в кратком отзыве Сент-Бева о книге Кюстина (1843). См.: *Sainte-Beuve C.-A. Chroniques parisiennes* (1843–1845). Paris, 1876. P. 62.

²⁷ *Soulié F. Deux séjours. Province et Paris. Bruxelles*, 1836. Т. I. P. 165 (2-е изд.: Paris, 1837). В дальнейшем новелла будет печататься отдельно от книги очерков под заглавием «Жена русского» («*La femme d'un Russe*»).

²⁸ *Saint-Hilaire E.M. de. Nouveaux souvenirs intimes du temps de l'Empire*. Paris, 1839. P. 114.

политическом очерке, заключавшем второй том его путевых записок «Рейн»²⁹, он писал:

В турке много от татарина, и то же самое в русском. <...> Наполеон на острове Св. Елены говорил: «Поскребите русского, найдете татарина» («Grattez le Russe, vous trouvez le Tartare»). То, что говорят о русских, можно сказать и о турках³⁰.

Как известно, для успешного распространения мема необходим «толкач» — человек, группа людей или текст, обладающие достаточным авторитетом, чтобы продвинуть данный мем в толщу культуры. В 1842 году «Рейн» Гюго, писателя с общеевропейской славой, идеально подходил для этой роли: книга сразу вышла несколькими изданиями и обратила на себя внимание не только во Франции, но и в Германии (где ее немедленно перевели на немецкий), и в Англии.

В Париже совершилось событие важное, о котором толкуют во всех журналах. — Министерство переменялось? Или палаты приняли закон о преобразовании выборов, об устройстве целой сети железных дорог? <...> Все не то: Виктор Гюго издал новую книгу, Виктор Гюго, многохвалимый, многобранимый корифей новейшей французской литературы, описал свое путешествие по некоторым частям Германии и издал его <...> под многозначительным заглавием «Рейн», —

извещал читателей «Сын отечества»³¹. Сразу же после выхода «Рейна» влиятельный английский журнал *The Foreign Quarterly Review* посвятил ему тридцатистраничную статью, в которой было почти полностью переведено заключение второго тома. Фраза «Поскребите русского...» там дана по-английски («Scratch the Russian and you will find the Tartar»)³², с чего, как можно предположить, и началось проникновение афоризма в английский язык. Если интернет-поисковики не находят ни одного примера на «Scratch the Russian...» до журнальной рецензии на «Рейн», то после 1842 года число таких примеров возрастает в геометрической прогрессии. О популярности выражения свидетельствует тот факт, что в 1869 году

---

²⁹ См. о нем: Мильчина В.А. «Послесловие к „Рейну“» Виктора Гюго: националистическая риторика как форма компенсации утраченного величия // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре. М., 2005. С. 224–253.

³⁰ Hugo V. *Le Rhin: Lettres à un ami*. Paris, 1842. Т. II. P. 279.

³¹ Сын отечества. 1842. Ч. I. № 2. Отд. VII (Смесь). С. 11.

³² *The Foreign Quarterly Review*. 1842. Т. XXIX. № LVII. P. 159.

англо-ирландский писатель и критик Перси Фицджеральд (Percy Hetherington Fitzgerald, 1834–1925) публикует под названием «Scratch the Russian and You Find the Tartar» маленькую комедию, в которой нет ни русских, ни татар: героине пьесы удается «поскрести» одного из ухажеров и обнаружить под оболочкой лощеного джентльмена лицемера и обманщика³³. Безотносительно русского контекста афоризм обыгрывался и в комедии Генри Джеймса «Распутник» («The Reprobate», 1895). Ее герой Пол ведет добродетельную жизнь, но в прошлом, как думают почти все остальные персонажи, совершал неблагоприятные поступки под именем Дадли, и один из его недоброжелателей говорит о нем: «Поскребите русского и найдете татарина — поскребите Пола и найдете Дадли»³⁴.

Эти и многие другие примеры переосмысления и перифразирования афоризма показывают, что его живучесть объясняется не только точным попаданием в незалеченное болезненное место русской идентичности, но и продуктивностью конструкции. По сути дела, на место «русского» и «татарина» можно подставить любую пару окказиональных антонимов, чтобы получить новое бонмо. Так, у того же Гюго в записных книжках встречаются такие сентенции: «Поскребите настоящее, найдете прошлое. Поскребите XIX век, найдете Средние века»³⁵ или «Поскребите судью, найдете палача»³⁶. Только французская электронная библиотека Gallica показывает сотни подобных острот на все случаи жизни. Так что в 2035 году мы можем торжественно отметить двухсотлетний юбилей общеизвестного афоризма неизвестного французского острофолова.

---

³³ Fitzgerald P.H. Proverbs and Comediettas, Written for Private Representation. London, 1869. P. 33–59.

³⁴ James H. Theatricals: Second Series. The Album, the Reprobate. London, 1895. P. 326.

³⁵ Hugo V. L'Homme qui rit. Paris, 1907. P. 554.

³⁶ Hugo V. Œuvres complètes. Philosophie / Publiée par P. Meurice. Paris, 1934. T. I. P. 233.

«ТОСКА ПО ЧУЖБИНЕ»

Как свидетельствуют социологи, в последнее время образованные слои русского общества охватило чувство, которое издавна описывается удачной формулой «тоска по чужбине»¹. У этого острого и хорошо понятного чувства — богатая история. В.О. Ключевский обнаружил его еще в начале XVII века у князя Ивана Хворостинина (ум. 1625). В рукописях и разговорах, замечает историк, «первый русский западник» выражал «скуку и тоску по чужбине, презрение к доморощенным порядкам», говоря: «В Москве людей нет, все народ глупый, жить не с кем, сеют землю рожью, а живут все ложью»².

Что же касается самой формулы «тоска по чужбине», то ее появление датируется первой половиной XIX века. Можно предположить, что она возникает как исправление и переосмысление не самого удачного места из «Горя от ума», где Чацкий в монологе о французике из Бордо обличает дух «пустого, рабского, слепого подражания» Западу и восклицает:

Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою возжою,
От жалкой тошноты по стороне чужой³.

«Тошнота по» здесь — это неправильное словоупотребление, паронимическое замещение подразумеваемой «тоски», мотивированное потребностями ямбической схемы и негативным отношением автора к названному чувству. В отрыве же от ямбической инерции

---

¹ Вариант «тоска по загранице» несколько раз встречается у вполне утолившего эту тоску Владимира Печерина. См. в его письме П.В. Долгорукову от 7 сентября 1863 года: «Тоска по загранице охватила мою душу с самого детства. „На Запад! На Запад!“ — кричал мне таинственный голос, и на Запад я пошел, во что бы то ни стало» (цит. по: Гершензон М. История молодой России. М., 1908. С. 155). Рассказывая в своих автобиографических записках о том, как в середине 1830-х годов он мучился в России, «где невозможно было ни говорить, ни писать, ни мыслить», Печерин вспоминает: «Одна московская дама, с обыкновенною женскою проницательностью, заметила обо мне: „Il a le mal du pays“ [«У него тоска по родине»], что тогда значило „У него тоска по загранице“» (Печерин В.С. Оправдание моей жизни: Памятные записки // Наше наследие. 1989. № 1–3. С. 73).

² Ключевский В. Западное влияние в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 1 (36). Январь–февраль. С. 146; Ключевский В. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1988. Т. III: Курс русской истории. Ч. III. С. 227.

³ III, 22; Грибоедов А.С. Сочинения. М.; Л., 1959. С. 82.

и патриотического пафоса «тошнота по стороне чужой» легко превращается в «тоску по чужбине», антоним «тоски по родине», и лишается пейоративной окраски. Самый ранний из известных нам примеров обнаруживается у П.А. Вяземского, писавшего 12 ноября 1827 года из Москвы в Париж А.И. Тургеневу: «Здесь Шимановска, и альбом ее, исписанный руками Benjamin Constant, Humboldt, Томаса Мура, Гете, — пуще прежнего растравил тоску мою по чужбине. Я — европейское растение: мне в Азии смертельно. В Азии и лучше меня живут — не спорю, да я жить не могу: черви меня заедают»⁴. В николаевской России тоскует по Европе не только западник Вяземский, но и славянофил Хомяков, признававшийся в 1840 году Н.М. Языкову: «Тебя тоска берет по России, а жену мою и меня берет тоска по чужбине»⁵. О хождении формулы на протяжении многих десятилетий свидетельствует ее использование в беллетристике конца XIX века — например, у В.Е. Новосильцевой в историческом романе «Предания Золотого Клада» или у А. Лугового (Тихонова) в романе «Грани жизни»⁶.

Тем не менее современные словари цитат и афоризмов приписывают авторство формулы Ф.И. Тютчеву⁷, ссылаясь на сообщение И.С. Гагарина в письме к А.Н. Бахметьевой от 28 октября (9 ноября) 1874 года⁸. Согласно Гагарину, Тютчев часто повторял свою франко-немецкую остроту: «*Je n'ai pas le Heimweh, mais le Herausweh*», которую ее первый публикатор Г.И. Чулков в 1922 году перевел как «У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине»⁹. В немецком языке слова *Herausweh* не существует; Тютчев образовал его по аналогии с *Heimweh* (тоска по родине, ностальгия); и значит оно буквально «тоска по отъезду/выезду [за границу]». Чулков в переводе просто воспользовался готовой формулой, к которой Тютчев на самом деле не причастен.

Где же Чулков подхватил «прекрасное выражение»?

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. III: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым, 1824–1836. С. 166. С.Н. Дурылин полагал, что «прекрасное выражение тоска по чужбине» принадлежит Вяземскому. Это весьма вероятно, но, увы, недоказуемо (Дурылин С. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6: Гете. С. 294).

⁵ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. 8: Письма. С. 97.

⁶ Толычева [Новосильцева В.Е.]. Предания Золотого Клада // Русский вестник. 1880. Т. 147. № 5. С. 590; Луговой А. Сочинения. СПб., 1894. Т. 2. С. 71.

⁷ См.: Душенко К. Цитаты из всемирной литературы: 2700 цитат от Гомера до наших дней. М., 2007. С. 505; Душенко К. Большая книга афоризмов. М., 2009. С. 707.

⁸ Полный русский перевод франкоязычного письма с комментариями А.Л. Осповата см.: Литературное наследство. М., 1989. Т. 97: Ф.И. Тютчев. Кн. II. С. 48.

⁹ Тютчевiana: Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922. С. 21.

В принципе ему могли быть известны все приведенные выше примеры, но более вероятно, что оно пришло к нему из литературной критики начала XX века. Прежде всего следует обратить внимание на имевшую успех статью М.А. Цявловского «Тоска по чужбине у Пушкина»¹⁰, которую Чулков, интересовавшийся тогда Пушкиным, вряд ли пропустил¹¹. Н.Я. Эйдельман был уверен, что Цявловский, в свою очередь, заимствовал этот «смелый образ» у придумавшего его Вяземского¹². Однако в 1900–1910-е годы ни Цявловскому, ни Чулкову, ни другим любителям русской литературы было отнюдь не обязательно штудировать архивные документы, чтобы узнать выражение «тоска по чужбине», ибо оно то и дело мелькало в критических статьях и эссе всемирно известного Ю.И. Айхенвальда, который и пустил его в широкий обиход. Так, во вступлении к «Силуэтам русских писателей» Айхенвальд заявил, что тоска по родине и тоска по чужбине — это два психологических начала, постоянно борющиеся в русской литературе и известные также под другими именами («центростремительная и центробежная сила, статика и динамика, оседлость и скитальчество, патриотизм и космополитизм»). Стремление к синтезу этих двух начал он находит у молодого Карамзина, который «отправился путешествовать с недоедаемой тоской по чужбине, но там, в чужих краях, помнил о своей родине», у героя «Горя от ума», чья «благородная тоска по чужбине ничего общего не имеет с им же осуждаемой жалкой тошнотой по стороне чужой», и, конечно же, у Пушкина: «Известно, какая великая была у него тоска по чужбине, глубокая жажда дали. <...> Однако, если бы цепкая власть жизни не держала его прикованным „к петербургской скале“, если бы удалось ему оказаться среди полуденных зыбей, под небом Африки его, то он вздыхал бы там о сумрачной России, т.е. на желанной чужбине с особою силой пробудилась бы в нем тоска по родине»¹³. Согласно Айхенвальду, проблема «оседлости и бродяжничества, тоски по родине и тоски по чужбине <...> всегда занимала Пушкина» и определяла характер двух пушкинских героев-скитальцев, по чужбине тоскующих, — Алеко и Тазита¹⁴.

Настойчиво внедряя формулу в русский критический дискурс, Айхенвальд многократно указывал, что она восходит к Иммануилу

¹⁰ Голос минувшего. 1916. № 1. С. 35–60; статья перепечатана в кн.: *Цявловский М.А. Статьи о Пушкине*. М., 1962. С. 131–156 (редакция Т.Г. Цявловской).

¹¹ Одновременно с «Тютчевяной» Чулков выпустил книгу «Арион: Статьи о Пушкине» (М., 1922).

¹² *Эйдельман Н.Я.* «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой четверти XIX в.: Кавказский контекст). М., 1990. С. 173.

¹³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 30, 31, 34; курсив автора.

¹⁴ Айхенвальд Ю. Пушкин. М., 1908. С. 39, 40, 48.

Канту. «Глубокую правду сказал Кант, что кроме тоски по родине у нас есть еще и другой недуг — тоска по чужбине, — заявляет он в ранней статье о поэзии А.К. Толстого. — Это счастливая болезнь; именно в ней коренится источник нашей духовной подвижности»¹⁵. О том, что выражение «тоска по чужбине» принадлежит Канту, Айхенвальд по крайней мере дважды писал и в «Силуэтах русских писателей»¹⁶. Эти ссылки недавно ввели в заблуждение вельможного борца с фальсификациями истории, академика Чубарьяна. Он решил, что именно Кант (ум. 1804), а не Айхенвальд, назвал столкновение западных и славянофильских тенденций в русской культуре XIX века «борьбой двух начал в русской общественной мысли — „тоски по чужбине“ и „тоски по родине“»¹⁷. На самом деле Айхенвальд имел в виду высказывание Канта из его посмертно опубликованных заметок к курсу антропологии («Reflexionen zur Anthropologie»), которое к России, конечно же, не имело ни малейшего отношения:

Die Kritik der reinen Vernunft ist ein Präservativ für eine Krankheit der Vernunft, welche ihren Keim in unserer Natur hat. Sie ist das Gegenteil von der Neigung, die uns an unser Vaterland fesselt (Heimweh). Eine Sehnsucht, uns ausser unserm Kreise zu verlieren und andere Welten zu beziehen [Критика чистого разума предохраняет от недуга, зародыш которого лежит в нашей натуре. Он являет собой противоположность чувству, которое приковывает нас к отчизне (тоска по родине). Это некое желание вырваться из собственного круга и связать себя с иными мирами]¹⁸.

Кант, в отличие от Тютчева, не попытался придумать новое слово, антоним *Heimweh*, и Айхенвальд, на которого мысль Канта явно произвела сильное впечатление, сделал это за него по-русски. Он мог позаимствовать выражение «тоска по чужбине» из письма Вяземского А.И. Тургеневу, из статьи Ключевского или откуда-то еще, а мог и сам его придумать, но факт остается фактом: именно Ю.И. Айхенвальду мы обязаны широким распространением этой формулы в русской культуре XX века.

¹⁵ Айхенвальд Ю. Несколько слов о поэзии гр. А.К. Толстого // Вестник воспитания. 1901. Т. XII. № 1. С. 35. Ср. также в его обзоре новинок литературы в связи с Леонидом Андреевым: Русская мысль. 1903. Кн. 2. С. 218.

¹⁶ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. С. 30, 53.

¹⁷ Чубарьян А.О. Российский европеизм. М., 2005. С. 202–203.

¹⁸ Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie: Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen herausgegeben von Benno Erdmann. Leipzig, 1882. Bd.I. Heft I.S. 59.

Умная женщина подобна Семирамиде.

— Козьма Прутков

За последние два века Екатерину II называли «северной Семирамидой» или «Семирамидой Севера», наверное, тысячи раз. Никто, кажется, до сих пор не усомнился в том, что это шаблонный комплиментарный титул екатерининского времени, который, как пишет В.Ю. Прокураина в книге «Мифы империи», легко поддается расшифровке и не нуждается в дополнительных разъяснениях¹. Его автором неизменно называют изобретательного льстеца Вольтера, хотя конкретный источник нигде не указывается². На мой взгляд, эти общепринятые представления нуждаются в некоторых уточнениях.

Во-первых, следует иметь в виду, что сам титул «северная Семирамида» возник задолго до екатерининского царствования. В Скандинавии так издавна называли прославленную королеву Дании, Норвегии и Швеции Маргарету (1353–1412), о чем упоминает Вольтер в «Истории Карла XII» (1727) и в «Эссе о нравах» (1741). В годы царствования Екатерины I (которую еще Феофан Прокопович сравнивал с Семирамидой) Фонтенель, воздавая ей хвалу, писал: «У датчан была королева, которую прозвали Семирамидой Севера; русским нужно найти какое-нибудь столь же славное прозвище для своей императрицы»³. В 1742 году Вольтер в полемическом письме к шведскому историку Нордбергу, автору новой «Истории Карла XII», демонстративно назвал северной Семирамидой не Маргарету, а Елизавету Петровну, тем самым подчеркнув, что былая слава Швеции перешла к России: «Livoniens <...> respirent aujourd'hui sous la douce autorité de l'illustre Sémiramis du Nord» («Ливонцы <...> сегодня вздохнули свободно под мягкой властью прославленной Семирамиды Севера»; письмо было опубликовано отдельной брошюрой, а также включалось в собрания сочинений Вольтера, вы-

¹ См.: Прокураина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 59.

² См., например: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. <...> Сборник образных слов и иносказаний. М., 1994. Т. II. С. 353.

³ Œuvres de Monsieur de Fontenelle. Londres, 1785. Vol. 3. P. 230.

ходившие в XVIII веке)⁴. Наконец, три года спустя он обращается к самой Елизавете Петровне со стихотворным посланием, где снова именует ее северной Семирамидой. Его «À l'impératrice de Russie, Élisabeth Pétrouna, en lui envoyant un exemplaire de *La Henriade*, qu'elle avait demandé à l'auteur» («Императрице России Елизавете Петровне по случаю посылки ей экземпляра „Генриады“, запрошенного ею у автора», 1745) начиналось со следующей комплиментарной апострофы: «Sémiramis du Nord, auguste impératrice, / Et digne fille de Ninus» («Семирамида Севера, августейшая Императрица, / И достойная дочь Нина»)⁵.

Обратим внимание, что, выстраивая двучленную аллегорическую формулу, Вольтер превращает Семирамиду в дочь первого ассирийского царя Нина, основателя носящей его имя Ниневии, которого он тем самым изящно отождествляет с Петром Великим. Античные предания о царе Нине и Семирамиде, однако, представляют их не отцом и дочерью, а мужем и женой, причем по одной из легенд Семирамида отобрала власть у Нина и предала его смерти. Вот как, например, излагает этот сюжет Клавдий Элиан в «Пестрых рассказах»:

[Семирамида] была красивейшей из женщин, хотя и мало заботилась о своей наружности. Молва об ее красоте достигла ушей ассирийского царя, и он призвал Семирамиду ко двору, а увидев, влюбился. Тогда Семирамида попросила дать ей царские одежды и разрешить пять дней править Азией, чтобы все делалось, как она повелит. Просьба не встретила отказа. Когда царь посадил Семирамиду на трон и она почувствовала, что все в ее руках и ее власти, она приказала дворцовой страже умертвить царя. Так Семирамида завладела ассирийским царством⁶.

Легенда о свержении и убийстве царя Нина, безусловно, была Вольтеру отлично известна, ибо он положил ее в основу своей трагедии «Семирамида» (1748). Главная героиня пьесы, недовольная тем, как ее муж Нин обращается с ней и правит империей, велит своему фавориту Ассуру отравить его. После этого она пятнадцать лет со славой царствует в Вавилоне, пока ее не начинают мучить угрызения совести. Чтобы искупить вину, она решает избавиться

⁴ The Complete Works of Voltaire = Les œuvres complètes de Voltaire / Ed. by Th. Besterman. Genève, 1970. Vol. XCII. P. 193, D2609.

⁵ Œuvres complètes de Voltaire / Nouvelle édition. Paris, 1817. T. 7. P. 618.

⁶ Элиан. Пестрые рассказы / Пер. с древнегреч., ст., примеч. и указ. С. В. Поляковой. М.; Л., 1963. С. 58.

от Ассура и с одобрения являющегося ей призрака Нина выходит замуж за прекрасного молодого полководца Арзаса. Тут же выясняется, что Арзас — это на самом деле ее сын Ниниас, считавшийся погибшим. В последующей суматохе Арзас-Ниниас случайно закалывает свою мать, которая перед смертью прощает его и благословляет на царство.

К своей героине Вольтер относится не без сочувствия и устами одного из персонажей, приближенного Семирамиды Отана, оправдывает совершенное ею преступление той пользой, которую ее просвещенное правление принесло стране:

Perdez-en pour jamais l'importune mémoire;
Que de Sémiramis les beaux jours plein de gloire
Effacent ce moment heureux ou malheureux
Qui d'un fatal hymen brisa le joug affreux.

Ninus, en vous chassant de son lit et du trône,
En vous perdant, madame, eût perdu Babylone.
Pour le bien des mortels vous prévintes ses coups;
Babylon et la terre avaient besoin de vous:

Et quinze ans de vertus et de travaux utiles,
Les arides déserts par vous rendu fertiles,
Les sauvages humains soumis au frein des lois,
Les arts dans nos cités naissant à votre voix,

Ces hardis monuments que l'univers admire,
Les acclamations de ce puissant empire,
Sont autant de témoins dont le cri Glorieux
A déposé pour vous au tribunal des dieux...

[Гоните навсегда это докучливое воспоминание; / Пусть дни Семирамиды, исполненные славой, / Сотрут ту минуту, счастливую или несчастную, / Когда было сброшено ужасное ярмо губительного супружества. / Нин, изгнав вас со своего ложа и с трона, / И потеряв вас, мадам, потерял бы Вавилон. / На благо смертных вы предупредили его заговор; / Вавилон и весь мир нуждались в вас. / Пятнадцать лет добродетельной жизни и полезных трудов, / Бесплодные пустыни, обращенные вами в плодородные земли, / Дикари, подчиненные узде закона, / Искусства и ремесла, расцветшие в наших городах, повинуются вашему голосу, / Смелые памятники, которым дивится вселенная, / Всеобщее восхи-

щение нашей могущественной империей, — / Все это свидетели, чьи славословия / Склонят в вашу пользу суд богов...]⁷

Однако в конце концов боги все-таки наказывают Семирамиду, и трагедия завершается сентенцией, обличающей деспотию:

Par ce terrible exemple, apprenez tous, de moins,
Que les crimes secrets ont les dieux pour témoins.
Plus le coupable est grand, plus grand est le supplice.
Rois, tremblez sur le trône, et craignez leur justice.

[На этом ужасном примере, поймите все, по крайней мере, / Что у тайных преступлений есть свидетели — боги. / Чем могущественнее виновный, тем мучительнее наказание. / Цари, трепещите на троне и бойтесь божьего суда.]⁸

Уподобляя незамужнюю Елизавету сказочной Семирамиде, Вольтер мог не опасаться нежелательных ассоциаций, тем более что его трагедия, акцентировавшая мотивы узурпации власти и царе/мужеубийства в легенде, тогда еще не была написана. С Екатериной же дело обстояло совершенно иначе, ибо обстоятельства ее прихода к власти были очень похожи на сюжет вольтеровской трагедии. От самого Вольтера это сходство, естественно, не ускользнуло.

Получив известие о смерти Петра III, 13 августа 1762 года он пишет маркизу де Шовлену: «Говорят, что ужасная колика избавила Петра от маленькой неприятности, а именно от потери империи в две тысячи лье. Вашей Семирамиде для полного сходства не хватает только Ниниаса»⁹. На собственную трагедию Вольтер явно намекает и в частном письме к графине Бентинк от 10 сентября 1762 года, где он опровергает слухи о сражениях в Петербурге и, кажется, в первый раз называет Екатерину северной Семирамидой:

Vous m'avez envoyé une relation un peu romanesque de Petersburg; l'auteur ressemble un peu à don Quichotte qui voyait des chevaliers où il n'y avait

⁷ The Complete Works of Voltaire. Oxford, 2003. Vol. XXXa. P. 183.

⁸ Ibid. P. 254. Замечу кстати, что вольтеровскую формулу «Цари, трепещите на троне» было бы не лишним учитывать среди источников знаменитой строки Пушкина «Тираны мира! трепещите!» из оды «Вольность», которую обычно возводят к «Марсельезе» или к Андре Шенье.

⁹ Ibid. Banbury, 1973. Vol. CIX. P. 163, D10648. Во всех предыдущих публикациях этого письма его адресатом считался И.И. Шувалов.

que des moulins à vent. Il parle d'un combat livré par la Sémiramis du nord, livré à son cher mari; et ce combat ne s'est donné que dans l'imagination du nouvelliste. Nous sommes un peu mieux informés dans notre petit coin du monde... [Вы мне прислали сообщение из Петербурга, немного похожее на роман; его автор немного напоминает Дон Кихота, который видел рыцарей, хотя это были только ветряные мельницы. Он говорит о каком-то сражении, которое северная Семирамида дала своему милому мужу; и это сражение произошло только в воображении романиста. Мы в нашем крохотном уголке мира информированы немного лучше...]¹⁰

В более позднем письме к Этьену Дамилавиллю (22 декабря 1766 года) Вольтер прямо называет Петра III Нином, а его вдову Екатерину — второй Семирамидой («l'autre Sémiramis»): «Le Ninus n'était qu'un vilain ivrogne; j'admire sa veuve, je l'aime à la folie» («Нин был просто мерзкий пьяница; его вдова восхищает меня, я люблю ее до безумия»)¹¹. Когда два года спустя во Франции получила хождение записка де Рюльера, секретаря французского посольства в Петербурге, который обвинил Екатерину в причастности к убийству Петра, Вольтер, защищая ее, цитировал в письме к герцогу де Шуазёлю оправдывающий героиню монолог Отана из своей «Семирамиды», упомянув, однако, и о том, что Екатерина не разрешила играть трагедию в Москве¹².

Похожую линию защиты «новой Семирамиды» Вольтер выстроил в переписке с мадам дю Деффан, которой не нравилось его увлечение Екатериной II.

Есть одна женщина, которая творит великое добро, — писал он в письме от 18 мая 1767 года, — это Семирамида Севера, которая послала пятнадцать тысяч солдат в Польшу, чтобы установить там веротерпимость и свободу совести. <...> Я хорошо знаю, что ее упрекают в каких-то пустяках, связанных с мужем; но это дело семейное, и потому я в него не вмешиваюсь; кроме того, неплохо, что у нее имеется некий грешок, который следует загладить: ей потребуются большие усилия, чтобы вызвать у людей одобрение и восхищение, и конечно же ее мерзавец-муж никогда б не совершил ничего из тех великих дел, которые все время совершает моя Екатерина¹³.

¹⁰ Ibid. P. 212, D10699. Впервые письмо было опубликовано только в 1896 году.

¹¹ Ibid. Banbury, 1974. Vol. CXV. P. 167, D13758.

¹² Ibid. Banbury, 1974. Vol. CXVII. P. 244, D14906.

¹³ Ibid. Oxford, 1974. Vol. CXVI. P. 118, D14187. Мадам дю Деффан послала процитированную выдержку из письма своим постоянным корреспондентам, герцоги-

В ответных письмах мадам дю Деффан тоже обыгрывала параллели между сюжетом «Семирамиды» и захватом трона Екатериной II, называя, например, наследного принца Павла Ниниасом¹⁴, но при этом давала Вольтеру понять, что Екатерина в нравственном отношении уступает героине трагедии. «Смотрите на нее только через телескоп вашего воображения, — убеждала она Вольтера не ехать в Россию, — сделайте из ее истории хороший роман, представьте ее столь же интересной, как Семирамида вашей трагедии, но всегда сохраняйте между вами дистанцию в пространстве, вместо дистанции во времени»¹⁵. «Эта царица — героиня газет; ее успехи блестящи, она безусловно обладает большой смелостью и ничто не может отвлечь ее от выполнения того, что она задумала, — писала она уже в 1770 году о Екатерине, — но смиритесь с тем, что я отдаю предпочтение другой, вашей Семирамиде, чьи угрызения совести заставили меня ее полюбить, ее жалеть и забыть ее прегрешения»¹⁶.

Вольтер, безусловно, отдавал себе отчет в том, что Екатерине, читавшей и запретившей его «Семирамиду», всякое сравнение с героиней трагедии может быть неприятно, и потому никогда не употреблял двусмысленный титул «северная Семирамида» ни в письмах к императрице, ни в своих панегириках ей, а в стихах именовал ее «северной Минервой» или, на худой конец, новой царицей амазонок Фалестрис¹⁷. Более того, в 1770-е годы, когда его восторги по поводу Екатерины заметно поостыли, он и его друзья между собой называли ее Семирамидой только иронически, часто вместе с новым насмешливым прозвищем «Catau» (от *Catherine*) — что-то вроде «Катька» с несколько уничижительным оттенком. Так, д'Аламбер, возмущенный арестом французских офицеров в Польше и лживым ответом Екатерины на его просьбу их освободить, пишет Вольтеру 12 февраля 1774 года: «Que dites Vous de Sémiramis Catau? <...> Cette Sémiramis m'avoit mandé que les Prisonniers françois fait à Cracovie étoient très bien traités. Me de Choisy, un de ces prisonniers, qui est ici, assure qu'ils ont été traités indignement. Vous devriez

---

не Шуазель и Хорасу Уолполу. Цинизм Вольтера, назвавшего убийство законного государя и мужа пустяками, до крайности возмутил обоих. См. их ответные письма: *Correspondance complète de Mme du Deffand avec la Duchesse de Choiseul, l'abbé Barthelemy et M. Craufurt publiée avec une introduction par M. de Mre de Sainte-Aulaire*. Paris, 1877. Т. I. P. 110–120; *Horace Walpole's Correspondence with Madame du Deffand and Wiart / Ed. by W.S. Lewis, W.H. Smith*. New Haven, 1939. Vol. I. P. 299–300.

¹⁴ *The Complete Works of Voltaire*. Vol. CXVI. P. 129, D14201.

¹⁵ *Ibid.* Oxford, 1974. Vol. CXVII. P. 214–215, D14873.

¹⁶ *Ibid.* Oxford, 1975. Vol. CXXI. P. 18, D16687.

¹⁷ См.: *Œuvres complètes de Voltaire / Nouvelle édition*. Т. 7. P. 469–470, 555, 552–553.

bien écrire à cette grande Princesse que Sémiramis est bien mal obéie, & Catau bien mal instruite» («Что Вы скажете о Семирамиде-Като? Эта Семирамида известила меня, что с французскими пленными в Кракове обращались очень хорошо. Господин де Шуази, один из этих пленников, который сейчас здесь, уверяет меня, что с ними обращались безобразно. Вы должны немедленно написать этой великой принцессе, что Семирамиду очень плохо слушаются, а Като очень плохо осведомляют») ¹⁸.

Похоже, что двусмысленность отождествления Екатерины с Семирамидой осознавали и русские писатели-современники, весьма чуткие к коннотациям аллегорических параллелей и, должно быть, знавшие вольтеровскую трагедию. Во всяком случае, в русской литературе екатерининской эпохи мне встретился лишь один случай употребления титула «северная Семирамида» — в «Слове на день Восшествия на престол ее Величества, Государыни Императрицы Екатерины II» А.П. Сумарокова, написанном в 1771 году, во время русско-турецкой войны. Обращаясь к Греции, которую Екатерина хотела освободить от турецкого владычества, Сумароков писал:

О Греция, Греция, что ты прежде была, и что ты ныне стала!
Возри на флаг Российский, виждь имя Екатерины: сей флаг есть праведного твоего отмщения знамение: сие имя есть единственная твоя надежда. Ободри утомленные свои члены, укрепи от ига и работы ослабшие свои силы и вознеси главу твою! припади к стопам северныя Семирамиды! Омывай слезами ноги Ея!¹⁹

Еще раньше, в 1769 году, Сумароков использовал аллегорическое уподобление Екатерины Семирамиде (без «северного» эпитета) в двух военных одах, где речь тоже шла о наступлении России на территории, подвластные Турции, о расширении империи:

Преклонят пред тобой колена
Страны, где сад небесный был,
И игом утесненный плена
Восплещет радостью Нил:
А весть быстрее Аквилона

---

¹⁸ The Complete Works of Voltaire. Oxford, 1975. Vol. CXXIV. P. 318–319, D18811.

¹⁹ Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного <...> Александра Петровича Сумарокова / Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым <...> Издание второе. М., 1787. Ч. II. С. 287–288.

До стен досяжет Вавилона,
Подвигнет волны Инда страх:
Мы именем Семирамиды
Рассыплем пышны пирамиды:
Каир развеем яко прах.
(«Ода XXII. Государыне Императрице
Екатерине Второй, на взятие
Хотина и покорение Молдавии»)²⁰

Российский гром на юге грянет
Рассыплет ужас на берегах:
И роза в тернии увянет
В Евфратских, Тигровых лугах.
От Росския Семирамиды
Падут над Нилом пирамиды,
И возвратится Иордан:
Везде Срацинам будет горе,
Восстонет Средиземно море
И возмутится океан.
(«Ода XXIII. Государыне Императрице
Екатерине Второй, на день Тезоименинства
Ея Ноября 24 дня 1769 года»)²¹

По всей вероятности, Сумароков отталкивался от каких-то ранних французских славословий Екатерине — например, в «Послании господину Дидро» («L'Épître à M. Diderot», 1765) Пьера Лежье (Pierre Légier, 1734–1791), где автор без всякой задней мысли поздравлял своего адресата с тем, что «Семирамида Севера только что наклонила к нему свой рог изобилия» («...la Sémiramis du Nord / Vient d'incliner sur toi la corne d'abondance»)²². Как заметил Шарль Массон в «Тайных записках о России», всегда находились наивные почитатели Екатерины, не способные понять, что она лишь играет перед ними роль великой и мудрой царицы, умело скрывая свою истинную сущность: «Celui qui la voyait alors pour la première fois, ne la trouvais point au-dessus de l'idée qu'il s'en étoit faite, et disoit: C'est bien elle, c'est bien la Sémiramis du nord!» («Те, кто видел ее в первый раз, не находили

²⁰ Там же. С. 94–95

²¹ Там же. С. 98–99.

²² Mercure de France. 1765. Juillet. P. 45. О других публикациях послания и его восприятии см.: Vercauysse J. Petit Suite sur Diderot: La Beaumelle — Dorat — Légier // Diderot Studies. 1966. Vol. 8. P. 258–263.

ничего скрытого под тем образом, который был создан ранее, и говорили: „Да, это точно она; это точно Семирамида Севера!“»²³.

Однако во многих случаях аллегорический титул «северная Семирамида» по отношению к Екатерине использовался во французской публицистике иронически или двусмысленно, в контекстах, для нее обидных и оскорбительных. Например, рассказывая о визите в Париж в 1775 году графа Григория Орлова, ее недавно отставленного фаворита, современник не без сарказма писал: «...этого русского, вначале простого лейтенанта гвардии Петра III, два года назад сделали бы королем Македонии, если бы важные государственные мужи не подняли такой громкий крик, что напугали Семирамиду Севера»²⁴. В рецензии на детскую повесть Екатерины «Царевич Хлор» анонимный критик издевался над льстивым предисловием, в котором автора называли «самой августейшей бабушкой нашей планеты». Уж лучше б тогда повторили «Семирамида Севера» или «Царица-философ» — советовал он²⁵. Когда в 1792 году до Европы дошли известия о серьезной болезни Екатерины, один французский еженедельник сообщал: «Знаменитая Семирамида Севера, возможно, готова отдать душу всем чертям»²⁶.

Прямая или имплицитная связь титула с трагедией Вольтера и его героиней, как кажется, продолжала ощущаться в Европе по крайней мере до начала XIX века. Об этом свидетельствует, в частности, любопытная анонимная брошюра «L'Ombre de Catherine II aux Champs Elysées» (букв. «Тень Екатерины II на Елисейских Полях»; сокращенный рус. пер. — 1807), вышедшая в 1797 году неизвестно где (на титульном листе местом выхода книги названа «Kamschatca»). В основном это панегирик Екатерине, но панегирик, спроецированный на «Семирамиду». Эпиграфом книги служит тот самый монолог Отана из трагедии, оправдывающий убийство Нина, который процитирован выше. Он отзывается в первом же разговоре тени Екатерины с Хароном, который напоминает ей о легендарных правителях, когда-то совершивших преступление, но впоследствии искупивших свою вину добрыми делами на троне: «C'est à Auguste que j'ai passé les proscriptions d'Octave, et si j'ai pardonné à Sémiramis la mort de

²³ Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. <...> Amsterdam, 1800. P. 86.

²⁴ Correspondance secrete, politique et littéraire, ou Mémoires pour servir à l'histoire des Cours, des sociétés et de la Littérature en France, depuis la mort de Louis XV. Londres, 1787. T. II. P. 72.

²⁵ Journal des Gens du Monde. 1782. Vol. 1. № 1. P. 52.

²⁶ La Semaine politique et littéraire. 1792. Mars. № 14–19. P. 47.

Ninus, c'est qu'elle l'avoit effacée par quarante ans consécutifs de gloire» («Августу прощаются проскрипции Октавиана, и если я простил Семирамиде убийство Нина, то лишь потому, что она перечеркнула его сорока годами славы») ²⁷. Ответ Екатерины выдает ее желание быть причисленной к тому же сонму прощенных царственных преступников: «Quand on a porté aussi long-temps une couronne, on a bien des droits à ton indulgence: eh! qui n'a pas expié ses fauts sous la charge d'un pareil fardeau?» («Те, кто столь долго носит корону, имеют право на твою снисходительность; ах! Кто только не искупил свои грехи под тяжестью подобного бремени?») ²⁸. О достижениях, которые приравнивают ее к легендарной Семирамиде и, следовательно, искупают преступления, Екатерина рассказывает Петру I. Не называя себя северной Семирамидой, она намекает на то, что заслужила этот титул, когда говорит: «...j'ai <...> formé dans les appartements de mon palais des jardins, moins grands peut-être, mais bien autrement délicieux que les terrasses si vantées, élevées par cette Sémiramis, que quelques adulateurs ont souvent nommée devant moi, la Catherine de l'Asie» («...я устроила в апартаментах моего дворца сады, возможно, поменьше размером, но в остальном столь же прелестные, как и прославленные террасы, возведенные Семирамидой, которую некоторые льстецы передо мной часто называли Екатериной Азии») ²⁹. Наконец, в разговоре с Людовиком XVI она оправдывает свержение законного государя Петра III (в русском переводе эта часть диалога купирована) и, не упоминая его убийства, все-таки признает, что потомки могут не одобрить некоторые из мотивов, которыми она руководствовалась («...la postérité <...> peut-être n'approuvera-t-elle pas également tous les motifs qui m'y ont déterminée») ³⁰.

По-видимому, очевидные ассоциации с трагедией Вольтера и ее нравственной проблематикой ограничили использование титула «северная Семирамида» в русской литературе конца XVIII — на-

²⁷ L'Ombre de Catherine II aux Champs Élysées. Kamschatca, 1797. P. 10. Ср. рус. пер.: «Но иногда однако ж самые злые преступления заглаждаются долговременными добродетелями. Таким образом Август загладил убийства Октавиевы; сорок лет беспрерывной славы и добродетелей заменили Семирамиде смерть Нинуса» (Разговоры в царстве мертвых Екатерины Великой с Императором Петром Великим, с Людовиком XVI, королем французским, и Фридрихом Великим, королем прусским / Пер. с фр. М., 1807. С. 14).

²⁸ Ibid. P. 11. Ср. рус. пер.: «Харон! Кто так долго носил тяжелое бремя короны, тот конечно достоин снисхождения» (Там же. С. 14).

²⁹ Ibid. P. 39. Ср. рус. пер.: «...я <...> завела в своих комнатах всегдашние сады, уступающие может быть в пространстве, но конечно превосходящие в великолепии и приятностях славные сады Семирамиды, которую многие называли Азиатскою Екатериною» (Там же. С. 45).

³⁰ Ibid. P. 80.

чала XIX века. После Сумарокова, кажется, только один Вяземский вспомнил о Семирамиде, когда перифрастически восхвалял красоты екатерининского Петербурга:

Чертоги Кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды!
Чья смелая рука совокупила вас?³¹

Лишь после того, как к середине XIX века аллегорическое сравнение Екатерины с Семирамидой потеряло ассоциативную связь с трагедией Вольтера, а вместе с ней и свою имплицитную двусмысленность, оно стало широко использоваться в русских исторических исследованиях, романах и очерках, где, по иронии судьбы, авторство титула «северная Семирамида» начали приписывать тому, кто лучше всех понимал его двойное дно и потому никогда не использовал публично.

---

³¹ Вяземский П.А. Стихотворения / Вступ. ст. Л.Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л., 1986. С. 119.

1. «ИНЫХ УЖ НЕТ, А ТЕ ДАЛЕЧЕ...»

«Иных уж нет, а те далече» — известнейшая пушкинская формула, существующая в трех вариантах, многократно становилась предметом обсуждения в пушкинистике¹. Впервые она появилась в эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану»:

Многие, так же как и я, посещали сей Фонтан; но иных уж нет, другие странствуют далече.

Сади

Затем, уже без ссылки на персидского поэта Саади, Пушкин переименовал ее в черновике «На холмах Грузии...»: «Где вы, бесценные создания / Иные далеко иных уж в мире нет / Со мной одни воспоминанья»². И наконец, в финале «Евгения Онегина» формула, опять с отсылкой к Саади, приобрела чеканную форму: «Но те, которым в дружной встрече / Я строфы первые читал... / Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал»³.

Многолетние поиски источника формулы привели исследователей к поэме Саади «Бустан» («Фруктовый сад», 1257). По просьбе Г.О. Винокура, редактировавшего «Бахчисарайский фонтан» для полного академического собрания сочинений Пушкина, востоковед К.И. Чайкин нашел в ней соответствующее место и дал его буквальный перевод:

Я услышал, что благородный Джемшид над некоторым источником написал на одном камне: «Над этим источником отдыхало много людей подобных нам. Ушли, как будто мигнули очами, то есть в мгновение ока»⁴.

¹ Историю вопроса и обзор литературы см.: Рак В.Д. Саади // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. С. 298–300; Проскурин О.А. [Комментарии к «Бахчисарайскому фонтану»] // Пушкин А.С. Сочинения / Комментированное издание под общей редакцией Д.М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. С. 307–309.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1948. Т. III. Кн. 2. С. 723.

³ Там же. [М.; Л.,] 1937. Т. VI. С. 190.

⁴ Бонди С.М. Из материалов редакции академического издания Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 2. С. 468.

Как заметил С.М. Бонди, «судя по тому, что „источник“ подлинника в пушкинском эпиграфе превратился в „фонтан“, с уверенностью можно полагать, что это изречение стало Пушкину известно из французского перевода, так как по-французски „la fontaine“ и значит „источник“»⁵.

Французский перевод-посредник был обнаружен Б.В. Томашевским. Им оказался не сам текст Саади (который до середины XIX века на известные Пушкину языки не переводился), а цитата из него в «Лалле Рук» Томаса Мура, цикле из трех восточных поэм, вставленных в прозаическую раму — рассказ о путешествии прекрасной кашмирской принцессы Лаллы Рук в Бухару, где она должна стать женой царя. Во время одной из остановок путешественники отдыхают у фонтана, на котором, как пишет Мур, «чья-то рука грубо начертала хорошо известные слова из „Сада“ Саади». Амадей Пишо, автор французского перевода «Лаллы Рук», который должен был читать Пушкин, передал цитату так:

Plusieurs ont vu, comme moi, cette fontaine: mais ils sont loin et leurs yeux sont fermés à jamais [Многие видели, как и я, этот фонтан; но они далеко и глаза их закрылись навсегда]⁶.

Изречение в такой форме действительно очень похоже на эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» и без всякого сомнения явилось пушкинским источником. Однако в нем отсутствует риторическое острое формулы — сопоставительная конструкция «одни мертвы / другие отсутствуют», которая не только придала формуле афористичность, но и позволила после декабря 1825 года переосмыслить ее как намек на декабристов, повешенных или отправленных «далече», на каторгу⁷. Мы могли бы думать, что Пушкин просто заострил изречение, тем более что он сам гордился «меланхолическим эпиграфом» и говорил, что ценит его выше поэмы⁸, если б не находка Юрия Иваска, который обнаружил аналогичную конструкцию в стихотворении

⁵ Там же.

⁶ Moore Th. *Lalla Roukh ou la princesse mogole, histoire orientale / Traduit de l'anglais par le traducteur des œuvres de Lord Byron*. Paris, 1820. Т. I. P. 205; *Томашевский Б.В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. I: 1813–1824. С. 506. Ср. в английском оригинале: «Many, like me, have viewed this fountain, but they are gone (они ушли / их нет), and their eyes are closed for ever!» (The Poetical Works of Thomas Moore. Paris, 1829. P. 23; см. также: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910 [= Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. IX–X]. С. 294, № 1189).

⁷ См. об этом: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя / 2-е изд. Л., 1983. С. 372.

⁸ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1949. Т. XI. С. 159; [М.; Л.,] 1937. Т. XIII. С. 70.

В.С. Филимонова «Друзьям отдаленным» (1814): «Друзей — иных уж нет, другие в отдаленье»⁹. Хотя приятельские отношения Пушкина с Филимоновым установились только во второй половине 1820-х годов, вероятность того, что Пушкин знал «Друзьям отдаленным», весьма велика¹⁰. Таким образом, у нас есть все основания считать пушкинскую формулу контаминацией изречения Саади в переложении Мура/Пишо с удачной строкой Филимонова¹¹.

Вопрос, однако, усложняется тем, что конструкция «одни мертвы / другие отсутствуют» встречается не только у Филимонова и Пушкина, но и у других авторов, античных и западноевропейских. Набоков, например, указал на вступление к поэме Байрона «Осада Коринфа», где поэт вспоминает друзей, некогда сопровождавших его в путешествии на Восток:

But some are dead, and some are gone,
And some are scatter'd and alone <...>
And some are in a far countree...

[Но некоторые мертвы, некоторые уехали, / Некоторые разбросаны и одиноки / <...> / А некоторые находятся в далекой стране]¹².

В.Е. Ветловская нашла античную параллель: фразу из письма Цицерона его другу Луцию Месцинию Руфу, написанного во время гражданской войны в Риме. Отвечая на предложение Луция о встрече, Цицерон отвечал, что и в прежние времена, когда его окружали многие честные

⁹ Вестник Европы. 1815. Т. 83. № 18. С. 88; Филимонов В. Проза и стихи. М., 1822. Ч. 2. С. 76; Иваск Ю. Философ в дурацком колпаке (Филимонов) // Опыты. 1958. № 8. С. 78; Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse / Transl. from the Russian, with a Commentary by V. Nabokov. Princeton, NJ, 1990. Vol. II: Commentary and Index. P. 245 (2-й пар.).

¹⁰ Аргументацию см. в заметке: Зубков Н.Н. О возможных источниках эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» // Временник Пушкинской комиссии 1978. Л., 1981. С. 111.

¹¹ Ср.: Рак В.Д. Указ. соч. С. 299.

¹² Byron G.G. Selected Poems / Ed. with a preface by S.J. Wolfson, P.J. Manning. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1996. P. 360; Pushkin A. Op. cit. P. 245 (2-й пар.). Как отметил О.А. Проскурин, эти строки не могли быть известны Пушкину ранее 1830 или 1831 года, так как вступление к «Осаде Коринфа» было впервые напечатано по-английски лишь в 1830 году (в приложении к жизнеописанию Байрона, составленном Томасом Муром), а в корпус поэмы включено еще два года спустя (Проскурин О.А. Указ. соч. С. 309). В первый французский перевод книги Мура, который Пушкин читал в мае-июне 1830 года (см.: Долгин А.А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 31–32, примеч. 51), текст вступления не вошел. В другом ее переводе, вышедшем в 1831 году, соответствующие стихи читались так: «Mais les uns sont morts, les autres partis. Il y en a qui sont dispersés et solitaires dans ce monde <...> Quelques-uns sont dans de lointains pays...» (Œuvres complètes de Lord Byron... / Traduction nouvelle par M. Paulin Paris. Paris, 1831. T. XI: Lettres de Lord Byron, et Mémoires sur sa vie, par Thomas Moore. P. 46).

и приятные ему люди, не было никого, с кем бы он охотнее проводил время. «Но при нынешних обстоятельствах, — продолжал он, — когда одни погибли, другие далеко, а третьи изменили своим убеждениям, я, клянусь богом верности, охотнее проведу один день с тобой, нежели все это время с большинством тех, с кем я живу по необходимости»¹³.

К сожалению, Ветловская неверно оценила значение своей находки и предприняла безуспешную попытку доказать, что формула «иных уж нет, а те далече» в «Евгении Онегине» скрывает тайную и политически опасную отсылку именно к сентенции Цицерона¹⁴. На самом деле исследовательнице удалось обнаружить не скрытый подтекст формулы, а ранний пример «воспоминательного» топоса, то есть, согласно классическому определению Эрнста Роберта Курциуса, повторяющейся «интеллектуальной темы, пригодной для развития и модификации», которая возникает в риторике, но затем, превращаясь в клише, проникает и в другие жанры¹⁵. На это указывает, в частности, употребление сходной конструкции в одном из писем Плиния-младшего, где он, вспоминая молодость и своих друзей-адвокатов, замечает: «Quidam ex iis qui tunc egerant, decesserunt; exsulant alii...» («Некоторые из тех, кто выступал в то время, мертвы; другие изгнаны»). Во французском переводе XVIII века, который мог знать Пушкин, фраза приобрела вид знакомой нам формулы: «Les uns sont morts, les autres sont bannis»¹⁶.

Неудивительно, что следы топоса, освященного именами Цицерона и Плиния-младшего, обнаруживаются во французской литературе XVII–XVIII веков. Так, побежденный римлянами Митридат, герой одноименной трагедии Расина (1673), говорит о своих соратниках: «Les uns sont morts; la fuite a sauvé tout le reste» («Одни мертвы, бегство спасло остальных»)¹⁷.

¹³ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 380; см.: Ветловская В.Е. «Иных уж нет, а те далече...» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 116–117. Ср. начало фразы в оригинале и французском переводе *en regard* 1821 года: «hoc vero tempore, quum alii interierint, alii absint, alii mutati voluntate sint...» — «mais à présent, que les uns sont morts, les autres absents, et que d'autres enfin ont changé d'inclination...» (Œuvres complètes de M. T. Cicéron, traduites en français, avec le texte en regard / Édition publiée par J.-V. Le Clerc... Paris, 1821. Т. XV. P. 438, 440, 439, 441).

¹⁴ Некоторые возражения против идей Ветловской см. в статье: Нольман М.Л. Сади или Цицерон? Об одной необоснованной замене // Творчество Пушкина и зарубежный Восток: Сборник статей. М., 1991. С. 219–228.

¹⁵ Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / Transl. by W.R. Trask. Princeton, NJ, 1990 (= Bollingen Series XXXVI). P. 70–71.

¹⁶ Lettres de Pline le Jeune traduites par M. de Sacy / Nouvelle édition, revue et corrigée par J. Pierrot. Paris, 1826. Т. I. P. 320–321; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 163, № 627 (соответствующие страницы разрезаны).

¹⁷ Œuvres complètes de J. Racine... / Quatrième édition publiée par L. Aimé-Martin. Paris, 1825. Т. III. P. 37.

Кажется, мы можем точно указать и французский текст, от которого отталкивался Филимонов в «Друзьям отдаленным». Главным источником стихотворения, судя по всему, явился пассаж в последнем абзаце травелога «Путешествие на остров Маврикий, остров Бурбон, мыс Доброй Надежды и др.» (1773) — книги известного писателя-сентименталиста Бернардина де Сен-Пьера, прославившегося впоследствии романом «Поль и Виргиния». Завершая рассказ о своем африканском путешествии, Бернардин пишет о радостях и горестях возвращения домой из дальних странствий:

Heureux qui revoit les lieux où tout fut aimé, où tout parut aimable <...>
Plus heureux qui ne vous a jamais quitté, toit paternel, asyle saint! Que de voyageurs reviennent sans trouver de retraite! De leurs amis, les uns sont morts, les autres éloignés, une famille est dispersée, des protecteurs... Mais la vie n'est qu'un petit voyage, et l'âge de l'homme un jour rapide [Счастлив тот, кто вернулся в места, где все ему было мило, где все казалось приятным <...> Счастливее тот, кто никогда не покидал тебя — отчий кров, святой приют! Сколько путешественников возвращаются, не находя пристанища! Из их друзей, одни мертвы, другие далеко, семья рассеяна, покровители... Но жизнь — это лишь короткое путешествие, а срок, нам отпущенный, — быстролетный час]¹⁸.

Стих Филимонова «Друзей — иных уж нет, другие в отдаленье», как нетрудно заметить, представляет собой почти точную кальку с «De leurs amis, les uns sont morts, les autres éloignés»; кроме того, подобно Бернардину, поэт говорит о рассеянной семье («Как все вокруг меня переменилось! / Рассеян круг родства...»), а сама тема стихотворения, написанного в Германии (его подзаголовок: «Флотбек, дача близ Альтоны, 20 мая 1814 года»), — тоска путешественника по родному краю и тем, кто ему мил, — переключается с рассуждением, завершающим «Путешествие на остров Маврикий». Сам пытавшийся в молодые годы писать сентименталистскую прозу¹⁹, Филимонов явно вдохновлялся травелогом Бернардина.

Мы не можем знать, насколько Пушкину была известна предыстория формулы, использованной Филимоновым, да это и не важно. Скрещивая ее с сентенцией Саади в транскрипции Мура/Пишо, он

¹⁸ Voyage à l'isle de France, à l'isle de Bourbon, au Cap de Bonne Espérance, &c. Avec des Observations nouvelles sur la Nature et sur les Hommes, par un officier du Roi. Amsterdam, 1773. Т. 2. P. 237–238.

¹⁹ См. отрывок из его романа: Филимонов В. О любви в больших обществах: Письмо от Господина В*** к Графу Д*** // Вестник Европы. 1809. Ч. XLVIII. № 22. С. 111–119.

наверняка отдавал себе отчет, что имеет дело с топосом и хотел «освежить» его. В этом смысле Пушкин, сам того не подозревая, поступал так же, как Байрон, «освеживший» топос во вступлении к «Осаде Коринфа». Что же касается отсылки к Саади в «Евгении Онегине», то ее не следует принимать за чистую монету. Ею Пушкин лукаво отсылал читателя к самому себе или, вернее, к одной из своих литературных масок. Недаром Вяземский, цитируя в 1827 году вторую часть эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» в «Московском телеграфе» с намеком на декабристов²⁰, предварил цитату словами: «...с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади)...» Наверное, Вяземский понимал, что под маской Саади скрывался сам Пушкин.

2. «ПРАЗДНИК ЖИЗНИ»

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина...

Всем известные стихи из заключительной строфы «Евгения Онегина» до сих пор не удостоились подробного комментария. Ю.М. Лотман заметил лишь, что метафора «жизнь — пир» ориентирована на глубокую литературную традицию²¹, а Набоков указал параллель к этой метафоре в стихотворении Андре Шенье, написанном в тюрьме незадолго до казни и известном под названием «La jeune captive» («Юная узница»):

Mon beau voyage est si loin de sa fin!
Je pars, et des ormeaux qui bordent le chemin
J'ai passé les premiers à peine.
Au banquet de la vie à peine commencé,
Un instant seulement mes lèvres ont pressé
La coupe en mes mains encore pleine

[Мое прекрасное путешествие еще так далеко от завершения! / Я ухожу,
хотя из тех вязов, которые окаймляют дорогу, / Едва миновала лишь

---

²⁰ См. об этом: Гиллельсон М.И. Письмо А.Х. Бенкендорфа к П.А. Вяземскому о «Московском телеграфе» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 423–424.

²¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 371.

первые. / На пиру жизни, едва начавшемся, / Только одно мгновение
мои губы прикасались / К бокалу, еще полному в моих руках]²².

Странно, что Набоков не заглянул в комментированное издание Шенье, где в примечании к процитированным им стихам указывался их источник — знаменитая седьмая строфа предсмертной «Оды, написанной в подражание нескольким псалмам» («Ode, imitée de plusieurs psaumes», 1780) рано ушедшего из жизни Николя Жильбера. «Читая эти трогательные строки, — заметил комментатор, — каждый неизбежно вспомнит и прошепчет прекрасные стихи Жильбера: „Au banquet de la vie infortuné convive, / J'apparus un jour et je meurs“ [„На жизненном пиру несчастный гость, / Однажды появился я — и умираю“]»²³.

В 1820-е годы в России эту оду прекрасно знали и многократно переводили, а метафора «пир/праздник жизни» в разных вариантах («пир земной», «жизни пир», «праздник у жизни», «пир бытия», «жизненный пир») получила самое широкое распространение в поэзии и опознавалась как чужое слово²⁴. Сам Пушкин, как установил еще В.П. Гаевский²⁵, перифразировал хрестоматийные стихи Жильбера в лицейском послании «Князю А.М. Горчакову» (1817):

Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру²⁶.

Обсуждая образ «праздник жизни», С.Г. Бочаров отметил, что его история до Жильбера еще не изучена и что «в античной поэзии, по свидетельству М.Л. Гаспарова, метафора праздника, пира жизни отсутствует, хотя, конечно, в ней сколько угодно пиров, вина и таких идей, как *carpe diem*»²⁷. Это утверждение основано на недоразумении,

²² Pushkin A. Op. cit. P. 251 (2-й par.); Poésie de André Chénier / Édition critique. Étude sur la vie... variants, notes, commentaires et index par L. Becq de Fouquières. Deuxième édition, revue et corrigée. Paris, 1872. P. 465.

²³ Ibid.

²⁴ См.: Григорьева А.Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 158–160; Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 222–223.

²⁵ Гаевский В.П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. Т. 97. № 7. Отд. 1. С. 177.

²⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999. Т. I: Лицейские стихотворения 1813–1817. С. 279.

²⁷ Бочаров С.Г. Праздник жизни и путь жизни <...> // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 192.

поскольку в целом ряде справочных изданий и в комментариях ко многим изданиям французской поэзии указывался именно античный источник образа — пассаж из третьей книги поэмы Лукреция «О природе вещей», где Природа вопрошает смертного:

Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,
Будто в пробитый сосуд налитые, утекши бесследно,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством
жизни,
И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?²⁸

Вопрос Лукреция, приравнивающий уход из жизни к уходу с пира, — «*Cur non ut plenus vitae conviva recedes...*» («Почему ты не уходишь из жизни, как насытившийся гость с пира...»), — Пушкин мог видеть у нескольких авторов в рассуждениях о смерти — например, в эссе Монтеня «О том, что философствовать значит учиться умирать» («*Que philosopher c'est apprendre à mourir*»)²⁹. В его библиотеке был и французский прозаический перевод «О природе вещей» с латинским оригиналом, напечатанным *en regard*. В этом переводе, принадлежащем Жану-Батисту Понжервилю, метафора имеет ту же форму, что и у Пушкина в «Евгении Онегине» — не пир (*banquet*), как у Жильбера и Шенье, а именно праздник (*festin*) жизни: «...*convive rassasié, que ne sors-tu satisfait du festin de la vie?*» («Насытившийся гость, что ж не уходишь ты удовлетворенный с праздника жизни?»)³⁰. Если Пушкин просматривал книгу (а, согласно каталогу его библиотеки, весь том разрезан), он должен был обратить внимание на примечание переводчика, в котором указывались три случая

---

²⁸ *Tut* Лукреций Кар. О природе вещей / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. М., 1983. С. 117–118.

²⁹ В издании Монтеня, которое было в библиотеке Пушкина, фраза переведена в подстрочном примечании как «Pourquoi ne sort-tu pas de la vie, comme on sort d'un festin?» («Почему ты не уходишь из жизни, как уходят с пира?» [Essais de Michel de Montaigne / Nouvelle édition. Paris, 1828. Т. I. P. 85; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 292, № 1185]). Об отголосках этого эссе у Пушкина см.: Бутакова В.И. Пушкин и Монтань // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 207–208; Мазур Н. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и стоическая философия смерти // Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 353–354; Долинин А.А. Указ. соч. М., 2007. С. 107–109.

³⁰ *Lucrèce. De la nature des choses / Traduit en prose par de Pongerville... Paris, 1829. Т. I. P. 245; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 162, № 619. Год издания у Модзалевского указан неверно.*

заимствования у Лукреция образа «пир жизни», включая, конечно же, и «Оду» Жильбера. Первым, как отмечает Понжервиль, им воспользовался Гораций в финале первой сатиры, где он сетует на то, что люди редко бывают довольны своей судьбой, завидуют другим, и

...оттого то мы редко найдем, кто сказал бы, что прожил
Счастливо век свой, и, кончив свой путь, выходил бы из жизни
Точно как гость благодарный, насытись, выходит из пира³¹.

Кроме того, Понжервиль приводит цитату из шестой главы поэмы Делиля «Воображение» («L'Imagination», 1806), где речь идет о стариках, на склоне лет вспоминающих прошлое:

Du festin de la vie, où l'admirent les dieux,
Ayant goûté long-temps les mets délicieux,
Convive satisfait, sans regret, sans envie,
S'il ne vit pas, du moins il assiste à la vie

[На празднике жизни, где им восхищаются боги / Давно испробовав
вкуснейшие блюда, / Он, довольный гость, без сожалений, без зависти /
Если не живет, то по крайней мере присутствует в жизни]³².

Широкой известностью пользовалось и сравнение смерти в старости с завершением пира в басне Лафонтена «Смерть и умирающий»:

...Je voudrais qu'à cet âge
On sortit de la vie ainsi que d'un banquet,
Remerciant son hôte...

[...Я бы хотел, чтоб в этом возрасте / Мы б уходили из жизни как с пира, /
Поблагодарив хозяина...]³³

---

³¹ Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Ред. пер., вступ. ст. и коммент. М. Гаспарова. М., 1970. С. 248 (пер. М.А. Дмитриева). Оригинал: «...ut raro, qui se vixisse beatum / dicat et exacto contentus tempore vita / cedat uti conviva satur, reperire queamus» (Q. Horati Flacci Opera / Tertium recognovit Fridericus Klinger. Leipzig, 1959. P. 165).

³² Delle J. Œuvres complètes, avec les notes, variants et imitations / Publiées par A.-V. Arnault, J. Maubach. Bruxelles, 1819. T. IV. P. 171; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 221, № 863. В комментариях к этому изданию указывалось, что здесь мы узнаем мысль Лукреция (с. 197). Как пример функционирования уже устоявшейся формулы «праздник жизни», стихи процитированы в работе: Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 223.

³³ Œuvres complètes de La Fontaine / Nouvelle édition. Paris, 1826. P. 55; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 265, № 1061.

В английской поэзии формула «праздник/пир жизни» имела свою традицию, освященную именами Шекспира и Поупа. Герой «Макбета», убив короля, говорит, что из-за этого может навсегда лишиться сна — своего «главного кормильца на празднике жизни» (II, 2, 44; «Chief nourisher in life's feast»³⁴). В «Опыте о человеке» Поуп пишет, что человек, заботясь о домашних животных, превращает их жизнь в праздник, но потом, когда приходит время, убивает. Обращаясь к человеку, он призывает его принимать смерть без сожаления, как это делает неразумная тварь:

The creature had his feast of life before;
Thou too, must perish when thy feast is over

[Тварь неразумная прежде гостила на празднике жизни; / Ты тоже должен погибнуть, когда твой праздник окончится]³⁵.

Когда в 1817 году Пушкин, перифразируя Жильбера, писал о себе как госте на «жизненном пиру», он, наверное, полагал, что это яркий образ из стихотворения, уже ставшего хрестоматийным во французской поэзии, но поэзией русской пока еще не освоенного³⁶. Тринадцать лет спустя, заканчивая «Евгения Онегина», он не мог не понимать, что использует частотную метафору, которая имеет глубокие разветвленные корни и уже стала поэтическим штампом. Достаточно сказать, что в словаре французского поэтического языка Л. Карпантье, «библии поэтов» в 1820-е годы³⁷, выражения «*banquet de la vie*» («пир жизни»), «*sortir du banquet de la vie*» («уйти с пира жизни») и «*s'asseoir au banquet de la vie*» («занять место на пиру жизни») включены в списки стандартных перифрастических синонимов

³⁴ Во французском переводе, известном Пушкину, — «*festin de la vie*» (*Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'Anglais par Letourneur / Nouvelle Édition, revue et corrigée par F. Guizot et A.P. traducteur de Lord Byron. Paris, 1821. T. III. P. 391*).

³⁵ *The Poetical Works of Alexander Pope, Esq. With a Sketch of the Author's Life. London, 1825. P. 205; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 312, № 1273.*

³⁶ До Пушкина метафору использовал Жуковский в послании «К Воейкову» (1814), но без мотива ухода с пира: «Когда мы — гости молодые / У милой Жизни на пиру — / Из полной чаши радость пили, / И счастье наше! Говорили / В своем пророческом жару...» (*Жуковский В.А. Стихотворения / Ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л., 1940. Т. II. С. 134*). Первый русский перевод «Оды» сделал Н.И. Гнедич, озаглавивший его «К Провидению» (1819). В ранней редакции перевода соответствующий стих был передан точнее, чем в поздней. Ср.: «Увы! минутный гость на жизненном пиру...» (Сын отечества. 1820. № 40. С. 325); «Увы! минутный гость я на земном пиру» (*Гнедич Н.И. Стихотворения. Л., 1956. С. 110*).

³⁷ См.: *Карева Н. Французские словари синонимов, эпитетов и поэтического языка (конец XVII — первая половина XIX в.) // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. СПб., 2017. Вып. 2: 2015–2016 годы. С. 244–248.*

к словам «жизнь», «умереть», «родиться»³⁸. Но соединив этот штамп с еще более частотной формулой «Блажен, кто...»³⁹, Пушкин получил сентенцию, отличную по смыслу от того, что предлагала традиция. Если для Жильбера и Шенье преждевременная смерть — это трагедия, с которой они не могут смириться, то Пушкин несколько неожиданно воздает ей хвалу, что кажется парадоксом⁴⁰. «Смерть страшна в любом возрасте, но в первую весну молодости <...> быть похищенным с пира, где человек только успел занять свое место, особенно ужасно», — писал Вальтер Скотт⁴¹. Однако и у этого поворота темы была своя традиция, тоже восходящая к Античности, но только в другом жанре — жанре *consolatio* (лат. *утешение*). Ближайший пушкинский источник указал критик Самуил Лурье, процитировавший в одной из своих рецензий фрагмент из хорошо известного Пушкину романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», где этот жанр пародируется⁴². Отец героя, узнав о смерти старшего сына, пытается утешить себя всевозможными философскими аргументами и, в частности, восклицает:

But he is gone for ever from us! — be it so. He is got from under the hands of his barber before he was bald — he is risen from a feast before he was surfeited — from a banquet before he had got drunk [Но он навсегда покинул нас! — Ну и пусть. Он вырвался из рук своего цирюльника, не успев облысеть, ушел с праздничного ужина, не объевшись, с пира — не напившись допьяна]⁴³.

³⁸ Carpentier L.J.M. La Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique... Paris, 1822. P. 780, 792, 1139–1140 (2-е изд. в двух томах: 1825).

³⁹ См. о ней: Левинтон Г.А. Блажен, кто... К истории формулы // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010. С. 141–239.

⁴⁰ Г.А. Левинтон отмечает применение формулы «Блажен, кто...» к мотиву, который он называет строкой Некрасова «Хорошо умереть молодым», в стихотворении Кюхельбекера «19 октября 1837 года» и последующей субтрадиции (Там же. С. 207–208, 213). Ср.: «Блажен, кто пал, как юноша Ахилл, / Прекрасный, мощный, смелый, величавый, / В середине поприща побед и славы, / Исполненный несокрушимых сил! / Блажен! Лицо его всегда младое, / Сиянием бессмертия горя, / Блестит, как солнце вечно золотое, / Как первая эдемская заря». Поскольку в стихотворении речь идет о гибели Пушкина, можно предположить, что Кюхельбекер отталкивался от финальной строфы «Евгения Онегина», но перевел пушкинскую игру с поэтическими формулами в высокий трагический план. Прочитав в 1832 году восьмую главу романа, он писал о его финале в дневнике: «Эпilog лучший из всех эпилогов Пушкина» (Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 102).

⁴¹ Scott W. Anne of Geierstein, or, The Maiden of the Mist. Edinburgh, 1829. Vol. II. P. 64.

⁴² Sterne L. The Life and Opinions of Tristram Shandy Gentleman / Ed. by G. Petrie. Harmondsworth, 1986 (Penguin Classics). P. 351.

⁴³ Ср. французский перевод, который мог читать Пушкин: «Mais il nous quittés pour jamais. Eh bien! Il a échappé à la main du barbier, avant d'être chauve; il a quitté la fête, avant d'être repu; le banquet, avant d'être ivre» (Œuvres complètes de L. Sterne, traduites de l'anglais par une société de gens de lettres. Tristram Shandy: Tom Second. Paris, 1825. P. 70).

«Похоже на LI строфу Восьмой главы „Онегина“?» — спрашивал Лурье и сообщал сведения, почерпнутые из современного комментария к «Тристраму Шенди»: «...сентенция, вероятней всего, позаимствована из труда Ричарда Бертона „Анатомия меланхолии“»⁴⁴.

Действительно, как еще в конце XVIII века установил манчестерский врач Джон Ферриар (John Ferriar, 1761–1815), большая часть самоутешительной речи Шенди-старшего состоит из незакавыченных цитат и парафраз, источник которых — тогда полузабытая, а ныне обладающая статусом важного памятника английской литературы барокко книга «Анатомия меланхолии» («The Anatomy of Melancholy», 1621) Роберта Бертона (Robert Burton, 1577–1640)⁴⁵. Исследование Ферриара получило широкую известность: о нем сообщали многие журналы, а в 1798 году его перевели на французский язык⁴⁶. Для пассажа из «Тристрама Шенди», процитированного выше, Ферриар указывает лишь одну неполную параллель в главе «Против скорби по умершим друзьям или другим людям, против напрасного страха и т.д.» («Against Sorrow for the Death of Friends or Otherwise, Vain Fear etc.»), то есть в сходном контексте. Обращаясь к отцам, потерявшим юного сына, Бертон советовал им утешать себя мыслью, что

...he is now gone to eternity, as another *Ganymede*, in the flower of his youth, as if he had risen, saith Plutarch, from the midst of a feast, before he was drunk [...он ушел в вечность, подобно новому *Ганимеду*, в расцвете юности, как если бы он, по словам Плутарха, встал из-за стола в разгар пира, не успев напиться допьяна]⁴⁷.

Стерн убрал отсылку к Плутарху, хотя он, как и другие высоко образованные интеллектуалы XVIII века, должен был узнать цитату из его «Утешения к Аполлонию», где впервые встречается сравнение ранней смерти с уходом с пиршества. Утешая своего адресата, потерявшего юного сына, Плутарх напоминает ему, что

⁴⁴ Гедройц С. [Лурье С.] Гиппоцентавр, или Опыты чтения и письма. СПб., 2011. С. 391. Я благодарен Л. Волохонской, обратившей мое внимание на это наблюдение С. Лурье.

⁴⁵ Ferriar J. Comments on Stern // Memoirs of the Literary and Philosophical Society of Manchester. 1793. Vol. IV. Pt. I. P. 61–68; Ferriar J. Illustrations of Sterne: with Other Essays and Verses. London, 1798. P. 71–80. Анализ наблюдений Ферриара см.: Jackson H.J. Sterne, Burton, and Ferriar: Allusions to the Anatomy of Melancholy in volumes V to IX of Tristram Shandy // Philological Quarterly. 1975. Vol. 54. P. 457–470.

⁴⁶ Comments on Stern, Commentaire sur Sterne, par John Ferriar, M.D. // Bibliothèque que britannique. 1798. T. IX. P. 68–90.

⁴⁷ Burton R. The Anatomy of Melancholy. London, 1923. Vol. II. P. 211–212; курсив автора.

тот удалился в вечность, не успев впасть в «грубость поведения, которая сопутствует долгой жизни», как гость, который вовремя уходит с пира, не успев опьянеть⁴⁸. Вместо этого к утешительным словам Бертон Стерн добавил абсурдную для траурной темы фразу о цирюльнике и облысении, что придало всему рассуждению Шенди-старшего о внезапной смерти сына откровенно комический характер. Такая бесчувственность или, как ее называл Шкловский, «внежалостность» Стерна оказывается эстетически и этически приемлемой только в том случае, если мы знаем наверняка, что имеем дело с литературной игрой, где всякое событие осмысливается как повод для пародии, каламбура, автометаописания, стилистического сдвига. Согласно Шкловскому, смерть Бобби Шенди в романе есть лишь «мотивировка развертывания», использующаяся для создания ряда комических эффектов⁴⁹; более того, она входит в длинный ряд всевозможных «прерываний» как фабулы, так и нарратива, от *coitus interruptus* в начале романа до внезапного обрыва в финале, и потому функционирует как аналог литературного приема: не текст отражает жизнь и смерть, а рассказанные «жизнь» и «смерть» отражают текст.

«„Евгений Онегин“, — писал Шкловский, — так же, как и „Тристрам Шенди“, пародийный роман, причем пародируются не нравы и типы эпохи, а сама техника романа, строй его»⁵⁰. Влиянием Стерна он объяснял, в частности, неожиданный обрыв повествования в финале, отметив и отличие: «Пушкин обрывает рассказ, подчеркивая сознательность перерыва»⁵¹. На полную осознанность и подготовленность обрыва указывает, в частности, необычное соединение трех элементов, за каждым из которых стоит своя традиция, — формулы «Блажен, кто...», метафоры «праздник жизни» и мотива «хорошо умереть молодым», — поскольку означаемыми традиционных тро-

⁴⁸ Именно так понимали соответствующее место европейские переводчики до конца XIX века. См., например, в старом французском переводе: «...que s'il fust sorty d'un banquet, avant que de tomber en quelque yvrognerie et folie, laquelle ne peut fuir qu'elle n'advienne en longue vieillesse» (Euvres morales de Plutarque / Traduites de Grec par Jacques Amyot. Paris, 1785. P. 199). Ср. англ.: «...as if he had withdrawn from the Entertainment before he grew absurd, and the staggerings of Drunkenness came upon him, which are incident to a long Old Age» (Plutarch's Morals in five volumes / Transl. from the Greek, by Several Hands; the Fifth Edition Revised and Corrected from the many Errors of the former Editions. London, 1718. P. 318). В современных переводах мотив пьянства отсутствует. Ср.: «...as from an evening party, before falling into any such grossness of conduct as is wont to be the concomitant of a long old age» (Plutarch's Moralia / With an English Translation by Frank Cole Babbitt. Cambridge, Mass.; London, 1962. P. 203).

⁴⁹ Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С. 192–195.

⁵⁰ Шкловский В. «Евгения Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 206.

⁵¹ Там же. С. 212–213.

пов оказываются не жизнь и смерть, а сам текст романа, процесс его создания и чтения. Любопытно, что подобная перекодировка встречается в заключении сатиры Свифта «Сказка бочки» («Tale of a Tub»), где она имеет противоположный смысл: аллюзией на сентенцию Лукреция и цитатой из нее оправдывается желание автора не завершать фактически законченный текст:

The conclusion of a Treatise resembles the Conclusion of human life, which has sometimes been compared to the End of the Feast: where few are satisfied to depart, *ut plenus vitae conviva*. For Men will sit down after the fullest meal, though it be only to *doze* or to *sleep* out the rest of the day [Окончание трактата напоминает окончание человеческой жизни, которое иногда сравнивают с завершением пира, откуда мало кому нравится уходить *ut plenus vitae conviva*. Ибо людям свойственно посидеть после сытного ужина, хотя бы для того, чтоб подремать или поспать до конца дня]⁵².

На литературно-игровой характер финала «Евгения Онегина» указывает и метафора «роман жизни» в последующих двух стихах («...Кто не дочел Ее романа / И вдруг умел расстаться с ним...»), которая переводит традиционное сравнение жизни с книгой, восходящее прежде всего к Апокалипсису, в шуточный план. Именно так метафора несколько раз использовалась и до Пушкина, как во французской, так и в русской поэзии. Ю.М. Лотман вспомнил короткую эпиграмму Карамзина: «Что наша жизнь? Роман. — Кто автор? Аноним. / Читаем по складам, смеемся, плачем... спим» (1797)⁵³. Словарь Карпантье дает игривый пример без указания автора: «L'Amour! douce folie! / Episode trop court du roman de la vie!» («Любовь! Сладкое безумие! / Слишком короткий эпизод в романе жизни!»)⁵⁴. «Люди ошибаются, люди заблуждаются. / Жизнь — это роман, / Будем же стараться, чтоб он нас забавлял / До самой развязки», — призывала популярная в начале XIX века французская водевильная песенка⁵⁵. В шуточном стихотворении Пьера Ноэля

⁵² The Works of Dr. Jonathan Swift, Dean of St. Patrick... London, 1766. Vol. I. P. 127–128; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 345, № 1477. В каталоге Модзалевского издание описано как восемнадцатитомное, поскольку после выхода последнего, двенадцатого тома к нему были добавлены еще шесть томов. Никаких сведений о знакомстве Пушкина с сатирой Свифта не имеется.

⁵³ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 371.

⁵⁴ Carpentier L.J.M. Op. cit. P. 1140. Цитата взята из «Послания женщинам» («Épître aux femmes», 1798) Винсента Кампенона (Vincent Campenon, 1772–1843), впервые напечатанного в журнале *La Décade philosophique, littéraire et politique* (An VI. 20 Prairial [= 1798. 10 июня]. P. 485); отдельное изд.: 1800.

⁵⁵ [Dupaty E., Séguier M., Dubois J.-B.] *Le lendemain de la pièce tombée, comédie en un acte*. Paris, 1805. P. 45.

Фамина (Pierre Noël Famin, 1740–1833) говорилось: «La vie est un roman; on l'a dit avant moi» («Жизнь есть роман; это было сказано до меня»)⁵⁶.

В контексте строфы метафора «книга жизни» синонимична «празднику жизни», а ее комическая аура коррелирует со стернианским подтекстом предшествующих строк. Тонкая, сейчас уже почти совсем незаметная игра с поэтическими формулами заставляет усомниться в общепринятом представлении, что в концовке «Евгения Онегина» они используются, говоря словами С.Г. Бочарова, «серьезно и даже торжественно»⁵⁷. Это, на наш взгляд, серьезность и торжественность деланные, притворные. Пушкин не синтезирует здесь литературу и действительность, не выходит из вымысла в реальность, а, напротив, утверждает свою прерогативу автора романа как абсолютного хозяина собственного текста. Не случайно «Евгений Онегин» начинается и заканчивается одним и тем же словом — притяжательным местоимением «мой», но если в первом стихе оно принадлежит герою и вводит читателя в его мир, то в стихе последнем оно принадлежит автору, который сообщает нам, что этот герой — его полная собственность, и он, наигравшись вдоволь, волен поступить с ним как ему заблагорассудится, по принципу «sic volo, sic jubeo».

3. «ЗАВИСТЬ — СЕСТРА СОРЕВНОВАНИЯ»

«Зависть — сестра соревнования, следственно» из хорошего роду». В большом академическом собрании сочинений Пушкина эта его шутка печатается в разделе «Заметки и афоризмы разных годов» и предположительно датируется 1831 годом⁵⁸. Современные словари цитат и афоризмов обычно приводят ее без каких-либо пояснений и комментариев, как образец пушкинского остроумия.

Происхождением шутки до сих пор никто не заинтересовался, хотя оно заслуживает самого пристального внимания, ибо Пушкин откликается здесь на давнюю, уходящую в Античность традицию со- и противопоставления двух чувств по отношению к чужому успеху — зависти и соревнования (в значении соперничества или, по Далю, ревностного стремления за другими). Еще у Гесиода

⁵⁶ Famin [P.N.] Les romans à la mode, ou Attendons le dénouement: Conte Romanesque // Almanach des Muses, ou Choix de poésies fugitives. Paris, 1814. P. 204; Famin P.N. Mes opuscules et amusements littéraires. Paris, 1820. P. 121.

⁵⁷ Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 202.

⁵⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1949. Т. XII. С. 179.

в «Работах и днях» богиня раздоров Эрида расщепляется на две сестринские ипостаси. Младшая сестра несет в мир вражду, зависть, войны, а старшая побуждает людей одного состояния и рода занятий к мирному соперничеству в труде и искусствах:

Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с насадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно⁵⁹.

Аристотель во второй книге «Риторики» предлагал отличать низкий «фтонос» (то есть зависть) от высокого «зелоса» (то есть соревнования):

Чувство соревнования есть некоторое огорчение при виде кажущегося присутствия у людей, подобных нам по своей природе, благ, которые связаны с почетом и которые могли быть приобретены нами самими, возникающее не потому, что эти блага есть у другого, а потому что их нет у нас самих.

Поэтому-то соревнование [как ревностное желание сравняться] есть нечто хорошее и бывает у людей хороших, а зависть есть нечто низкое и бывает у низких людей. В первом случае человек под влиянием чувства соревнования, старается сам достигнуть благ, а во втором — под влиянием зависти стремится, чтобы его ближний не пользовался этими благами⁶⁰.

Дихотомию зависти и соревнования обсуждали едва ли не все западноевропейские моралисты XVII–XVIII веков, в большинстве своем развивавшие идеи Аристотеля. Так, Лабрюйер выделял три родственных чувства: *jalousie* (ревность), *émulation* (соревнование, соперничество) и *envie* (зависть).

⁵⁹ Эллинские поэты / В пер. В.В. Вересаева. М., 1963. С. 142.

⁶⁰ Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторика / Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция проф. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 94–95. Обзор представлений о зависти в Древней Греции см.: *Walcot P. Envy and the Greeks: A Study of Human Behavior.* Warminster, 1978; *Согомонов А.Ю.* Феноменология зависти в Древней Греции // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1990. С. 106–135.

Сколь похожими друг на друга ни казались бы ревность и соревнование, — писал он, — они столь же далеко отстоят друг от друга, как порок и добродетель. Соревнование и ревность вожделеют к одному и тому же объекту — к благам или достоинствам других людей, но с той разницей, что первое есть чувство свободное, смелое, искреннее, которое обогащает душу, помогает ей извлекать уроки из великих примеров и нередко возвышает над тем, что ее восхищает, а вторая — это, напротив, чувство разрушительное, своего рода озлобленное признание чужого превосходства; оно доходит даже до того, что отрицает добродетели человека, ими обладающего, или, вынужденное их признать, отказывает им в похвале и завидует наградам...

По Лабрюйеру, ревность, как и соревнование, направлена только на равных по роду занятий, талантам и положению и никогда не свободна от зависти, так что «часто эти чувства смешиваются». Зависть же, в свою очередь, неотделима от ненависти — «они сливаются воедино и усиливают друг друга»⁶¹.

Сходным образом, ссылаясь на Лабрюйера, ревностью как «постыдным пороком» и «бесплодной завистью» объяснял различия между «добродетельным соревнованием» («vertueuse emulation» — выражение Корнеля из посвящения комедии «Компаньонка») энциклопедист Луи де Жокур⁶².

Соревнование и зависть резко противопоставлены в «Стансах или катренах...» Вольтера («Stances ou quatrains, pour tenir lieu de ceux de Pibrac, qui ont un peu vieilli»):

De l'émulation distinguez bien l'envie,
L'une mène à la gloire, et l'autre au déshonneur;
L'une est l'aliment du génie,
Et l'autre est le poison du Cœur

[Умейте отличать соревнование от зависти. / Первое ведет к славе, а второе к бесчестию; / первое есть пища гения, / а второе — яд сердца]⁶³.

В России этот катрен Вольтера перифразировал Вяземский в «Послании к М.Т. Каченовскому» (1821): «Соревнованья жар

⁶¹ Œuvres de La Bruyère: Les caractères, ou Les mœurs de ce siècle. Paris, 1820. P. 156; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 264, № 1056.

⁶² См. его статью «Emulation» в «Энциклопедии»: Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... / Mis en ordre et publié par M. Diderot et... par M. D'Alambert. Lausanne; Berne, 1779. Т. II. P. 285.

⁶³ The Complete Works of Voltaire. Oxford, 2015. Vol. LXXXIII. P. 204.

источник дел высоких, / Но ревность — яд ума и страсть сердец жестоких»⁶⁴.

С другой стороны, некоторые авторы подчеркивали родство зависти и соревнования. На протяжении всего XVIII века во Франции Платону приписывалась апофегма «Зависть — дочь соревнования» («L'envie est la fille de l'émulation») ⁶⁵, а в Англии — ее зеркальное отражение «Соревнование — дочь зависти» ⁶⁶.

Широкой известностью пользовалось рассуждение Бернарда Мандевиля в примечании к «Басне о пчелах» (1714), где он утверждал, что стремление к соревнованию с прославленными людьми у юношей или у художников изначально продиктовано завистью и честолюбием, а не добродетелями, и что зависть — низкая страсть, присущая человеческой натуре вообще, — может при определенных условиях оказать благотворное влияние на развитие талантов и умений ⁶⁷. О том, что зависть и соревнование — это по сути дела два вида одной страсти, писал также Поуп во второй эпистоле «Опыта о человеке»:

Envy, to which the ignoble mind's a slave,
Is emulation in the learned and brave

[Зависть, которая порабощает низкую душу, / У людей образованных и храбрых становится соревнованием] ⁶⁸.

⁶⁴ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 151.

⁶⁵ Dictionnaire universel contenant généralement tous les mots François, tant vieux que modernes, et les Termes des sciences et des arts... / Recueilli et compilé par feu Messire Antoine Furetiere... Second edition, revue, corrigée et augmentée par Monsieur Basnage de Beauval. La Haye; Rotterdam, 1701. Т. II: E–N. N.p. По всей видимости, апофегму сформулировал редактор этого издания, так как в первом издании словаря Фюретьера она отсутствовала. Можно предположить, что он отталкивался от пассажа в диалоге Платона «Менексен», где рассказывается о расприх среди эллинов после их победы над персами. В это время, когда Афины достигли вершины славы, — говорит Платон, — случилось то, что случается с людьми, достигшими успеха, — началось «соперничество, которое затем перешло в зависть» (Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990. Т. I. С. 150).

⁶⁶ См. в «Циклопедии» Э. Чеймберса (статья «Emulation»): «Plato observes of Emulation that it is the daughter of Envy; if so, there is a deal of Difference between the Mother and the Offspring» («Платон заметил, что Соревнование — это дочь Зависти. Если так, то мать и ее отпрыск во многом не схожи» [Cyclopaedia: or, An Universal Dictionary of Arts and Sciences... / In Two Volumes by E. Chambers Gent. London, 1828. P. 304]). Об изменении отношения к понятию «соревнование/соперничество» в английской мысли XVIII века см.: Weinbrot H.D. Britannia's Issue: The Rise of British Literature from Dryden to Ossian. Cambridge, 1993. P. 102–113.

⁶⁷ Mandeville B. The Fable of the Bees / Ed. with an introduction by Ph. Harth. London, 1989. P. 159–164.

⁶⁸ The Poetical Works of Alexander Pope with a Sketch of the Author's Life. London, 1825. P. 200; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 312, № 1273. Жак Делиль в своем стихотворном переводе «Опыта о человеке» передал смысл двустихья формулой «L'émulation même est fille de l'envie» («Само соревнование есть дочь зависти» [Œuvres de Jacques Delille. Paris, 1821. Т. XVII: L'essai sur l'homme de Pope... avec le texte anglais en regard. P. 63]).

В поздней статье «Зависть» из «Вопросов к энциклопедии» (1770–1772) Вольтер кратко изложил идеи Мандевиля и заключил:

Mandeville a peut-être pris l'émulation pour l'envie; peut-être aussi l'émulation n'est-elle qu'une envie qui se tient dans les bornes de la décence [Мандевилль, возможно, принял соревнование за зависть; может быть также, что соревнование это и есть зависть, остающаяся в рамках приличий]⁶⁹.

Наконец, друг Вольтера, известный юрист Жозеф Мишель Антуан Серван (Joseph Michel Antoine Servan, 1737–1807) заменил псевдо-платоновскую родительскую метафору на сестринскую, идущую, вероятно, от Гесиода:

Il est bien difficile de ne pas confondre quelquefois l'émulation et l'envie; toutes les deux ont la même origine, le désir de la préférence. Ce sont deux filles d'une même mère, mais d'un caractère bien différent; l'une veut atteindre et surpasser son objet, l'autre ne voudroit que l'annéantir; l'une a la noblesse qu'inspire le sentiment de la force, l'autre la bassesse qui vient de l'impuissance. L'émulation voudroit conserver son rival pour le plaisir de le vaincre, et l'envie voudroit l'assassiner pour faire cesser la douleur de lui être comparé [Иногда бывает довольно трудно не спутать соревнование с завистью: у обоих одно и то же происхождение — желание превосходства. Это две дочки одной матери, но с разными характерами; одна хочет сравняться со своим объектом и превзойти его; другая хотела бы его уничтожить; в одной есть благородство, которое дает ощущение силы; в другой — низость, проистекающая от бессилия. Соревнование хотело бы сохранить своего соперника ради удовольствия победы над ним, а зависть желала бы убить его, дабы избавиться от страданий, причиняемых ей сравнениями с ним]⁷⁰.

Еще до выхода в свет пятого тома собрания сочинений Сервана, где были впервые напечатаны его максимы, французский лексиколог Пьер-Клод-Виктор Буаст (Pierre-Claude-Victor Boiste, 1765–1824) включил в пятое издание своего словаря похожую апофегму: «Dans les petites ames, l'émulation est sœur de l'envie» («У мелких душ соревнование — сестра зависти»)⁷¹.

⁶⁹ The Complete Works of Voltaire. Oxford, 2010. Vol. XLI. P. 134–136.

⁷⁰ Œuvres choisies de Servan / Nouvelle édition augmentée de plusieurs pièces inédites, avec des observations et une notice historique, par X. de Portets. Paris, 1822. T. V. P. 418–419.

⁷¹ Boiste P.C.V. Dictionnaire universel de la langue Française, avec le latin et les étymologies / Cinquième édition. Paris, 1819. T. II: N–Z. P. 1243 (статья «Sœur»).

Едва ли можно сомневаться в том, что Пушкину были известны подобные высказывания и что первая часть его *bon mot* — это чужие слова, как бы поставленные в невидимые кавычки. Прочитовав банальную сентенцию в посылке, Пушкин затем дает неожиданное следствие из нее, тем самым дебанализируя клише. Под «хорошим родом» он, как кажется, подразумевает честолюбие, жажду чести, желание побед и славы, стремление выделиться, отличиться — то, что древние называли филотимией.

Понятая таким образом, острота Пушкина обнаруживает прямую связь с проблематикой «Моцарта и Сальери». До явления Моцарта пушкинский Сальери был не завистником, а соревнователем, преданным своему искусству и готовым состязаться даже с самыми известными композиторами эпохи. Однако перед молодым богоподобным гением он бессилен, и потому его «зелос» перерождается в мучительный «фтонос» — в подлую зависть, которая — вспомним рассуждение Сервана — жаждет убить соперника. Согласно знаменитому французскому врачу и психологу Жану-Луи Алиберу, зависть есть «некое извращенное соревнование» («une sort d'émulation dépravée») или «обессиленная амбиция» («une ambition impuissante»)⁷². По отношению к герою Пушкина это особенно верно, так как Сальери, в отличие от обычных завистников, не отрицает гениальность Моцарта, а, наоборот, дает его музыке высочайшую оценку: «Ты, Моцарт, бог...» В этом смысле его смертоносная зависть, «сестра соревнования», действительно, «хорошего рода», но благородное происхождение только усугубляет вину убийцы.

4. «АЗИАТСКАЯ РОСКОШЬ»

Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари оставя голые стены и дубовые стулья своих замков увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры, и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство, и проч., но роскошь есть конечно принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии⁷³.

⁷² Alibert J.-L. Physiologie des passions, ou Nouvelle doctrine des sentimens moraux / Second édition. Paris, 1827. Т. I. P. 331, 337.

⁷³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1948. Т. VIII. Кн. 1. С. 477.

В критическом отношении к расхожим представлениям об азиатской (или, шире, восточной) роскоши Пушкин был не одинок. По предположению Тынянова, комментируемый пассаж восходит к подобному рассуждению Бестужева-Марлинского в рассказе «Военный антикварий», где автор обращается к женщинам, чьи мужья и родственники участвовали в арзрумском походе:

Мужья, братцы, племянники ваши, проклиная во время походов несносную погоду и природу Азии, сгоревшие поля от зною, нагие горы, непроезжимые дороги, логовища, называемые деревнями, и кучи камней за зубчатыми стенами, величаемые городами, и в них смрадные улицы, комнаты без полов и окон, рядом с конюшнею, ковры, шевелящиеся от насекомых, подушки, набитые кислую шерстью, восточную гущу их кофе, и кругом дым кизяков, крик ослят и раздражающее уши пение азиатцев — теперь будут разливаться перед Вами в пышных рассказах об Азиатской роскоши, которой не видали мы ни блески, *о прелестях одалисок, увезенных прежде нас далее, о зеленеющих горах, о темноголубом небе и всей пышности отчизны Гуль-гуль и Буль-буль, т.е. Розы и соловья*⁷⁴.

Другой участник Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Ф.П. Фонтон примерно в то же время писал П.И. Кравцову с европейского театра военных действий:

С тех пор как я нахожусь в Турции, я касательно так в Европе прославленной Азиатской роскоши совершенно был разочарован. Она только существует в воображении восточных поэтов. На деле в Турецком доме нигде ни порядочно присесть, ни спокойно прилечь нельзя; со всех сторон ветер дует, дождь через плохую крышу в комнату льется, везде грязь, неопрятность и нечистота; полинялые ковры, скучный и скудный фонтан, и углеродным газом дышущий *мангал*, то есть сосуд с угольями. Вот тебе что мне представляла Азиатская роскошь⁷⁵.

Годом ранее, вскоре после завершения Русско-персидской войны, генерал М.С. Жуковский писал жене из захваченного Тебриза:

---

⁷⁴ Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 2. С. 71; Марлинский А. Военный антикварий (Из Арзерума, 1829 года, в Октябре) // Альциона на 1832 год. СПб., 1832. С. 6. В том же выпуске «Альционы» были напечатаны «Пир во время чумы» и «На перевод Илиады» Пушкина.

⁷⁵ Фонтон Ф.П. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах. Лейпциг, 1862. Т. II. С. 156.

Ты пишешь, мой друг, что мы пользуемся здесь азиатскою роскошью. Эта роскошь в повестях только привлекательна, а здесь, в натуре, весьма незавидна. Когда повести писаны, тогда европейской утонченной роскоши еще не было. Теперь азиатская роскошь — скотская, непривлекательная для европейца с понятиями высшими⁷⁶.

Как Пушкин, так и участники русских войн с восточными деспотиями резко противопоставляли воочию увиденное воображаемому, прочитанному, приукрашенному. При этом Пушкин полемизировал не только с чужими представлениями, но и с байроническим ориентализмом своих собственных южных поэм, и прежде всего «Бахчисарайского фонтана», в котором, по слову одного из первых читателей поэмы, поэзия «дышит какою-то восточною роскошью и негою»⁷⁷. В хвалебной рецензии на поэму М.М. Карниолин-Пинский писал: «...стихи поэмы проникнуты духом восточных обычаев и цветут азиатскою роскошью, подчиненною законам образованного вкуса»⁷⁸. По точному наблюдению О.А. Проскурина, сам Пушкин, рассуждая о восточной экзотике у Томаса Мура и Байрона в письме Вяземскому от конца марта — начала апреля 1825 года, отталкивался от формулы Карниолина-Пинского: «К стати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он черес чур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидоской Невесте и проч.»⁷⁹ Очевидно, что Пушкин тогда не отрицал существование «восточной/азиатской роскоши», а лишь требовал подчинить ее изображение «законам образованного вкуса» по образцу Байрона.

В прозаическом описании Арзрума образы «азиатской роскоши» из «Бахчисарайского фонтана» резко снижены. Ханскому дворцу с шелковыми коврами и «золотом на стенах» соответствует дворец сераскира, который «казался разграбленным. <...> Диваны были ободраны, ковры сняты»; прекрасным мраморным фонтанам в «очаро-

⁷⁶ Цит. по: Эйдельман Н.Я. «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX века: Кавказский контекст). М., 1990. С. 135.

⁷⁷ Письмо Н.В. Путьты С.Д. Полторацкому, 9 января 1824 года // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 41.

⁷⁸ Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 13. С. 270; цит. по: Пушкин в прижизненной критике 1820–1827 / Под общей редакцией В.Э. Вацура, С.А. Фомичева. СПб., 1996. С. 209.

⁷⁹ Проскурин О.А. [Комментарий к «Бахчисарайскому фонтану»] // Пушкин А.С. Сочинения / Комментированное издание под общей редакцией Д.М. Бетеа. М., 2006. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. С. 289; Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1937. Т. XIII. С. 160.

вательных садах» — «два тощие фонтана»; прелестницам гарема и их «волшебным красам» — выглядывающие из окошка жены арзрумского паши, среди которых «не было ни одной красавицы». Только одна деталь поэмы (она, как отметил О.А. Проскурин, заимствована из «Гяура» Байрона⁸⁰) — «Сии надгробные столбы, / Венчанны мраморной чалмою» — переходит в «Путешествие в Арзрум» почти без изменений (ср. «За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною чалмою»), но и она сопровождается оговоркой: «...в них нет ничего изящного: никакого вкусу, никакой мысли...»⁸¹.

Еще одним адресатом пушкинской полемики, вероятно, была статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени», вошедшая в сборник «Арабески» (1835), где она соседствовала с «Несколькими словами о Пушкине». В ней Гоголь понаслышке восхищается восточной архитектурой, которую он именует «царством азиатской роскоши». Везде,

куда ни проникала только азиатская роскошь, огромная, великолепная, — пишет он, — та роскошь, которая блещет в их волшебных сказках, везде, куда ни проникала эта увешанная ожерельями дочь восточного воображения, — там стоят донны дворцы, великолепие которых изумительно. <...> Так величественный магометанин, в широким, убранном золотом и камнями платье, возлежит среди гурий, стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною⁸².

В конце января 1835 года, то есть примерно за месяц до начала работы над «Путешествием в Арзрум», Пушкин получил от Гоголя два экземпляра «Арабесок» и письмо с просьбой сделать для него замечания на одном из них⁸³. Судя по всему, эту просьбу Пушкин не исполнил, но его негодование по поводу самого понятия «азиатская роскошь» можно считать ответом косвенным. Кроме «азиатской ро-

⁸⁰ Там же. С. 345. Ср. описание мусульманского надгробного памятника в «Гяуре»: «A turban carved in coarsest stone, / A pillar with rank weeds o'ergrown» (The Works of Lord Byron: Complete in one volume. Francfort, 1826. P. 63). В авторском примечании к слову «turban» (чалма) говорится: «The turban, pillar, and inscriptive verse, decorate the tombs of the Osmanlies, whether in the cemetery or the wilderness» (Ibid. P. 730).

⁸¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.,] 1948. Т. VIII. Кн. 1. С. 478.

⁸² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. [М.; Л.,] 1952. Т. 8. С. 67–68.

⁸³ «Посылаю вам два экземпляра Арабесок... Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо» (Там же. [М.; Л.,] 1952. Т. 10. С. 347–348).

скоши», в «Путешествии в Арзрум» он, как представляется, возражал еще и против основных положений гоголевского панегирика «Несколько слов о Пушкине». Для Гоголя Пушкин прежде всего «певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии...». При этом, согласно Гоголю, в своем взгляде на «сторонний мир» Пушкин — «явление русского духа» *par excellence* — всегда национален, ибо «глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами»⁸⁴.

В «Путешествии в Арзрум», словно бы опровергая Гоголя, Пушкин постоянно дает понять, что реальный Кавказ (и, шире, Восток) вовсе не является предметом его любви и изображает нравы, культуру и быт горцев с отчужденным и брезгливым любопытством, без всякого романтического флера. По точному замечанию В.А. Кошелева, он «описывает «азиатское свинство» глазами путешествующего европейца — и на европейцев постоянно ссылается»⁸⁵. Как было многократно указано, жанровой и стилистической моделью ему послужили главным образом западноевропейские травелоги, прежде всего «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Шатобриана; он цитирует стихи по-латыни и по-английски, а во время путешествия всячески демонстрирует свою европейскость: вместе с каким-то французом вспоминает «пирования Илиады», в Тифлисе радуется домам новой европейской архитектуры, которые Гоголь нашел бы уродливыми, при посещении гарема осознает себя одним из редких европейцев, кому удалось проникнуть в святая святых Востока, при виде больных чумой ощущает «европейскую робость» и т.п.⁸⁶ Высоко образованный русский дворянин для него — это явление не столько «русского духа», сколько духа общеевропейского, противостоящего «азиатскому свинству».

*
* *

Как заметил академик В.В. Бартольд, предположение Пушкина о возникновении выражения «азиатская роскошь» во время крестовых

⁸⁴ Там же. Т. 8. С. 51.

⁸⁵ Кошелев В.А. Историсофская оппозиция «Запад — Восток» в творческом сознании Пушкина // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 167.

⁸⁶ См., например: Бицилли П. «Путешествие в Арзрум» // Белградский пушкинский сборник / Под ред. Е.В. Анненкова. Белград, 1937. С. 247–264; Комарович В.Л. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 326–338; Долинин А. Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России: Сборник статей. М., 2010. С. 120–123.

походов ошибочно: оно «гораздо древнее крестовых походов, — пишет ученый, — и встречается уже в латинской литературе (*Asiatica luxuria*); я встретил его в книге Августина (V в.н.э.) „*De civitate Dei*“ (III, 21); по всей вероятности, оно встречается и в более ранних памятниках». Однако, добавляет Бартольд, «не обладая большими историческими познаниями, Пушкин своим гениальным чутьем понял, что в средние века Западная Европа была такой же отсталой страной по сравнению с мусульманским миром, как в его время мусульманский мир по сравнению с Западной Европой»⁸⁷.

На самом деле о том, что крестоносцы, попавшие на Восток из бедных европейских стран, были поражены «азиатской роскошью» и начали ее перенимать, много писали и до Пушкина. Достаточно широкое хождение, например, получила следующая апофегма аббата Рейналя: «*Les Croisades épuisèrent en Asia toute les fureurs de zèle et d'ambition, de guerre et de fanatisme qui circulaient dans les veins des Européens; mais elles rapportèrent en Europe le gout du luxe Asiatique*» («Крестовые походы в Азии остудили всю ярость рвения и честолюбия, воинственности и фанатизма, которая пылала в жилах европейцев; но они принесли в Европу вкус к азиатской роскоши»)⁸⁸. Немецкий историк Арнольд Герман Геерен, хорошо известный в России, в своем труде «Опыт исследования последствий крестовых походов для Европы» («*Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa*», 1808) показал, что благодаря крестовым по-

---

⁸⁷ Бартольд В.В. «Азиатская роскошь» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. С. 404–405. Блаженный Августин использовал выражение «азиатская роскошь», говоря о порче нравов в древнем Риме при проконсуле Гнее Манлие Вульсоне (II век до н.э.): «*Deinde tunc primum per Gneum Manlium proconsulem de Gallograecis triumphantem Asiatica luxuria Romam omni hoste peior inrepsit. Tunc enim primum lecti aerati et pretiosa stragula visa perhibentur; tunc inductee in conuivia psaltriae et alia licentiosa nequita*» (в русском переводе XIX века: «После этого впервые занесена в Рим Гнеем Манлием, победителем галатов, азиатская роскошь, худшая всякого врага. Тогда впервые появились медные ложки и драгоценные покрывала; тогда введены певички на пирах и другие беспутные вольности» [Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского. Киев, 1880. Ч. III: О Граде Божьем. Кн. 1–7. С. 161]). Источником Августина, как указывают все комментаторы, послужило следующее место у Тита Ливия: «Именно это азиатское воинство впервые познакомило Рим с чужеземной роскошью, повнезая с собой пиришествственные ложа с бронзовыми накладками, дорогие накидки и покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева. Именно тогда повелось приглашать на обеды танцовщиц и кифаристок, шутов и пантомимов, да и сами обеды стали готовить с большими затратами и стараниями. Именно тогда стали платить огромные деньги за поваров, которые до этого считались самыми бесполезными и дешевыми рабами, и поварский труд из обычной услуги возвели в ранг настоящего искусства. Но это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов» (*Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1994. Т. III. С. 323*).

⁸⁸ Raynal G.-Th, abbé. *L'Histoire philosophique et politique des Établissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes*. Genève, 1783. Т. X. P. 146.

ходам в Европе появилось много новых вещей, которые «обогатили наши мастерские, наши конторы, нашу кухню и наши аптеки». Еще важнее, по его мнению, было то, что предметы восточной роскоши, прежде доступные только монархам и узкому кругу высшей знати, получили распространение во всех слоях общества, вследствие чего «способы одеваться, обставлять жилища и питаться существенно изменились»⁸⁹. На уроках истории в лицее Пушкин мог слышать то, что его учитель И.К. Кайданов вскоре напишет о крестовых походах в своем учебнике:

В сие время свет просвещения сиял в Восточной Империи и Азии. Посему невозможно было, чтоб Крестовые войны, проходя сии страны, не приобрели некоторых познаний. — Возвратясь в Европу, они начали, по мере круга действия своего, распространять новые мнения, мысли, истины, обычаи и выгоды, или удобства общественной жизни. Посему, по окончании Крестовых походов, явилось при Европейских Дворах более против прежнего блеска и великолепия, более пышности в увеселениях, более приятности в обхождении и вообще в гражданском общежитии⁹⁰.

Отлично знал он и конкретный пример подобных заимствований, приведенный И.М. Муравьевым-Апостолом в описании Бахчисарайского дворца, которое в сокращении печаталось как приложение к «Бахчисарайскому фонтану». Для защиты от солнечных лучей в одном из залов дворца — писал Муравьев-Апостол — «кроме ставней служат еще и цветные, узорчатые стекла в окнах, любимое рыцарских замков украшение, без сомнения занятое Европейцами от восточных народов, во время крестовых походов»⁹¹.

Крестоносцы, которые привозят в Европу всевозможные предметы «азиатской роскоши», нередко фигурируют в исторических романах пушкинской эпохи. Так, во второй главе «Айвенго» появляется живописная кавалькада рыцаря-тамплиера Бриана де Буагильбера, вернувшегося в Англию из Палестины, — оруженосцы, чья одежда «блистала роскошью»; шелковые наряды слуг-сарацинов, расшитые

---

⁸⁹ Я цитирую французский перевод «Опыта»: *Heeren A.H.L. Essai sur l'influence des Croisades. Paris, 1808. P. 399-400.*

⁹⁰ *Кайданов И.К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. СПб., 1821. Ч. II: История Средних веков. С. 152.*

⁹¹ *Пушкин А.С. Сочинения / Комментированное издание под общей редакцией Д.М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. С. 227; [Муравьев-Апостол И.М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 113.*

узорами; сабли и кинжалы тонкой работы с дорогой дамасской насечкой; легкие арабские скакуны. В примечании к этому месту Вальтер Скотт указывает, что рыцари-тамплиеры, «как всем известно, точно копировали роскошества азиатских воинов, с которыми сражались»⁹².

Таким образом, «гениальное чутье» в данном случае Пушкину не понадобилось. Он лишь, как всегда, сжато, но элегантно изложил общие места современной ему исторической науки и их популярные романические обработки.

---

⁹² Scott W. Ivanhoe. Oxford; New York, 1996 (Oxford World's Classics). P. 505.

КТО СКАЗАЛ «ВСЕ МЫ ВЫШЛИ
ИЗ „ШИНЕЛИ“ ГОГОЛЯ?»

Происхождение известной формулы «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя» (варианты: «Мы все»; «вышли из-под» «шинели Гоголя»; «гоголевской „Шинели“»; «гоголевской шинели»), которую с самого начала XX века обычно приписывают Достоевскому, оживленно обсуждалось в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Сначала С.А. Рейсер определил, что впервые формула была употреблена в статье «Ф.М. Достоевский» французского дипломата, переводчика и критика Эжена Мельхиора де Вогюэ (Marie-Eugène-Melchior, vicomte de Vogüé, 1848–1910), который, говоря о теме страдающего маленького человека в «Бедных людях», писал:

Il est vrai, Gogol avait fourni le theme dans sa nouvelle intitulée «Le Manteau». «Nous sommes tous sortis du „Manteau“ de Gogol» disent avec justice les auteurs russes; mais Dostoievsky substituait à l'ironie de son maître une émotion suggestive [Правда, Гоголь задал эту тему в повести, озаглавленной «Шинель». «Мы все вышли из „Шинели“ Гоголя», — справедливо говорят русские писатели; но Достоевский заменил иронию своего учителя на трогательное нас чувство]¹.

Он же указал и на первый, весьма нескладный русский перевод этого пассажа:

Правда, повесть Гоголя под заглавием «Шинель» дала уже тему. Русские писатели справедливо говорят, что все они «вышли из „Шинели“ Гоголя», но Достоевский иронию своего учителя заменил невольно вызываемым волнением².

Однако проследить дальнейшую историю формулы Рейсеру не удалось. Он упустил из виду статью Вогюэ о Гоголе, опубликованную несколько позже в том же журнале, где формула подана уже не как

---

¹ Vogüé V^{ic} E.M. de. Les écrivains russes contemporains: F.-M. Dostoievsky // Revue des deux mondes. 1885. T. XLVII. Janvier. P. 320; Рейсер С.А. «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“» // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 184.

² Вогюэ Э.М. де. Современные русские писатели: Толстой — Тургенев — Достоевский. М., 1887. С. 16 (3-й пар.); Рейсер С.А. Указ. соч. С. 184–185.

крылатая фраза, у которой нет автора, а как конкретное высказывание некоего старого русского литератора в разговоре с критиком:

Plus je lis les Russes, plus j'aperçois la vérité du propos que me tenait l'un d'eux, très-mêlé à l'histoire littéraire des quarante dernières années: «Nous sommes tous sortis du *Manteau de Gogol*». Si vous prenez Dostoïevsky, par exemple, la filiation est évidente: le terrible romancier est tout entière dans son premier livre, *les Pauvres Gens*, et *les Pauvres Gens* sont en germe dans *le Manteau* [Чем больше я читаю русских, тем лучше понимаю, как прав был один из них, тесно связанный с литературной историей последних сорока лет, когда сказал мне: «Мы все вышли из „Шинели“ Гоголя». Если взять, например, Достоевского, то преемственность очевидна: наводящий ужас романист уже весь присутствует в своей первой книге «Бедные люди», а «Бедные люди» в зародыше присутствуют в «Шинели»]³.

Более того, Рейсер не нашел знаменитую фразу и в книге Воюэ «Русский роман» («Le roman russe», 1886), составленной из опубликованных ранее журнальных статей о русских писателях в новой редакции, хотя эта фраза там имеется. Чтобы избежать дублирования, Воюэ оставил ее только в главе о Гоголе, отослав читателей за подробностями вперед, к главе о Достоевском («On verra plus loin combien la filiation est évidente chez Dostoïevsky»)⁴, но Рейсер, не обнаружив формулу на том месте, где она была в журнале, по недосмотру решил, что «Воюэ твердо отказался от сказанных ранее слов» и изъясил их из книги⁵.

На недосмотр Рейсера в специальной заметке указали С.Г. Бочаров и Ю.В. Манн, процитировавшие соответствующий фрагмент из «Русского романа» и предположившие, что писателем, «тесно связанным с историей литературы последних сорока лет», все-таки был Достоевский, который вступил в литературу в 1846 году, то есть ровно за сорок лет до выхода книги Воюэ. Согласно Бочарову и Манну, в «Бедных людях» — в эпизоде чтения Макаром Девушкиным «Шинели» — Достоевский показал, «как он выходит из гоголевской повести. Автор „Бедных людей“ „выходил“ из Гоголя в том смысле, что он продолжал его, развивал открытую им для литературы тему,

³ Vogüé Ve E.M. de. Les écrivains russes contemporains: Nicolas Gogol // Revue des deux mondes. 1885. T. LXXII. Novembre. P. 258.

⁴ Vogüé Ve E.M. de. Le Roman russe. Paris, 1886. P. 96.

⁵ Рейсер С.А. Указ. соч. С. 186.

и в том смысле, что он оспаривал Гоголя, давал его теме другой поворот, говорил свое „новое слово“»⁶.

Три года спустя Рейсер вернулся к истории формулы и, признав свои ошибки, выступил против ее атрибуции исключительно Достоевскому. По его мнению, Вогюэ упорно не называл имя писателя, от которого он слышал фразу, именно потому, что «эти (или близкие) слова произносил не один только Достоевский», и формула, «в выработке которой принимали участие многие русские писатели-реалисты», лишь суммировала распространенный взгляд на «Шинель» Гоголя как «на источник и начальный этап русской реалистической прозы»⁷. В подтверждение своей точки зрения он привел дневниковую запись О.Н. Смирновой о разговоре ее матери Александры Осиповны с Тургеневым после выхода в свет «Отцов и детей»:

Когда И.С. Тургенев задел ее и Гоголя в «Отцах и детях» <...> она от души смеялась и сказала ему: «Однако ж, Иван Сергеевич, все-таки вы сами вышли, по вашим же словам, из шинели Гоголя, а из-под каланчи <...> по ходатайству губернаторши. Ваш роман *chef d'œuvre*; ваши же друзья Герцены и компания его ругают, а Гоголь и губернаторша одобряют...»⁸

«Таким образом, — заключает Рейсер, — мы убеждаемся в том, что изучаемая нами формула, так сказать, висела в воздухе и неоднократно

⁶ Бочаров С., Манн Ю. «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“» // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 183–184.

⁷ Рейсер С.А. К истории формулы «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“» // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971. С. 187–189.

⁸ Шенрок В.И. А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь в 1829–1852 гг. // Русская старина. 1888. № 4. С. 67. Рейсер цитирует лишь слова А.О. Смирновой о «шинели Гоголя», по непонятной причине полагая их аутентичными (Рейсер С.А. К истории формулы... С. 188–189). Как известно, О.Н. Смирнова, большая выдумщица и мистификаторша, любила сочинять разговоры своей матери с известными людьми. Обращенные к Тургеневу слова А.О. Смирновой в ответ на выпад против нее и адресованных ей писем Гоголя, вошедших в «Выбранные места из переписки с друзьями», в «Отцах и детях» (где Базаров говорит о пребывании в имении Анны Сергеевны Одинцовой: «С тех пор, как я здесь, я препакоотно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше» [Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. Т. VII. С. 161]) кажутся одной из таких выдумок, поскольку Смирнова никакого отношения к освобождению Тургенева из-под «каланчи», то есть ареста в 1852 году, не имела: он провел в заключении весь месяц, назначенный ему Николаем I, и затем был сослан в имение Спасское. См.: Лемке Мих. Арест и высылка И.С. Тургенева в 1852 году // Русская мысль. 1906. Кн. II. С. 16–26 (2-й паг.). Фраза о «шинели Гоголя» явно анахронистична, по смыслу плохо согласуется с выдуманной фразой об аресте Тургенева и представляется позднейшей интерполяцией, навеянной чтением Вогюэ, с которым мать и дочь Смирновой были знакомы, или какой-то беседой с ним. В архиве Вогюэ сохранилась краткая запись их рассказов о Гоголе, но «Шинель» в ней не упомянута (см.: Röhl M. Le Roman Russe de Eugene-Melchior de Vogüé: Étude préliminaire. Stockholm, 1976 [= Stockholm Studies in History of Literature 16]. P. 121–122).

но произносилась различными писателями, большими и малыми, всеми, кто считал себя связанным с „натуральной школой“ и с ее вождем и основоположником»⁹.

Отталкиваясь от замечаний Рейсера, но не принимая его концепцию «суммарной формулы», Л. Долотова попыталась доказать, что скорее всего фраза принадлежала не Достоевскому и не целому сонму писателей-реалистов, а И.С. Тургеневу, которому, как показано в статье, ее несколько раз приписывали и ранее. Кроме О.Н. Смирновой, она называет князя А.И. Урусова¹⁰, а также ряд зарубежных писателей¹¹. К этому короткому списку можно прибавить еще Вл.З. Штепенко, плодовитого педагога из Керчи, автора ряда «пособий для исторического изучения русской словесности в средних учебных заведениях». В одном из них он писал: «Тургенев выразился однажды о себе и беллетристах сороковых годов: „Мы все вышли из гоголевской шинели“»¹². Однако никаких убедительных доказательств в пользу своей гипотезы Долотова не предложила.

Наконец, шведский исследователь Магнус Рёль высказал интересное предположение, что Вогюэ мог слышать формулу от Д.В. Григоровича, с которым он, как следует из статьи о Достоевском и книги «Русский роман», встречался в Петербурге и обсуждал историю публикации «Бедных людей»¹³. Определение «тесно связанный с историей литературы на протяжении последних сорока лет» подходит к Григоровичу значительно лучше, чем к Достоевскому и Тургеневу, которые все-таки сами эту историю определяли и которых к тому же в 1885 году уже не было в живых. Кроме того, именно Григорович в «Литературных воспоминаниях» утверждал, что в 1840-е годы все

⁹ Рейсер С.А. К истории формулы... С. 189.

¹⁰ См.: Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. II. С. 66.

¹¹ Долотова Л. Достоевский или Тургенев? // Вопросы литературы. 1972. № 11. С. 187–188.

¹² Штепенко Вл. Пособие для исторического изучения русской словесности в средних учебных заведениях. Керчь, 1906. Ч. IV: Пушкинская эпоха и Белинский, как ее истолкователь. С. 353.

¹³ Röhl M. Op. cit. P. 122. Ср.: «Un de ses camarades, M. Grigorovitch, qui tient une place honorée dans les lettres et m'a confirmé cette anecdote, porta le manuscrit chez Nékrassof» («Один из его [Достоевского. — А.Д.] товарищей, г-н Григорович, который занимает почетное место в литературе и который подтвердил мне этот анекдот, отнес рукопись [„Бедных людей“] Некрасову» [Vogüé V^{ic} E.M. de. Les écrivains russes contemporains: F.-M. Dostoievsky. P. 315; Idem. Le Roman russe. Paris, 1886. P. 208–209]). В дневнике Вогюэ отмечено посещение им музея Общества поощрения художеств, который он называет «замечательным созданием Григоровича», его основателя и директора (Journal du vicomte E.-M. de Vogüé: Paris — Saint-Petersbourg, 1877–1883 / Publié par F. de Vogüé. Paris, 1932. P. 99; запись от 18 октября 1878 года). Как указал Магнус Рёль, в дорожной тетради Вогюэ есть запись его разговора с Григоровичем 14 июля 1882 года о графине С.А. Толстой (Röhl M. Op. cit. P. 122).

«тогдашнее литературное молодое поколение», включая его самого и Достоевского, находилось под сильным влиянием Гоголя: «все в одинаковой степени были увлечены Гоголем; почти все, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя, преимущественно повести „Шинель“»¹⁴. Акцент на «Шинели» и ее воздействии на всех молодых писателей 1840-х годов, действительно, делает это высказывание, отмеченное Рёлем, самой близкой параллелью к обсуждаемой формуле. Не следует забывать, однако, что Григорович писал свои воспоминания в конце 1880-х годов, то есть уже после выхода статей и книги Вогюэ. Поэтому представляется весьма вероятным, что он вторил французскому критику, чтобы подтвердить истинность понравившейся ему формулы.

Вне поля зрения исследователей остались по меньшей мере два случая, когда фраза о «Шинели» атрибутировалась совсем иначе, чем в статьях и книге Вогюэ. Прежде всего обращает на себя внимание сокращенный английский перевод «Русского романа», вышедший в 1887 году в Бостоне, где соответствующее место читается так:

A late Russian politician and author once said to me: «Nous sommes tous sortis du manteaux de Gogol» [Один русский сановник и писатель, ныне покойный, как-то сказал мне: «Мы все вышли из шинели Гоголя»]¹⁵.

Трудно себе представить, чтобы переводчица решилась на столь резкое изменение, не имеющее никакой опоры в оригинале, без согласования с автором. Хотя ее перевод изобилует купюрами и не свободен от ошибок, никаких примеров полной отсебятины в нем не обнаруживается. Но если новая атрибуция формулы «покойному сановнику и писателю» отражает авторскую волю, то она исключает как Достоевского и Тургенева, которые никаких государственных постов не занимали, так и Григоровича — не только по той же при-

¹⁴ Полное собрание сочинений Д.В. Григоровича: В 12 т. / 3-е, вновь пересмотренное и исправленное автором издание. СПб., 1896. Т. XI. С. 275. Несколько ранее Григорович вспоминает о том, как у него «пробуждалось влечение к реализму, желание изображать действительность так, как она в самом деле представляется, как описывает ее Гоголь в „Шинели“, — повести, которую я с жадностью перечитывал» (Там же. С. 267).

¹⁵ Vogüé E.-M. de. *The Russian Novelists* / Transl. by Jane Loring Edmands. Boston, 1987. P. 68. Я перевожу английское «politician» как «сановник», потому что американская переводчица использовала его в тех случаях, когда у Вогюэ и процитированных им русских авторов речь идет о государственных деятелях и чиновниках высокого ранга. Так, она называет Матвея Ильича Колязина, персонажа «Отцов и детей», одним из «the younger politicians» (Ibid. P. 118), тогда как в русском оригинале он сановник и государственный муж, а в книге Вогюэ — «un haut fonctionnaire», «homme d'État», «un courtesan» (Vogüé Ve E.M. de. *Le Roman russe*. P. 177–178).

чине, но и потому, что в 1887 году он был еще жив. Это заставляет нас более пристально взглянуть на другие литературные знакомства Вогюэ в Петербурге.

Из ряда документов мы знаем, что чаще всего Вогюэ встречался с петербургскими литераторами в салоне графини С.А. Толстой, вдовы А.К. Толстого. По свидетельству К.Ф. Головина (впрочем, не самому надежному),

...это был в самом деле избранный кружок, в высокой степени изящный. Сама графиня Толстая в обществе показывалась мало, но к ней ездили охотно — подышать артистической атмосферой, завещанной покойным графом. У нее было на кого поглядеть: Гончаров, Достоевский, вероятно Тургенев, которого, впрочем, на пятницах я не встречал, и молодое еще, восходившее светило — высокоталантливый Владимир Соловьев. Вечера графини немножко походили на священнодействие. Литературные кумиры принимали благовонный дым камильниц и, как подобает кумиру, сами говаривали очень мало. <...> Гончаров был паразитически молчалив, а Достоевский мог просидеть целый вечер в такой мертвой неподвижности, что положительно напоминал курильщика опиума с крайнего Востока¹⁶.

Совсем другую картину рисует Лесков:

Дом графини Толстой был одним из приятнейших и посещался очень интересными людьми. Из литераторов у графини бывали запросто и не запросто виконт Вогюэ, Достоевский, Болеслав Маркевич и я. Раз был проездом Тургенев. Иногда в этом доме читали, но более беседовали и иногда спорили — небесстрастно и интересно¹⁷.

В дневнике Вогюэ отмечены три вечера в салоне Толстой. 17 (29) марта 1879 года он присутствовал на чтении Тургенева и Достоевского; 17 (29) января 1880 года беседовал с Достоевским, который развивал свою излюбленную идею всемирной отзывчивости русского духа и его преимуществ перед западным мышлением; 6 (18) марта того же года вел разговоры с дипломатом Ю.П. Бахметевым (внебрачным сыном графини), Маркевичем и Достоевским¹⁸. Кроме того, впоследствии

¹⁶ Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. I (до 1881 года). С. 322.

¹⁷ Лесков Н.С. О кувельном мужике и проч.: Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т. XI. С. 146.

¹⁸ Journal du vicomte E.-M. de Vogüé. P. 123, 164, 187; Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1821–1881. СПб., 1999. Т. III: 1875–1881. С. 310, 371, 388.

Вогюэ вспоминал еще одну беседу с Достоевским, который обличал мерзости западной цивилизации и Парижа, предвещая страшную гибель «новому Вавилону»¹⁹. Но на самом деле, конечно, он бывал у графини Толстой намного чаще, о чем свидетельствует его благодарное воспоминание о ней в письме к И. Гальперину-Каминскому от 27 августа 1892 года:

Если мне удалось схватить некоторые черты их [русских писателей] глубинного гения, если частое общение с авторами объяснило мне их книги, то всем этим я обязан одному человеку редких достоинств: скончавшейся несколько месяцев назад графине Толстой, вдове утонченного поэта Алексея Константиновича. У ее камелька согревались все лучшие русские умы. Я думаю, что никакой иностранец, приехавший с Запада, не смог бы разобраться в запутанных душах и мыслях, допустим, Достоевского или, скажем, Аксакова, если б их для него не освещал свет, исходивший, как из алмазной призмы, от всеобъемлющего духа этой необыкновенной женщины²⁰.

Из всех завсегдатаев салона графини Толстой, упомянутых выше, определению, данному в английском переводе «Русского романа», — «русский сановник и писатель, ныне покойный», — полностью соответствовал лишь один литератор: Болеслав Маркевич, скончавшийся 18 (30) ноября 1884 года в Петербурге. По свидетельству мемуариста, «как камергер, действительный статский советник, бывший чиновник, занимавший довольно видный пост члена совета министерства народного просвещения <...> Маркевич считал себя „аристократом крови“; как автор популярных в высших кругах рассказов и романов, он позволял считать себя литератором»²¹. Современники часто называли его «чиновником-литератором»²², а сам он именовал себя «литератором, действительным тайным советником»²³. И хотя

¹⁹ Banquet franco-russe du 26 octobre 1893: Discours prononcés par MM. E.-Melchior de Vogüé, de l'Académie française, Tatistcheff, Souvorine, E. de Roberty, Bonnat, de l'Institut, Émile Zola, Anatole Leroy-Beaulieu, de l'Institut, Komaroff, R. Canivet, A. Hébrard et Jules Simon, de l'Académie française. Paris, 1893. P. 13-14.

²⁰ Vogüé E.-M. de. Lettre inédite sur les études russes // Revue hebdomadaire. 1910. 9 avril. № 15. P. 149.

²¹ Либрович С.Ф. На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916. С. 354-355.

²² Майорова О.Е. Маркевич Болеслав Михайлович // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К-М. С. 520. Ср. о нем: «чиновник-литератор, очень красивый и видный» (Скальковский К. Воспоминания молодости (По морю житейскому). 1843-1869. СПб., 1906. С. 263).

²³ Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 357.

в 1875 году блестящая служебная карьера Маркевича прервалась, когда он был пойман на взятке, отставлен от службы в министерстве, лишен звания камергера и ненадолго выслан из столицы, ему быстро удалось восстановить прежнее положение в высшем свете, где его охотно принимали как сановника в отставке, популярного романиста и «баловня старых и молодых великосветских дам», умевшего занять их «своим умом, островами, анекдотами и пением»²⁴.

«Большой красноречивый»²⁵, «человек необыкновенно изящной внешности и утонченного обращения <...> говоривший очень интересно и красиво»²⁶, Маркевич при этом блистал не оригинальностью и глубиной суждений, а их отточенной формой. Как писал Лесков, он «всегда отличался недостатком собственных мнений и, по выражению одного из его светских приятелей, „всегда ехал у кого-нибудь в тороках“»²⁷. Недоброжелатели даже обвиняли его в том, что он ворует чужие каламбуры и остроты, о чем была написана злая эпиграмма Д.Д. Минаева:

Маркевич был совсем некстати
 В любостыжани обвинен;
 Однако все ж виновен он
 Пред целым обществом в растрате...
 Чужих *beaux mots*, чужих острот, —
 Их за свои он выдает²⁸.

И хотя сам Маркевич как писатель не из какой гоголевской шинели не выходил, ему было вполне по силам оформить в виде изящного афоризма достаточно банальную мысль о том, что изображение «бедных людей» в литературе 1840–1850-х годов было так или иначе связано с образом Акакия Акакиевича²⁹.

Косвенным свидетельством того, что Вогюэ, по всей вероятности, услышал формулу именно от Маркевича, может служить его отклик

²⁴ Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. LXXXI. № 7. С. 50.

²⁵ Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. I: За полвека. С. 204.

²⁶ Любимов Д.Н. Из воспоминаний // Достоевский в воспоминаниях современников / Сборник составлен А.С. Долиным. М., 1964. Т. II. С. 370–371.

²⁷ Лесков Н.С. Указ. соч. С. 153. «Ехать в тороках» значит «ехать пристегнутым к всаднику сзади».

²⁸ Цит. по: Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века / Сост. А. Островский. М.; Л., 1932. Т. II: 1840–1880. С. 208.

²⁹ Напомним, что еще в 1861 году Чернышевский, говоря об отношении писателей «натуральной школы» к народу, придумал похожий, но более грубый пейоративный каламбур: «Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — все это насквозь пропитано запахом „шинели“ Акакия Акакиевича» (Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1950. Т. VII. С. 859).

на смерть последнего в одном из «Писем из России» («Lettres de Russie»), печатавшихся в газете *Journal des débats*:

Les lettres russes viennent de faire une nouvelle perte par la mort de M. Markévich. Romancier facile, mêlé depuis un quart de siècle à toutes les luttes littéraires, Markévitch avait su intéresser le public en ressuscitant dans un cadre de fiction toute la chronique de la haute société sous les deux derniers règnes. Son œuvre est utile à consulter pour l'histoire des métamorphoses de cette société, mais on lui refuse généralement les qualités solides qui feront survivre les romans de ses trois grands rivaux, Tourguénef, Tolstoï et Dostoïevsky [Русская литература понесла новую утрату со смертью г-на Маркевича. Ловкий романист, связанный на протяжении четверти века со всеми литературными битвами, Маркевич умел заинтересовать публику, воскрешая в художественной форме всю летопись высшего света при двух последних царях. К его произведениям полезно обращаться, чтобы проследить историю этого общества, но, по общему мнению, им не достает тех солидных качеств, благодаря которым романы его трех великих соперников, Тургенева, Толстого и Достоевского, обеспечили себе долгую жизнь]³⁰.

Говоря, что Маркевич — это писатель, который на протяжении четверти века был *связан* (mêlé) с литературными битвами, Вогюэ, *mutatis mutandis*, использует то же определение, которое в статье о Гоголе и книге «Русский роман» он, как мы видели, дал литератору, сообщившему ему формулу «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя» (писатель, «тесно связанный с литературной историей последних сорока лет»). Если Вогюэ действительно подхватил формулу у «большого краснбая» Маркевича, становится понятно, почему он так не хотел назвать его имя. Ведь вышедшая из уст посредственного консервативного литератора с подмоченной репутацией, который к тому же в 1840-е годы, по слову хорошо знавшей его А.Я. Панаевой, «о литературе <...> и не помышлял»³¹ и, следовательно, не имел права претендовать на роль наследника Гоголя³², формула потеряла бы вес и никак не смогла бы стать тем, что мы сегодня называем мемом.

³⁰ *Journal des débats politiques et littéraires*. 1888. 14 décembre. P. 2.

³¹ Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. С. 102.

³² Сам Маркевич, правда, в мемуарах отнес себя к «людям поколения сороковых годов», которые испытали «могущественное влияние» своих литературных кумиров и смогли «служить отечеству своему незабвенную службу в деле освобождения русского народа от крепостного состояния и создать целый ряд высоко-художественных произведений, которым теперь начинают все более и более удивляться и завидовать иностранцы...» (Маркевич Б.М. Полное собрание сочинений: В 11 т. СПб., 1885. Т. 11. С. 382).

Вогюэ же явно стремился к тому, чтобы полюбившееся ему выражение превратилось в мем. Для этого в 1899 году он предлагает новое, уже четвертое (!) объяснение его происхождения. В статье «Русская литература: Великие годы и великие романисты, 1840–1880» («*La littérature russe: Les grandes années et les grands romanciers, 1840–1880*»), которая была опубликована вместе со своим английским переводом в гигантской тридцатитрехтомной международной антологии мировой литературы «*The Universal Anthology*», выходявшей при участии виднейших ученых и писателей Европы, он, наконец, приписывает формулу одному из «великих»:

«*Nous sommes tous sortis du Manteau de Gogol*», me disait un des grands romanciers de la génération suivante [«Мы все вышли из „Шинели“ Гоголя», сказал мне один из великих русских романистов следующего [за Гоголем] поколения]³³.

Или в английском переводе, где выбран вариант «из-под шинели»:

«*We have all come from beneath Gogol's Manteau*», said one of the great writers of the following generation³⁴.

Только теперь, когда ни графини Толстой, ни литераторов-завсегдаев ее салона (кроме Вл. Соловьева), ни тех писателей, начинавших в 1840-е годы, — Гончарова, Григоровича, Писемского, — которые могли бы причислить себя к последователям Гоголя, — уже не было в живых, Вогюэ решил придать формуле статус авторитетного высказывания русского классика мировой величины, по сути дела предложив желающим выбор между Достоевским и Тургеневым (Толстой, как известно, дебютировал только в 1852 году).

Можем ли мы верить четвертой атрибуции Вогюэ? Думаю, что нет, ибо, если б она была верной, ничто б не помешало ему с самого начала приписать формулу «великому романисту» и тем самым способствовать ее распространению. Однако именно эта — по всей вероятности, ложная — атрибуция была безоговорочно принята на веру русскими критиками, которые в большинстве своем из двух возможных кандидатов выбрали Достоевского. Если Google Books

---

³³ *The Universal Anthology: A Collection of the Best Literature, Ancient, Medieval and Modern, with Biographical and Explanatory Notes / Ed. by R. Garnett, L. Vallée, A. Brandl. London; New York; Paris; Berlin, 1899. Vol. XVII. P. XV.*

³⁴ *Ibid.* P. XXXIII.

не находит ни одного русского примера цитирования формулы Вогюэ до самого конца XIX века, то в период с 1901 по 1917 год ее все чаще и чаще приводят как подлинное высказывание Достоевского во многих статьях и книгах по истории русской литературы³⁵. Поскольку среди этих работ были самые популярные учебные пособия для средних и высших учебных заведений, апокрифическая фраза прочно укоренилась в сознании тех, кто получал образование в предреволюционные годы, и они-то, уже не сомневаясь в авторстве Достоевского, транслировали ее следующим поколениям. Так Вогюэ удалось создать успешный мем, который более ста лет размножается в русской, советской и постсоветской культурах и, кажется, не собирается сдавать свои позиции.

---

³⁵ См., например: *Соловьев Е.А.* Литературное движение XIX века в России // XIX век: Иллюстрированный обзор минувшего столетия. СПб., 1901 (Приложение к журналу «Нива»). С. 192; *Александровский Г.В.* Чтения по новейшей русской литературе. Киев, 1903. Вып. 1. С. 14; *Соловьев (Андреевич) Евг.* Очерки из истории русской литературы XIX века / 3-е изд. СПб., 1907. С. 483, 492; *Сиповский В.В.* История русской словесности. СПб., 1908. Ч. III. Вып. 2 (Очерки русской литературы XIX столетия 40–60-х годов). С. 302; *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века / 2-е изд. СПб., 1908. Т. I. С. 192; *Незеленов А.И.* История русской словесности для средних учебных заведений. М., 1909. Вып. III. С. 167; *Саводник В.* Очерки по истории русской литературы XIX века / 5-е изд. М., 1909. Ч. 2. С. 239; *Каллаш В.В.* Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1911. С. 167; *Венгеров С.А.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. II: Писатель-гражданин Гоголь. С. 90, 120; *Веселовский А.Н.* История новой русской литературы XIX века. М., 1917. С. 137.

ПРОПУЩЕННЫЕ ЗВЕНЬЯ В ИСТОРИИ ФОРМУЛЫ
«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»: 1946–1952

В 1952 году нью-йоркское Издательство имени Чехова выпустило в свет первое полное издание романа Набокова «Дар». Как ни странно, эмигрантская критика не обратила большого внимания на это событие. Известна лишь одна рецензия на «чеховское» издание — статья «Новое слово» в еженедельнике «Посев» (1952. 13 июля. № 28 [319]. С. 10), подписанная инициалами Г.А. Ее автором был один из редакторов «Посева» Г. Андреев (псевдоним Геннадия Андреевича Хомякова, 1909/1910–1984) — как он сам себя аттестовал, «бывший советский», попавший на Запад после немецкого плена и, по его признанию в рецензии, никогда прежде Набокова не читавший. В «Даре» он увидел «большое явление, значительность которого заключается в том, что он — своеобразное „новое слово“ в русской литературе». Набоков, писал Андреев-Хомяков, продолжил «искания новых литературных форм, отвечающих нашему современному сознанию», начатые «литературным серебряным веком — последние годы прошлого столетия и начало настоящего — с его символизмом и многими другими школами».

Удивительно, но факт: в 1952 году критик — эмигрант не первой, но второй волны — уверенно именуется литературу русского модернизма конца XIX — начала XX века «серебряным веком», как если бы это был устойчивый, общеупотребительный термин, хотя Омри Ронен в авторитетной книге об истории выражения утверждал, что оно приобрело популярность лишь «с конца 50-х и начала 60-х годов, сперва за пределами СССР, в эмиграции и среди зарубежных русистов, а потом и в метрополии»¹. Напомню, что, согласно Ронену, всем известное ныне клише ведет свое происхождение от заметки Н. Оцуца «Серебряный век» в парижских «Числах» (1932)², одного абзаца в статье В. Вейдле «Три России», впервые напечатанной в «Современных записках» (1937), а потом включенной в его книгу «Задача России» (1956)³, и фрагмента ахматовской «Поэмы без героя», опубли-

---

¹ Ronen O. The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature. Amsterdam, 1997. P. 2; Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел / 2-е изд., испр. М., 2000. С. 29.

² Оцуц Н. Серебряный век // Числа. 1932. Кн. 7/8. С. 174–178.

³ Как признает сам Ронен, из всех найденных им случаев употребления выражения «серебряный век» до 1940 года только В. Вейдле в эссе «Три России» назвал так

кованного в «Ленинградском альманахе» (1945)⁴. После Ахматовой оно встречается в обзорной статье Л. Страховского «The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism» (1959)⁵, которую Ронен

двадцатилетний период русской культуры, который «предшествовал ее революционному крушению». Согласно Вейдле, «серебряный век» «не столько творил, сколько воскрешал и открывал. Но он воскресил Петербург, воскресил древнерусскую икону, вернул чувственность слову и мелодию стиху, вновь пережил все, чем некогда жила Россия, и заново для нее открыл всю духовную и художественную жизнь Запада. Конечно, без собственного творчества все это обойтись не могло, и как бы мы строго ни судили то, что было создано за эти двадцать лет, нам придется их признать одной из вершин русской культуры. Эти годы видели долгожданное пробуждение творческих сил православной церкви, небывалый расцвет русского исторического сознания, долгие неизвестное общее, почти лихорадочное оживление в области философии, науки, литературы, музыки, живописи, театра. То, чем эти годы жили, что они дали, в духовном мире не умрет; только для России, теперь, всего этого, как будто и не бывало. Это могло быть предвестием расцвета и стало предвестием конца». «Людей серебряного века» Вейдле противопоставляет «передвижникам и знаньевцам <...> горьковским буревестникам, репинским бурлакам и [певцам] гражданской скорби из „Чтеца-декламатора“» (Вейдле В. Три России // Современные записки. 1937. № 65. С. 317–318; Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 98, 99). К этому пассажу Вейдле первым привлек внимание Р.Д. Тименчик в комментариях к «Поэме без героя» (см.: Ахматова А. Поэма без героя / Вступ. ст. Р.Д. Тименчика, сост. и примеч. Р.Д. Тименчика при участии В.Я. Мордерера. М., 1989. С. 90). Он же установил, что еще в 1927 году Александр Амфитеатров в лекции на итальянском языке, прочитанной во Флоренции, употребил выражение «серебряный век» применительно к русской поэзии начала XX века. Сообщение об этой лекции было напечатано в газете «Возрождение», где, в частности, говорилось: «Лектор закончил свой обзор краткой оценкой Вл. Соловьева и упоминанием поколения поэтов „серебряного века“, начиная с Бальмонта и кончая Ходасевичем и Ахматовой...» (И.Л. Чествование Амфитеатрова во Флоренции // Возрождение. 1928. 17 мая. № 1080. С. 3; Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2012. С. 22–23). Лекция была напечатана в генуэзском журнале *Le opere e i giorni* (я благодарен Эльде Гаретто и Р.Д. Тименчику за библиографическую справку). По Амфитеатрову, смерть Мирры Лохвицкой, «последнего поэта пушкинской школы», в 1904 году (на самом деле она умерла годом позже) ознаменовала конец «золотого века» («il secolo d'oro») русской поэзии. Однако в это время, пишет он, «уже расцвел век серебряный («fiorgiva già il secolo d'argento»). Век Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Александра Блока, Николая Гумилева, вплоть до поэтов сегодняшнего дня, Анны Ахматовой, Владислава Ходасевича и т.д. Это поколение подняло из праха кумир Пушкина и поставило его на пьедестал столь высокий и прочный, что его не смогла ниспровергнуть даже русская революция» (*Amfiteatroff A. L'Italia nella poesia russa classica // Le opere e i giorni: Rassegna mensile di politica, lettere, arti, etc. 1930. Vol. IX. № 11. P. 58*).

⁴ «На Галерной чернела арка, / В Летнем тонко пела флюгарка, / И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл...» Вне контекста поэмы и, следовательно, без противопоставления «золотому веку» («Золотого ль века виденье / Или черное преступенье / В грозном хаосе давних дней») «серебряный век» здесь мог восприниматься первыми читателями как мелиоративная метафора, синоним «блестящего века» (ср., например, в «Петербурге» Вяземского: «Блестящий век! и ты познал закат условный...»), а не как наименование культурно-исторической эпохи, у которого тогда было еще очень мало прецедентов применительно к России начала XX века. С другой стороны, античные представления о четырех «веках», носящих названия металлов, и традиционное вычленение «золотых» и «серебряных» веков в историях многих литератур — римской, еврейской, арабской, грузинской, английской и т.п. — создавали все предпосылки для понимания метафоры в стадиальном смысле.

⁵ *Strakhovsky L. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism // Canadian Slavonic Papers. 1959. Vol. IV. P. 61–87.*

называет банальной компиляцией⁶, и в мемуарной книге С. Маковского «На Парнасе Серебряного века» (1962). Именно броское заглавие книги, подкрепленное авторитетом Бердяева, которому Маковский ошибочно приписал авторство формулы «серебряный век»⁷, считает Ронен, прежде всего ответственно за широкое распространение этого «обманчивого понятия и нечеткого выражения»⁸.

Если принять хронологию Ронена, то «серебряный век» в рецензии на «Дар» Хомякова-Андреева должен показаться необъяснимым анахронизмом. Обстоятельства биографии Хомякова — в 1927 году, вскоре после окончания средней школы в городе Царицыне, он был арестован за попытку перейти границу, потом долго сидел на Соловках и в тюрьмах, после освобождения жил в провинции, работал на фабрике — исключают его знакомство со статьями Оцуа и Вейдле в эмигрантских журналах 1930-х годов. Едва ли знал он и более ранние случаи употребления выражения «серебряный век» у Пяста, Иванова-Разумника и Глеба Марева, указанные Роненом (при том что все они вкладывали в него другие значения). Судя по его многочисленным статьям и книгам, поэзией он никогда особенно не интересовался и редкую публикацию Ахматовой наверняка не видел.

Более того, в эмигрантской критике начала 1950-х годов выражение встречается не только у Хомякова. Так, в рецензии на сборник Георгия Иванова «Портрет без сходства» Н.Е. Андреев писал в «Гранях»: «Георгий Иванов, „замеченный и благословенный“ самими Гумилевым и Ахматовой, „Вениамин серебряного века“ русской поэзии, — поэт по самой сущности своей: легкий по ритмам, музыкальный, знающий цену слову, пленяющий стихом — четким, выпуклым, удивляющим даже привыкших к выразительности русской поэтической речи»⁹. В редакционной врезке к републикации двух ранних стихотворений Мандельштама («Уничтожает пламень...» и «Как тень внезапных облаков» [по «Аполлону» — с ошибкой: «Священных мимо берегов» вместо «Смущенных мимо берегов»]) в мюнхенском журнале «Литературный современник» [главный редактор Б. Яковлев] говорилось: «Трудно назвать другого поэта серебряного века, так самозабвенно отдавшегося поэзии и не замечавшего про-

⁶ Ronen O. Op. cit. P. 43; Ронен О. Указ. соч. С. 74.

⁷ См.: «Томление духа, стремление к „запредельному“, пронизало наш век, „Серебряный век“ (так называл его Бердяев, противопоставляя пушкинскому „Золотому“), отчасти под влиянием Запада» (Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 10).

⁸ Ронен О. Указ. соч. С. 84. В английском оригинале иначе: «ambiguous appellation» (Ronen O. Op. cit. P. 52).

⁹ Тверской П. [Андреев Н.Е.] Всерьез или нарочно // Грани. 1951. № 11. С. 181.

исходивших событий, как Осип Мандельштам. Он шел в литературе своей собственной походкой»¹⁰.

Эти факты указывают на то, что в хронологии Ронена есть существенные лакуны, которые необходимо заполнить. Мы можем назвать три важных, но не учтенных исследователем послевоенных источника — два русских и один франкоязычный, — благодаря которым выражение «серебряный век» окончательно вошло в обиход как термин, обозначающий определенный период истории русской литературы и культуры. Во-первых, это большая обзорная книга И.И. Тхоржевского «Русская литература», вышедшая в Париже в 1946 году, а затем переизданная с поправками и дополнениями в 1950-м (она известна главным образом по разгромной рецензии на нее Бунина¹¹). В главе «Конец „Золотого века“ русской поэзии», посвященной поэзии Фета, Майкова и Полонского, Тхоржевский заметил, что ими «завершился «золотой век» русской поэзии, и вступил в полемику с Владимиром Соловьевым, который, по его словам, «ошибочно относил их уже к веку „серебряному“»¹². Соловьев, как известно, использовал выражение «серебряный век» лишь однажды, в статье «Импрессионизм мысли» (1897) о Случевском, назвав последнего «одним из немногих еще остающихся достойных представителей „серебряного века“ русской лирики»¹³. Однако в том же 1897 году приготавливалась к печати его книга «Серебряный век русской лирики (опыт философской критики)», о чем сообщало рекламное объявление на обложке 3-го издания «Духовных основ жизни»¹⁴. В нее, судя по всему, должны были войти, кроме «Импрессионизма мысли», другие литературно-критические статьи Соловьева 1890-х годов: «О лирической поэзии: По поводу последних стихотворений Фета и Полонского», «Буддийское настроение в поэзии», «Поэзия Ф.И. Тютчева», «Поэзия гр. А.К. Толстого», «Поэзия Я.П. Полонского». Ясно, что лирикой «серебряного века» Соловьев

¹⁰ Литературный современник: Журнал литературы и критики (Мюнхен). 1952. № 3. С. 51.

¹¹ Бунин И. Панорама // Русские новости. 1946. 30 августа. № 68. С. 4. В предисловии ко второму изданию книги Тхоржевский писал: «Первое издание этой книги разошлось очень быстро и вызвало в печати широкий отклик: и резкую брань, и восторженные похвалы, и придирчивые критические разборы. Настойчивый спрос на книгу, во всяком случае, продолжается, — так что полезность ее доказана» (Тхоржевский И. Русская литература / 2-е изд., испр. и доп. Париж, 1950. С. 6).

¹² Там же. С. 391.

¹³ Соловьев В. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 8. С. 71; первая публикация: Русское приложение к международному журналу «Cosmopolis». 1897. № 4. С. 34–40; см.: Ропен О. *Op. cit.* P. 62–63.

¹⁴ См. об этом: *Иезутова Л.А.* Что называли «золотым» и «серебряным веком» в культурной России XIX — начала XX века // Гумилевские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 17–18.

называет творчество поэтов, активно работавших в 1850–1880-е годы. Для Тхоржевского же этими поэтами завершается «золотой век» русской поэзии, а «„серебряный век“ придет позднее, с Бальмонтом, — и достигнет высшего напряжения и расцвета в Блоке»¹⁵. В главе «Проблески свежести в поэзии конца века» (Фофанов, Случевский, Анненский) он дает такую периодизационную схему:

Между «золотым веком» русской лирики, тем, что оборвался на Полонском, — и новым, «серебряным веком» русской поэзии (Бальмонт — символисты — Блок, Есенин, Ахматова), — протянулась полоса поэтического безвременья; впрочем, не безусловного. Были и тогда проблески свежести, новых художественных приемов¹⁶.

Одна из следующих глав имеет название «Начало „Серебряного века“ русской лирики», и в ней Тхоржевский пишет:

Бальмонт первый воскресил в русских читателях на склоне XIX века любовь к стихам, остывшую в дни гражданской поэзии. Символисты вошли уже в брешь, пробитую им, Бальмонтом. Он первый бросил, в стихах, открытый вызов слабющему реализму. Им начат новый, серебряный век русской лирики¹⁷.

Хотя Тхоржевский, как и Владимир Соловьев, относит термин только к русской лирике, достаточно точно очерченные границы периода — от Бальмонта до Есенина и Ахматовой — позволяют при желании расширять его значение. Любопытный пример такого расширения обнаруживается в рецензии Бориса Ширяева, еще одного писателя из «бывших советских», на сборник прозы Марины Цветаевой, вышедший в Издательстве имени Чехова. Упомянув «замечательную работу» Тхоржевского, Ширяев повторяет его формулу, когда утверждает, что Цветаевой в юности были «впитаны и восприняты всем ее существом наркотические туманы пресловутого „серебряного века“ русской лирики»; в первые годы после революции, когда «толпы поэтов и поэтиков заполняли эстрады литературных кружков и поэтических кафе, — пишет он, — вождем этой банды был идеолог и центральная фигура „серебряного века“, поэт с крепко установившимся именем — Валерий Брюсов»; почти

¹⁵ Тхоржевский И. Указ. соч. С. 391.

¹⁶ Там же. С. 425.

¹⁷ Там же. С. 459–460.

все поэты поколения Цветаевой в эмиграции, в его формулировке, тоже были «последышами серебряного века». Однако в конце статьи он уже говорит о «серебряном веке» как об этапе, пройденном не только поэзией, но и всей русской творческой интеллигенцией¹⁸.

Решающую же роль в утверждении выражения как названия определенного историко-культурного периода сыграла статья Юрия Иваска «Серебряный век», напечатанная в двух номерах еженедельника «Посев» 13 и 20 марта 1949 года под псевдонимом «Ю. Иссако»¹⁹. Иваск, в 1930-е годы таллинский поэт и критик, пытавшийся издали участвовать в литературной жизни русского Парижа и напечатавший несколько стихотворений в «Числах» (№ 10. С. 8–9: «Утро воскресенья...» и «Не моргая в пространство глядит...») и «Современных записках» (1934. № 56. С. 213: «Баратынский»; 1936. № 60. С. 195–196: цикл «Младший брат»), должен был знать статьи Оцуа и Вейдле в тех же журналах²⁰. Скорее всего, ему была известна и книга Тхоржевского, поскольку он начинает статью с глухой отсылки к своим недавним предшественникам:

Теперь все чаще говорят о Серебряном веке русской культуры. Этот Серебряный век противопоставляется Золотому веку: время Блока — времени Пушкина. Конечно, это обозначение очень условно, как все вообще *клички*, даваемые эпохам. Жизнь всегда сложнее, значительнее всех градаций, классификаций, но все-таки без какого-то разграничения исторического времени не обойтись. Начало Серебряного века приурочивается к 90-м годам.

Вопреки Тхоржевскому и с явной оглядкой на Вейдле Иваск описывает Серебряный век как исключительно продуктивный период в развитии не поэзии, а всей русской культуры, как — спародируем современную терминологию — постреализм²¹, открывший «новые духовные просторы, которые и не снились писаревским „мыслящим

¹⁸ Ширяев Б. Излом и вывих [рец. на: Марина Цветаева. Проза. Изд-во имени Чехова] // Возрождение. 1954. № 32 (Март–апрель). С. 143–146.

¹⁹ В записке, присланной Г.П. Струве в октябре 1971 года, Иваск объяснял: «В *Посеве* я не подписывался „Иваск“, так как не сочувствовал НТСоюзу, но что-то хотел сказать читателям этого журнала-газеты. ISSAKO — название имени моего деда в Лифлянд-ской губ-ернии». Оно было продано приблизительно в 1906 г.» (Ivask J. Correspondence 1970–71 // Gleb Struve Papers 1810–1985. Hoover Institution Archives. Stanford University. Box 91. Folder 4; я сердечно благодарен Р.Д. Тименчику, приславшему мне копию этой записки).

²⁰ В записке для Г.П. Струве Иваск заметил: «Позднее Ник. Авдеевич Оцуп упрекнул меня в том, что я не упомянул его статьи, но тогда, в Гамбурге, я не имел возможности ее перечитать» (Ibid.).

²¹ Термином «модернизм» Иваск не пользуется, а слово «модернист» называет «со-всем уж несурразным».

реалистам“ и всяким „критически мыслящим личностям“ середины 19 века». Его главная особенность — «в установлении той иерархии культурных ценностей, которой не было во второй половине 19 века, когда преобладала иерархия преимущественно гражданских, социальных ценностей». Согласно Иваску, в Серебряный век «наряду с поэзией, философией» расцвели живопись, театр, балет; «новые веяния охватили также церковные круги»; «обновилась связь и с Золотым веком, с пушкинской эпохой»²².

На собственный вопрос «Что же дал Серебряный век?» Иваск отвечает так:

Русское искусство перестало быть «служанкой» социологии, обществу. Поэзия самого большого поэта той эпохи — Блока была на службе свободного творчества духа, но она была также на службе родины, России. <...> До высот Блока никто из его современников не поднимался. Но, конечно, в рамки только эстетики не укладывается также творчество других поэтов его поколения <...> Они все и их читатели <...> жили или пытались жить творческой, т.е. единственно достойной жизнью, они свободно осмысливали и свободно строили свою жизнь.

В Серебряный век было также реабилитировано «право» молиться, был преодолен (восходящий ко временам Вольтера) предрассудок, что думающий человек не может быть религиозен. <...>

Нельзя не упомянуть также о болезнях, пороках Серебряного века. Эстетством грешили скорее низы, но декадентством, болезненным упоением гибелью, роком отмечено и искусство верхов. Есть тонкий духовный (и поэтому особенно соблазнительный) яд и в блоковской поэзии, например, в таких его как будто невинных, но на самом деле странно кошунственных стихах, как: «В голубой далекой спаленке...»

Также за мечтаниями о тысячелетнем царстве святых <...> о Новом Иерусалиме, в вещаниях о Дионисе (Вяч. Иванов), о Христе и Антихристе (Мережковский) чувствовалось иногда известное духовное легкомыслие, иногда даже безответственность и распущенность. Для светских же богословов духовное преображение мира (общества, космоса) заслоняло реальность личного духовного преображения.

Но судить будем <...> не по худшему, а по лучшему, и, стараясь понять самую сущность явления.

При всех своих пороках и болезнях Серебряный век был отмечен творческим размахом большого стиля и горением духа²³.

²² Иссако Ю. Серебряный век // Посев. 1949. 13 марта. № 11. С. 11.

²³ Там же. 20 марта. № 12. С. 11.

После революции, заключает Иваск, добрая половина лучших представителей Серебряного века оказалась в эмиграции, где «Серебряный век как-то продолжался и даже продолжается». Некоторое время длился он и в советских условиях, пока культура там пользовалась относительной свободой. Не только Вольфила и «Записки мечтателей», но и Серапионовы братья, критики-формалисты, поэты-имажинисты, даже Маяковский «целиком определялись еще культурой Серебряного века». Однако в начале 1930-х годов в СССР наступил ледниковый период, и эпоха, которой коснулось ледяное дыхание революции, преждевременно закончилась. Ее лебединой песнью, по Иваску, был неожиданно появившийся в 1940 году сборник стихов Ахматовой «Из шести книг»²⁴.

Сейчас суждения Иваска кажутся банальными, но в конце 1940-х они были еще не затасканы и должны были произвести сильное впечатление на новое поколение читателей, особенно на эмигрантов второй волны, выучеников советских школ и вузов, открывавших тогда для себя недавнее прошлое русской культуры, о котором они имели самое смутное представление. Именно они были адресатом статьи в «Посеве», о чем сам Иваск писал в записке для Г.П. Струве: «Моя статья популярная — о дореволюционной культуре; написана для новой эмиграции»²⁵. Нет никакого сомнения в том, что в рецензии на набоковский «Дар» Хомяков отталкивался именно от статьи Иваска, напечатанной в журнале, который он сам редактировал.

Осенью 1949 года Иваск переехал из Германии в США и начал сотрудничать с «Новым журналом», где продолжил при каждом удобном случае поминать Серебряный век. Так, в статье «О послевоенной эмигрантской поэзии» (1950) он делает это трижды. Обсуждая новые стихи Анны Присмановой, которая, по его словам, «пытается приспособить для своих целей трехсложные некрасовские размеры и переделывает на свой лад (*остраняет*, как сказали бы формалисты школы Виктора Шкловского) некрасовский язык», Иваск замечает: «Эти попытки вполне закономерны после каждой большой поэтической эпохи. Ведь за нами Серебряный век русской поэзии, и давно уже чувствуется, что мы в каком-то лирическом тупике. По-видимому, поэзия должна стать более прозаической,

---

²⁴ Там же. С. 12. Иваск не упоминает о публикации в 1945 году в «Ленинградском альманахе» тех фрагментов «Поэмы без героя», где встречается выражение «серебряный век». Вероятно, эта публикация осталась ему неизвестной.

²⁵ См. примеч. 19.

и по языку, и по темам»²⁶. При этом он признает, что «благодаря традициям (все слабеющим) Серебряного века, эмигрантские поэты обычно достигают общеобязательного культурного опыта», и хвалит Ольгу Анстей, поэта из «бывших советских» за то, что она «почти владеет культурой стиха Серебряного века»²⁷. В следующем номере «Нового журнала» Иваск рецензирует поэтический сборник Дмитрия Кленовского и опять не обходится без упоминания о Серебряном веке: «Кленовский вырос в Царском Селе, знал Гумилева, начал писать стихи более тридцати лет назад, печатался редко, и вот, наконец, выпустил книгу итогов. Стихи — прекрасные. В них слышатся отголоски столь рано оборвавшегося Серебряного века русской поэзии. Но голос у Кленовского — свой: тихий, мелодический, слегка надтреснутый»²⁸.

К этому времени определение русской предреволюционной культуры как Серебряного века уже было знакомо не только русским, но и франкоязычным читателям, интересующимся Россией, ибо так называлась глава («L'âge d'argent») в книге Владимира Вейдле «Russie absente et presente» («Россия отсутствующая и присутствующая»), вышедшей в Париже в 1949 году, одновременно со статьей Иваска. В ней Вейдле расширил и конкретизировал свое описание Серебряного века из эссе «Три России», упомянув многие его достижения и культурные институции: «Мир искусства», МХТ, театр Мейерхольда, балет Дягилева; поэзию символистов двух поколений, акмеистов, Ходасевича, Бунина; прозу Андрея Белого, Сологуба, Ремизова, Кузмина, Зайцева; музыку Скрябина и Стравинского; выставки икон и нового искусства. Серебряный век, писал Вейдле, был отмечен очень высоким уровнем культуры, новыми эстетическими идеями и художественными формами, новым отношением к культурному наследию — возрождением Пушкина, переоценкой Баратынского и Тютчева, нетрадиционными прочтениями Гоголя и Достоевского, интересом к церковной архитектуре и иконописи и, главное, стремлением к сближению с Западом. Его затопили волны социальных потрясений, но участь Серебряного века не была мгновенной: в слабой спорадической форме он дотянул в СССР примерно до 1930 года, а среди эмигрантов еще длится»²⁹.

²⁶ Иваск Ю. О послевоенной эмигрантской поэзии // Новый журнал. 1950. № 23. С. 204.

²⁷ Там же. С. 213, 209.

²⁸ Иваск Ю. [Рец. на:] Д. Кленовский. След жизни. 1950; Владимир Варшавский. Семь лет. Париж, 1950 // Новый журнал. 1950. № 24. С. 297.

²⁹ Weidlé W. Russie absente et presente. Paris, 1949. P. 140–146.

В 1952 году в США был издан перевод книги Вейдле³⁰, который получил недурную прессу. Симптоматично, что по крайней мере два американских рецензента подхватили у Вейдле выражение «Серебряный век» («Silver age»)³¹. Таким образом, тщаниями Тхоржевского, Иваска и Вейдле значение выражения нормализовалось не к концу, а к началу 1950-х годов, когда оно получило статус историко-литературного и историко-культурного термина и прочно вошло в обиход эмигрантской критики и западной славистики³².

Как мы знаем из книги Ронена, далеко не все знатоки русской литературы нашли этот термин удачным³³. Самым его непримиримым противником (если, конечно, не считать автора «The Fallacy of the Silver Age in the Twentieth-Century of Russian Literature») был Г.П. Струве, который в 1955 году, в рецензии на первую книгу мемуаров Сергея Маковского писал:

С.К. Маковский — едва ли не последний из могикан — после смерти в 1949 г. Вячеслава Иванова — того периода русской литературы, который с недавних пор стало принято называть «серебряным веком». Не знаю, кто первый пустил в оборот это наименование (едва ли не Ю.П. Иваск в «Гранях» или в «Посеве»), но оно, к сожалению, как будто привилось и пустило корни. Мне оно все же кажется неправильным, и я предпочитаю выражение «серебряный век» употреблять в его традиционном применении (например, в прекрасной английской «Истории русской литературы» кн. Д.П. Святополк-Мирского) к тому периоду в истории русской поэзии, который характеризуется именами А.Н. Майкова, гр. А.К. Толстого и т.д. О блестящем же периоде

³⁰ Weidle W. *Russia: Absent and Present* / Transl. by A. Gordon Smith. New York, 1952 (глава «Silver Age»: с. 87–91). В том же 1952 году в нью-йоркском Издательстве имени Чехова вышел в свет сборник статей Вейдле «Вечерний день: Отклики и очерки на западные темы». В нем было напечатано эссе «Островитяне», представлявшее собой переработку его старой статьи «Об английской литературе» (Возрождение. 1930. 20 февраля. № 1724). Если в газетной статье Вейдле писал об искаженном восприятии английской литературы в России начала XX века, ссылаясь на бальмонтовские переводы Шелли и «смешное превознесение Уайльда невежественными поклонниками», то в книге ограничился одной фразой: «В серебряный век нашей литературы, накануне революции, английские влияния у нас не первенствовали» (с. 77).

³¹ Rosenfeld I. *Cultures in Conflict* // *The New York Times Book Review*. 1952. September 14; Meisel J.H. *Stalinism in Retrospect* // *The Quarterly Review: A Journal of University Perspectives*. 1952. Vol. LIX. № 10 (December 6). P. 313.

³² В *Russian Review*, главном американском славистическом журнале того времени, его впервые употребил Л. Страховский в статье о Борисе Зайцеве: «...Zaitsev is an outstanding representative of that silver age of Russian literature which formed a real renaissance in the decade before the Revolution of 1917» (*Strakhovsky L. Boris Zaitsev — the Humanist* // *The Russian Review*. 1953. Vol. 12. № 2. P. 95).

³³ Ronen O. *Op. cit.* P. 4, 93–94; Ронен О. Указ. соч. С. 32–33, 122–124.

в истории не только русской поэзии, но и русского искусства, и русской духовной культуры вообще, начавшемся в конце 90-х годов и продолжавшемся до революции, следует говорить как об эпохе Русского Ренессанса или как о втором «золотом веке» (если первым считать не с чем не сравнимую пушкинскую пору, русский «ампир»)³⁴.

Ронен цитирует близкое по смыслу вступление Струве к его англоязычной статье «The Cultural Renaissance», написанной пятнадцать лет спустя:

In speaking of Russian literature of the first decade and a half of the present century, it has become usual to refer to the Silver Age. I do not know who was the first to use this appellation, on whom the blame for launching it falls, but it came to be used even by some leading representatives of that very literature — for example, by the late Sergei Makovsky, the founder and editor of that important and excellent periodical, *Apollon*, and even by the last great poet of that age, Anna Akhmatova (1889–1966).

I regard this usage as very unfortunate and never tire of pointing this out when I deal with this period of Russian literature in my lectures and writings. I greatly prefer the designation of the late Prince Dmitry Svyatopolk-Mirsky (D.S. Mirsky), who also belonged to this period — namely, “the Second Golden Age of Russian Poetry”. This description certainly fits the poetry of this period <...> for an overall description of it I should prefer such a term as *Renaissance*. It was indeed a Russian cultural renaissance, encompassing all the areas of cultural and spiritual life — arts, letters, philosophy, religious, social, and political thought; a period of great richness, variety and vitality.

[Говоря о русской литературе первых полутора десятилетий нашего века, стало принято называть это время Серебряным веком. Не знаю, кто первый употребил такое наименование и кого винить за то, что оно было пущено в оборот, но только им стали пользоваться даже и некоторые ведущие представители этой самой литературы — например, покойный Сергей Маковский, основатель и редактор «Аполлона», превосходного, игравшего тогда важную роль журнала, и даже последний великий поэт той эпохи — Анна Ахматова (1889–1966).

Мне это выражение представляется крайне неудачным, и когда в лекциях и в печати я касаюсь этого периода, то не устаю повторять, что предпочитаю наименование, данное ему покойным князем Дмитрием Святополком-Мирским, тоже принадлежавшим к этой эпохе, —

³⁴ Струве Г. Летописец русского Ренессанса // Грани. 1955. № 25. С. 208–209 (рец. на: Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955).

«Второй Золотой век русской поэзии». Безусловно, это определение хорошо соответствует поэзии того времени <...> [но] для описания эпохи в целом я предпочитаю термин *Ренессанс*. Это был воистину русский культурный ренессанс, охватывавший все области культурной и духовной жизни — искусство, литературу, философию, религиозную, общественную и политическую мысль; период большого богатства, разнообразия и жизненной силы]³⁵.

Неясно, почему на этот раз Струве не упомянул Иваска — по забывчивости, по зловредности или потому, что не захотел ввязываться в споры о приоритете, поскольку Н. Оцуп в конце жизни успел подготовить к печати новую редакцию своей статьи 1932 года, добавив к ней несколько страниц, переименовав ее «Серебряный век русской поэзии» и заявив в начале: «Пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы»³⁶. Зато Струве снова вспомнил Маковского, а в примечании к процитированному пассажиру посетовал, что тот дал второй книге своих мемуаров название «На Парнасе Серебряного века». Ирония здесь заключается в том, что Маковский наверняка читал рецензию Струве на свои «Портреты современников», в которой он был назван «едва ли не последним из могикан <...> того периода русской литературы, который <...> принято называть „серебряным веком“» и, скорее всего, именно из нее взял для названия своей книги понравившееся ему выражение, хотя по ошибке старческой памяти и приписал его Бердяеву. Так что можно с уверенностью утверждать, что выражением «Серебряный век» мы обязаны не только Вейдле, Тхоржевскому, Иваску и Маковскому, но и невольнo примкнувшему к ним Струве.

Из вышеизложенного следует, что в увлекательной книге Омри Ронена прослежена и описана отнюдь не история, а лишь предыстория выражения. Непомерно большое значение Ронен придает статье Н. Оцупа 1932 года в «Числах», которая, по его словам, «подсказала забывчивому старику Маковскому удачное заглавие для мемуаров (1962) и вдохновила лирические излияния о «серебряном веке русской поэзии» Страховского (1959) и многих других критиков в эмиграции»³⁷. На самом деле путаная статья Оцупа едва ли могла

³⁵ *Struve G. The Cultural Renaissance // Russia under the Last Tsar / Ed. by T.G. Stavrou. Minneapolis, 1969. P. 179–181.* Ронен цитирует только первый абзац этого рассуждения: *Ronen O. Op. cit. P. 4; Ронен О. Указ. соч. С. 33.*

³⁶ *Оцуп Н. Современники. Париж, 1961. С. 127.*

³⁷ *Ronen O. Op. cit. P. 52; Ронен О. Указ. соч. С. 84.*

кому-нибудь что-то подсказать или кого-то вдохновить, потому что речь в ней, вопреки позднейшим утверждениям автора, шла вовсе не о «модернистической русской литературе», а о двух типах творческого сознания, сосуществующих в каждую историческую эпоху. В художниках «золотого века», по его типологии, выражает себя некая стихия, как у Микеланджело, Данте, Пушкина, Тютчева или Блока; художники же «серебряного века» «предоставлены только своим силам. За них ничто уже не действует, не говорит»; они труженики, а не стихийные гении. В поэзии, согласно Оцупу, «серебряный век» представляют такие поэты, как Баратынский, Бодлер, Анненский. Только в поздней редакции статьи — или, вернее, только на добавленных к ней страницах, которые, судя по всему, были написаны уже в самом конце 1950-х годов, — Оцуп, вслед за Тхоржевским, Иваском и Вейдле, но не упоминая их, безуспешно попытался применить дихотомию «золотой век/серебряный век» к историческому описанию двух периодов русской литературы, пушкинского и модернистского.

Как кажется, в 1930-е годы на статью Оцупа не обратили внимания, и она не вызвала никаких откликов. Показательно, что в рецензиях на соответствующий номер «Чисел» трех столпов эмигрантской критики — Ходасевича в «Возрождении» (1933. 5 января. № 2774), Адамовича в «Последних новостях» (1933. 19 января. № 4320) и П. Пильского в «Сегодня» (1932. 31 декабря. № 362) — статья вообще не упоминается. Затем ее совершенно забыли, и у Ю. Иваска были все основания писать в 1971 году Г.П. Струве: «Выражение стало „ходким“ после моей статьи, а Оцупа тогда (в 1940-е годы. — А.Д.) не помнили»³⁸.

В том, что выражение стало «ходким» не в 1920–1930-е годы, когда оно несколько раз встречалось в разных значениях и контекстах, а только после войны, нет ничего удивительного. Эпохи и периоды, как правило, получают название спустя некоторое (иногда длительное) время после своего завершения, когда ретроспективно, с достаточно большой дистанции, начинает осознаваться их уникальность, целостность и отграниченность. Так случилось, например, с термином «Ренессанс» («Возрождение»). Обсуждая резкие перемены в западноевропейской культуре XIV–XVI веков, историки, критики, философы Просвещения и романтизма много писали о возрождении (всегда со строчной буквы) в Европе античного наследия и литера-

---

³⁸ См. примеч. 19.

туры, о возрождении наук и искусств при Медичи в Италии и т.п., но сам термин как название культурно-исторической эпохи входит в обиход только в середине XIX века, после появления седьмого тома «Истории Франции» Ж. Мишле, озаглавленного «Renaissance» (1855), и книги Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» («Die Kultur der Renaissance in Italien», 1860). Вступление к труду Мишле начинается так: «Приятное слово „Ренессанс“ для любителя прекрасного означает лишь возникновение нового искусства и свободный полет фантазии. Для эрудита это возобновление занятий античностью; для законоведов — наступление дня, начавшего освещать разношерстный хаос наших старых обычаев»³⁹. Подобным узким представлениям Мишле противопоставляет свое широкое понимание Ренессанса (с большой буквы) как великой эпохи («l'ère de la Renaissance»), главным содержанием которой были, по его знаменитой формуле, «открытие мира, открытие человека» («La découverte du monde, la découverte de l'homme»)⁴⁰. Буркхардт также считал Ренессанс целостным и завершенным периодом в истории культуры (Kulturrepoche), который наложил отпечаток не только на государственные институты, религию, искусство и науку, но и на социальное бытие людей⁴¹. И хотя впоследствии многие идеи Мишле и Буркхардта (и в том числе сама идея Ренессанса как уникальной единой эпохи) были оспорены, а некоторые — опровергнуты, сам термин настолько плотно врос в понятийный аппарат всех гуманитарных наук и всеобщую культурную память, что какая-либо рефлексия по поводу его семантики и прагматики уже бессмысленна.

Примерно то же самое — но только, разумеется, в миниатюре — произошло и с выражением «серебряный век». Оно смогло стать тем, что мы сегодня называем мемом, только тогда, когда для этого сложились необходимые условия: когда сама эпоха ушла в относительно далекое прошлое и уже не могла оставаться безымянной; когда у плохо ее знающих эмигрантов второй волны и новых поколений советских интеллигентов она начала вызывать повышенный интерес как антитеза соцреализму; когда исследования предреволюционной культуры заняли центральное место в гуманитарных науках, вследствие чего возникла потребность в удобном хронониме. Критики термина призывают отказаться от него, потому что, по их мнению, он умаляет значение русского модернизма, подразумевая

³⁹ Michelet J. Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. Paris, 1855. P. 10.

⁴⁰ Ibid. P. 11.

⁴¹ Burkhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien. Hamburg, 2013. S. 223.

регресс по отношению к «золотому веку» пушкинской эпохи. Однако нельзя не заметить, что по мере его распространения он все меньше и меньше ассоциировался с традиционным противопоставлением идеальному «золотому веку», пока окончательно не потерял связь с символической системой четырех металлов. В современном словоупотреблении «серебряный век» с точки зрения семантики — это такая же мелиоративная метафора со стертым значением, как обычные в русской поэзии после Фета «серебряные звуки», «серебряные звоны», «серебряные голоса» или «серебряные дни», и потому имеет полное право на существование.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин Аврелий 121
 Адамович Г.В. 41, 46, 147
 Айхенвальд Ю.И. 84–85
 Аксаков К.С. 16, 130
 Александр Р. (Alexandre R.) 77
 Александровский Г.В. 134
 Алексей Петрович, царевич 77
 Алибер Ж.-Л. (Alibert J.-L.) 116
 Амфитеатров А. (Amfiteatroff A.) 136
 Андреев Н.Е. (Тверской П.) 137
 Анненков Е.В. 120
 Анненский И.Ф. 136, 139, 147
 Ансело Ж.-Ф. (Ancelet J.-F.) 72, 76–77
 Анстей О.Н. 143
 Аристотель 112
 Арну О. (Arnould A.J.F.) 77–78
 Арну-Плесси Ж.С. (Arnould-Plessy J.S.)
     78
 Ахматова А.А. (Akhmatova A.) 135–137,
     139, 142, 145
 Ашукин Н.С. 30
 Ашукина М.Г. 30
 Багно В.Е. 9
 Байрон Дж.Г. (Byron J.G.) 17–19, 28, 99,
     102, 118–119
 Бакунина Е.М. 67
 Балланш П.С. 22
 Бальзак О. де 63
 Бальмонт К.Д. 136, 139, 144
 Баратынский Е.А. 140, 143, 147
 Барсуков Н.П. 72
 Бартольд В.В. 120–121
 Барятинский А.Н. 72
 Бахметев Ю.П. 129
 Бахметьева А.Н. 83
 Бедный Д. (Придворов Е.А.) 69
 Белинский В.Г. 21–22, 30, 58, 127
 Белый А. (Бугаев Б.Н.) 11, 40–42, 47
 Бенкендорф А.Х. 102
 Бентинк Ш.-С. (Bentinck Ch.-S.) 89
 Бердяев Н.А. 37, 43–44, 46, 55–56, 137
 Бертон Р. (Berton R.) 108–109
 Бестужев-Марлинский А.А. 117
 Бетеа Д.М. (Bethea D.M.) 49, 54, 97, 118,
     122
 Бицилли П.М. 120
 Блок А.А. 11, 39, 40–41, 136, 139, 140, 141,
     147
 Боборыкин П.Д. 131
 Бобрищев-Пушкин А.В. 47
 Богомолов Н.А. 50
 Бодлер Ш.П. 147
 Боленко С.К. 10
 Бомарше П.О.К. де (Beaumar-
     chais P.-A.C. de) 63
 Бонди С.М. 97–98
 Бочаров С.Г. 49, 103, 105, 111, 125–126
 Бродский И.А. 9
 Брюсов В.Я. 11, 39, 136, 139
 Буаст П.-К.-В. (Boiste P.-C.-V.) 115
 Букшпан Я.М. 43–44, 55
 Булвер-Литтон Э. 18
 Бунин И.А. 138, 143
 Буркхардт Я. (Burkhardt J.) 148
 Бутакова В.И. 104
 Бьюнкен Дж. 69–70
 Вагинов К.К. 42–43
 Варшавский В.С. 143
 Вацуро В.Э. 18, 103, 118
 Вейдле В.В. (Weidlé W.) 49, 135–137, 140,
     143–144, 146–147
 Венгеров С.А. 134
 Вентцель Н.Ник. 69
 Веселовский А.Н. 134
 Ветловская В.Е. 99–100
 Вильгельм II 65
 Виноградов В.В. 126
 Винокур Г.О. 97
 Вогюэ Э.М. де (Vogüé M.-E.-M. de)
     124–134
 Воейков А.Ф. 106
 Волохонская Л.Г. 108
 Волчек Д.Б. 50
 Вольпе Ц.С. 106
 Вольтер (Voltaire, Аруэ Ф.М.) 7, 73, 79,
     86–91, 94–96, 113, 115, 141

- Вяземский П.А. 83, 85, 96, 102, 113–114, 118, 136
 Гагарин И.С. 83
 Гаевский В.П. 103
 Гакстгаузен А. фон (Haxthausen A. von) 73
 Галлатин А. (Gallatin A.A.A.) 74
 Галлатин Дж. (Gallatin J.) 74
 Гальперин-Каминский И.Д. 130
 Гаретто Э. 136
 Гаспаров М.Л. 103–105
 Гегель Г.В.Ф. 22
 Геерен А.Г. (Heeren A.H.L.) 121–122
 Гердер И.Г. 22
 Герцен А.И. 11, 33–37, 55, 73
 Гершензон М.О. 82
 Гесиод 111, 115
 Гессен И.В. 69
 Гете И.В. фон 83
 Гизо Ф. (Guizot F.) 22, 24, 106
 Гиллельсон М.И. 102
 Гинзбург Л.Я. 18–20, 96
 Гиппиус З.Н. 136
 Гнедич Н.И. 106
 Гней Манлий Вульсон, проконсул 121
 Гоголь Н.В. 7, 10, 65–67, 69, 70, 118–120, 124–128, 131–134, 143
 Головин К.Ф. 129
 Гомер 45, 83
 Гончаров И.А. 129, 133
 Горный С. (Оцуп А.А.) 44
 Горчаков А.М. 73, 103
 Гофман Э.Т.А. 27
 Грановский Т.Н. 30
 Грасис К.Я. 55
 Грибоедов А.С. 82
 Григорович Д.В. 127–128, 131, 133
 Григорьева А.Д. 103
 Гринберг О.Э. 25, 77
 Гродецкая А.Г. 78
 Гронас М.Б. 9
 Грулев М.В. 70
 Гумилев Н.С. 136–137, 143
 Гюго В. (Hugo V.) 24–25, 27–28, 63, 79, 80, 81
 Д'Аламбер Ж.Л. (D'Alembert J. Le R.) 91, 113
 Давидсон А.Б. (Davidson A.) 68
 Дамилавиль Э.Н. (Damilaville É.N.) 90
 Данилевский Н.Я. 11, 36–37, 42
 Данте Алигьери 147
 Делиль Ж. (Dellile J.) 105, 114
 Деффан М. дю (Vichy-Chamrond M. de, marquise du Deffand) 90–91
 Джеймс Г. (James H.) 81
 Дидро Д. (Diderot D.) 93, 113
 Дмитриев М.А. 105
 Добролюбов Н.А. 65–66
 Долгополов Л.К. 41
 Долгоруков П.В. 82
 Долинин А.С. 34
 Долотова Л.М. 127
 Дора К.-Ж. (Dorat C.-J.) 9
 Достоевский Ф.М. 11, 16, 32–34, 62, 72–73, 124–126
 Дрейфус А. 65
 Дурылин С.Н. 83
 Душенко К.В. 83
 Дягилев С.П. 143
 Егоров Б.Ф. 15
 Екатерина I 86
 Екатерина II 7, 86, 89–96
 Елизавета Петровна 86–87, 89
 Есенин С.А. 139
 Жильбер Н. 103–107
 Жокур Л. де 113
 Жуковская Л.А. (урожд. Ратманова) 117
 Жуковский В.А. 106
 Жуковский М.С. 117
 Загоскин С.М. 131
 Зайцев Б.К. (Zaitsev B.) 143–144
 Заславский Д.И. 57
 Зедеггольм А.М. (урожд. Погодина) 72
 Зенкин С.Н. 77
 Зеньковский В.В. 34
 Зорин А.Л. 14, 23
 Зубков Н.Н. 99
 Ибсен Г. 40
 Иванов Вяч.И. 141, 144
 Иванов Г.В. 137
 Иванов П.К. 48
 Иванов-Разумник Р.В. 134
 Иванова С.А. 50
 Иваск Ю.П. (Ivask J., Иссако) 99, 140–144, 146–147
 Иезуитова Л.А. 138

- Ильенков В.И. 56
 Иоахим Флорский 46
 Ирвинг В. 8, 9
 Иустин (Попович), преподобный 61
 Кайданов И.К. 122
 Каллаш В.В. 134
 Кампан Ж.-Л. (Campan J.L.H.) 72, 74, 77, 79
 Кампенон В. (Campenon V.) 110
 Кант И. 85
 Кантор М.Л. 46
 Капече-Латро Дж. (Capece-Latro G.) 77
 Карамзин Н.М. 84, 110
 Караччиоли Л.-А. (Caraccioli L.-A.) 72, 75
 Карева Н.В. 106
 Карл Великий 32, 38
 Карл XII 86
 Карниолин-Пинский М.М. 118
 Карпантье Л. (Carpentier L.J.M.) 106, 110
 Кац Б.А. 10
 Каченовский М.Т. 113
 Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus) 105
 Кермоуд Ф. (Kermode F.) 62
 Кизеветтер А.А. 60
 Киреевский И.В. 11-13, 15, 20, 23-24, 30
 Киреевский П.В. 30
 Кленовский Д.И. 143
 Ключевский В.О. 7, 82
 Койре А. 12
 Комарович В.Л. 120
 Корберон М.-Д. де (Corberon M.-D. de) 76, 77
 Кореньков А.В. 14
 Королева Н.В. 107
 Короленко В.Г. 68, 71
 Коростелев О.А. 41
 Кошелев В.А. 120
 Кравцов П.И. 117
 Краинский Н.В. 48
 Краснов П.Н. 69
 Красных И.Н. 56
 Кузмин М.А. 143
 Кумпан К.А. 96
 Курилкин А.Р. 10
 Курциус Э.Р. (Curtius E.R.) 100
 Кюстин А. де 76-77, 79
 Кюхельбекер В.К. 107
 Лабрюйер Ж. де (La Bruyère J. de) 112-113
 Лабуйсс-Рошфор Ж.-П.-О. де (Labouisse-Rochefort J.-P.-A. de) 75
 Ладинский А.П. 50, 54
 Лазаревский В.А. 65
 Ламартин А. де 28
 Лапина Г.В. 10
 Лафонтен (La Fontaine) 105
 Левинтон Г.А. 10, 107
 Лежье П. (Légier P.) 93
 Лекманов О.А. 10
 Лемке М.К. 126
 Леонтьев К.Н. 11, 37-38, 41-43
 Лермонтов М.Ю. 11, 16-20, 24, 27, 36
 Лесков Н.С. 129, 131
 Либрович С.Ф. 130
 Ливак Л. (Livak L.) 54
 Линь Ш.-Ж. де 73
 Лопатин Н.М. 67
 Лорд У. 51, 53
 Лосев Л.В. 8-9
 Лотман Ю.М. 7, 20, 35, 98, 102, 110
 Лохвицкая М.А. 136
 Луговой А. (Тихонов А.А.) 83
 Лурье С.А. (Гедройц С.) 107-108
 Любимов Д.Н. 131
 Людовик XVI 95
 Лямина Е.Э. 10
 Ляцкий Е.А. 16
 Мазур Н.Н. 21, 104
 Майков А.Н. 73, 138, 144
 Майкова Е.П. 78
 Майорова О.Е. 130
 Маковский С.К. (Makovsky S.) 137, 144-146
 Максимов Д.Е. 11
 Маликова М.Э. 9
 Мандевиль Б. (Mandeville B.) 114-115
 Мандельштам О.Э. 50, 137-138
 Манн Ю.В. 125-126
 Маргарета (Маргрета) I Датская 86
 Марев Г. 137
 Мария-Антуанетта 74
 Маркевич Б.М. 129-132
 Марков Е.Л. 67
 Массон Ш. 93
 Маяковский В.В. 142

- Мединский В.Р. 77
 Медичи, семейство 148
 Мейерхольд В.Э. 143
 Мень П. (Maigne P.) 74
 Мережковский Д.С. 11, 38–39, 51, 136, 141
 Местр Ж. де 73
 Микеланджело Буонарроти 147
 Мильчина В.А. 10, 25, 76–77, 80
 Милюков П.Н. 69–70
 Минаев Д.Д. 33, 72–73, 131
 Минц З.Г. 10, 16, 39
 Миркин-Герцевич Б.С. (Мирский Б.) 44
 Михайловский Н.К. 66, 78
 Михельсон М.И. 73, 86
 Мишле Ж. (Michelet J.) 148
 Модзалевский Б.Л. 100, 104–106, 110, 113–114
 Моллер Е.А. 78
 Монтень М. де (Montaigne M. de) 104
 Мордерер В.Я. 136
 Мотовилов Н.Н. 18
 Моцарт В.А. 116
 Мур Т. (Moore Th.) 17, 83, 98–99, 101, 118
 Муравьев-Апостол И.М. 122
 Муратов П.П. 49
 Набоков В.В. (Nabokov V.) 99, 102–103, 135, 142
 Наполеон I Бонапарт 72–74, 77, 79
 Нарышкины, семейство 74
 Незеленов А.И. 134
 Некрасов Н.А. 107, 142
 Нельсон Г. (Nelson H.) 75–76
 Немзер А.С. 20
 Нехода И.И. 56
 Никитенко А.В. 58–60
 Николай I 14, 83
 Ницше Ф. 40
 Новиков Н.И. 92
 Новикова-Строганова А.А. 61
 Новосильцева В.Е. (Толычева) 83
 Нодье Ш. (Nodier Ch.) 28, 63
 Нольман М.Л. 17, 100
 Нордау М. 40
 Нордберг Г. 86
 Одоевский В.Ф. 11–15, 21, 24, 36–37
 Орлов Г.Г. 94
 Осповат А.Л. 10, 76, 83
 Осповат К.А. 10
 Островский А.Г. 131
 Охотин Н.Г. 10, 16
 Оцуп Н.А. 135, 137, 140, 146, 147
 Павел I 79, 91
 Панаева (Головачева) А.Я. 132
 Пастернак Б.Л. 55
 Петр I 19, 30, 44, 75, 77–79, 87, 95
 Петр III 79–90, 94, 95
 Петровский Ф.А. 104
 Печерин В.С. 82
 Пильд Л.Л. 9
 Пильский П.М. 147
 Писемский А.Ф. 133
 Пишо А. (Pichot A.) 98–99, 101
 Платон 114
 Платонова Н.Н. 112
 Плиний-младший 100
 Плутарх (Plutarque, Plutarch) 108–109
 По Э.А. 50, 52
 Поггенполь Н.П. (Poggenpohl N. de) 73
 Погдин М.П. 72–73
 Полонский Я.П. 138
 Полторацкий С.Д. 118
 Полякова С.В. 87
 Понжервиль Ж.-Б.-Э. де (Ponger-ville J.V.A. de) 104–105
 Поплавский Б.Ю. 46, 50–51, 54
 Поуп А. (Pope A.) 106, 114
 Присманова А.С. 142
 Прокунин В.П. 67
 Проскурин О.А. 97, 99, 118–119
 Проскурина В.Ю. 25, 86
 Протопопов М.А. 70
 Прутков К. 86
 Пугачев Е.И. 44
 Путята Н.В. 118
 Пушкин А.С. (Pushkin A.) 8–9, 11, 44, 62–64, 84, 97–104, 106–107, 109–111, 116–123, 127, 136–137, 140–141, 143, 145, 147, 149
 Пяст В.А. 137
 Радищев А.Н. 19
 Райс Дж. 8, 9
 Рак В.Д. 97, 99, 107
 Расин Ж. (Racine J.) 100
 Рейналь Г.Т. (Raynal G.-Th.) 121
 Рейсер С.А. 124–127

- Рёль М. (Röhl M.) 126–128
 Ремизов А.М. 143
 Рождественский З.П. 70
 Розанов В.В. 11, 38
 Ронен О. (Ronen O.) 135–138, 144–146
 Россомехин А.А. 76
 Ростопчин Ф.В. (Rostopchine F.) 76
 Руссо Ж.-Ж. 19, 75, 78
 Рюльер К.К. де 90
 Рюрик 77
 Саади 97–102, 118
 Савицкий П.Н. 48
 Саводник В.Ф. 134
 Сакулин П.Н. 14
 Сальери А. 116
 Сахаров В.И. 14
 Свифт Дж. (Swift J.) 110
 Святополк-Мирский Д.П. (Mirsky D.S.) 144–145
 Селин Л. 50
 Сен-Пьер Б. де 101
 Сент-Бев Ш.О. де (Sainte-Beuve C.-A.) 25, 79
 Сент-Илер Э.-М. (Saint-Hilaire E.M. de) 79
 Серван Ж.М.А. (Servan J.M.A.) 115–116
 Сиповский В.В. 134
 Скальковский К.А. 130
 Скотт В. (Scott W.) 27, 107, 123
 Скрыбин А.Н. 143
 Случевский К.К. 138–139
 Смирнова А.О. 126
 Смирнова О.Н. 126–127
 Согомонов А.Ю. 112, 126
 Сократ 45
 Солженицын А.И. 9
 Соловьев (Андреевич) Е.А. 134
 Соловьев В.С. 16, 57–59, 129, 138–139
 Сологуб В.А. 30
 Сологуб Ф.К. 136, 143
 Солоницын В.А. 78
 Сперанская Н.М. 77
 Сталин И.В. 56
 Сталь А.-Л.Ж. де (Staël A.-J.L. de) 73–74
 Станкевич Н.В. 30
 Стаф И.К. 77
 Стенли А.П. (Stanley A.P.) 73
 Степун Ф.А. 43, 44, 55
 Стерн Л. (Sterne L.) 107–109, 111
 Стравинский И.Ф. 143
 Страхов Н.Н. 33
 Страховский Л.И. (Strakhovsky L.) 136, 144, 146
 Струве Г.П. (Struve G.) 140, 142, 144–147
 Струве П.Б. 28–30
 Суворин А.С. (Souvorine A.) 65, 130
 Сулье Ф. (Soulié F.) 79
 Сумароков А.П. 92–93, 96
 Сурат И.З. 62–63
 Сыромятников С.Н. 70
 Талейран Ш.М. де 73–74
 Тартаковский А.Г. 20–21
 Терапиано Ю.К. 45
 Тикнор Дж. (Ticknor G.) 24–25
 Тиме Г.А. 42
 Тименчик Р.Д. 10, 136, 140
 Тит Ливий 121
 Тит Лукреций Кар (Lucretius) 104–105, 110
 Титов В.П. 14
 Ткачев П.Н. 72
 Толстая С.А. 127, 129, 130, 133
 Толстой А.К. 85, 129, 130, 144
 Толстой Л.Н. 40, 124, 132–133
 Томашевский Б.В. 98
 Тургенев А.И. 83
 Тургенев И.С. 124, 126–127, 129
 Тхоржевский И.И. 138–140, 144, 146–147
 Тынянов Ю.Н. 117
 Тютчев Ф.И. 11, 32, 83, 85, 138, 143, 147
 Уайльд О. 144
 Уваров С.С. 14, 20, 23
 Уолпол Х. (Walpole H.) 91
 Урусов А.И., князь 127
 Успенский В.М. 76
 Успенский П.Ф. 49
 Ушаков Ф.Ф. 75
 Фамин П.Н. (Famin P.N.) 110–111
 Феофан Прокопович 86
 Ферриар Дж. (Ferriar J.) 108
 Фестингер Л. (Festinger L.) 61–62
 Фет А.А. 149
 Филатова И.И. (Filatova I.) 68
 Филимонов В.С. 99, 101
 Фицджеральд П. (Fitzgerald P.H.) 81
 Фишер А.А. 14

- Фогт К. 73
 Фомичев С.А. 118
 Фонтенель Б.Л.Б. де (Fontenelle de) 86
 Фонтон Ф.П. 117
 Фофанов К.М. 139
 Франк С.Л. 43–46, 49, 55
 Фридрих II Великий 95
 Фурнье Н. (Fournier N.) 77–78
 Хазан В. 50
 Хазанов А.М. 10
 Хантингтон С. 73
 Хворостинин И.А. 82
 Ходасевич В.Ф. 49, 50, 136, 143, 147
 Хомяков А.С. 11, 14–16, 18–20, 24, 27,
 31–32, 36, 50, 58, 63, 83
 Хомяков Г.А. (Андреев Г.) 135, 137, 142
 Хрусталеv Д.Г. 76
 Хрущев Н.С. 56
 Цветаева М.И. 139–140
 Цетлин М.О. (Амари) 45
 Цицерон 99–100
 Цявловский М.А. 84
 Чаадаев П.Я. 25
 Чайкин К.И. 87
 Чеймберс Э. (Chambers E.) 114
 Чемберлен Н. 69
 Черный С. (Гликберг А.М.) 48–49
 Чернышевский Н.Г. 22, 131
 Чехов А.П. 65
 Чубарьян А.О. 85
 Чулков Г.И. 83–84
 Шаль Ф. (Chasles Ph.) 25–27, 29
 Шатобриан Ф.-Р. де (Chateaubriand F.-R.
 de) 24–25, 27–28, 120
 Шевырев С.П. 11, 21, 28–31, 58, 62–64
 Шекспир У. 106
 Шелгунов Н.В. 65
 Шелли М. 144
 Шенрок В.И. 126
 Шенье А. (Chénier A.) 89, 102–104, 107
 Шерр Б. 9
 Шимановска М. 83
 Ширяев Б.Н. 139–140
 Шкловский В.Б. 109, 142
 Шлегель Ф. 22–24
 Шовлен Ф.-К. де (Chauvelin F.C. de) 89
 Шолохов М.А. 56–57
 Шпенглер О. 42–44, 46–47, 50, 53, 55
 Шпет Г.Г. 14
 Штепенко Вл.З. 127
 Шуазель Э.Ф. де (Choiseul É.F. de) 90–91
 Шувалов И.И. 89
 Шульгин В.В. 69
 Шумейко И.Н. 73
 Эйдельман Н.Я. 84, 118
 Эйхенбаум Б.М. 17–18, 20
 Элиан Кл. 87
 Энгельгардт А.Н. 66–67
 Энгестрём Л. фон (Engeström L. von) 75
 Эренбург И.Г. 47
 Эртель А.И. 73
 Южаков С.Н. 70
 Языков Н.М. 83
 Яковлев Б.А. (наст. имя Троицкий Н.А.)
 137
 Якубович П.Ф. (Гриневич П.Ф.) 68
 Янковский Ю.З. 20, 30
 Яновский В.С. 50
 Arnault A.-V. 105
 Babbit F.C. 109
 Besterman Th. 87
 Brandl A. 133
 Canivet A. 130
 Carpentier L.J.M. 107
 Constant B. 83
 De Ségur A. 76
 Dryden J. 114
 Dubois J.-B. 110
 Dupaty E. 110
 Festinger L. 62
 Fleishman L. 9, 54
 Furetiere A. 114
 Garnett R. 133
 Groh D. 22–23
 Heeren A.H.L. 122
 Hertslet W.L. 73
 Howorth H.H. 73
 Jackson H.J. 108
 Komaroff R. 130
 Labande L.-H. 76
 Leroy-Beaulieu H.J.B.A. 130
 Lewis W.S. 91
 Malia M. 22
 Maubach J. 105
 Meisel J.H. 114
 Ossian 114

Payen-Payne J.B. 74
Petrie G. 107
Riecken H.W. 62
Roberty E. de 130
Rosenfeld I. 114
Schachter S. 62
Schenk H.G. 23
Séguier M. 110
Simon J. 130
Smith A.G. 144
Smith W.H. 91
Stavrou T.G. 146
Swart K.W. 22
Tatistcheff S.S. 130
Vallée L. 133
Vercruysse J. 93
Walcot P. 112
Walters R. jr. 75
Weinbrot H.D. 114
Zola É. 130

АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН
«ГИБЕЛЬ ЗАПАДА» И ДРУГИЕ МЕМЫ
ИЗ ИСТОРИИ РАСХОЖИХ ИДЕЙ
И СЛОВЕСНЫХ ФОРМУЛ

Выпускающий редактор Татьяна Григорьева
Корректор Светлана Крючкова
Верстка Ильяс Лочинов
Производство Сергей Николаев

Новое издательство
123022, Москва
Столярный переулок, дом 3, корпус 1
e-mail: info@novizdat.ru
www.novizdat.ru

Подписано в печать 15 февраля 2020 года
Формат 70×100/16
Гарнитура Spectral
Объем 11,86 условного печатного листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 34-02/20

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг Радуга»
115280, Москва, Варшавское шоссе, дом 28А